ЭР1
821

Л-844
Эр1 821

БИБЛІОТЕКА
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ"
РОССІИ

Кап. 2-го ранга
А. П. ЛУКИНЪ

ФЛОТЪ

II.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ"
на 1934 г.

Книга 50

ПОДПИСКА НА 1934 ГОДЪ

На самый большой еженедѣльный русскій ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ, издающійся въ Парижѣ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

ВЪ 1934 ГОДУ ПОДПИСЧИКИ „ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ" ПОЛУЧАТЪ:

52 НОМЕРА богато иллюстрированнаго журнала съ произведеніями выдающихся русскихъ и иностранныхъ авторовъ, разсказами, очерками, воспоминаніями, репортажемъ, карикатурами и фотографическимъ матеріаломъ изъ жизни Сов. Россіи и всего міра.

И 52 КНИГИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ (ЕЖЕНЕДѢЛЬНО) **БИБЛІОТЕКА „ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ"**

52 КНИГИ ПРИЛОЖЕНІЙ „ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ" СОСТОЯТЪ ИЗЪ

19 КН.	**ОКОНЧАНІЕ ПОЛН. СОБР. СОЧ.**	**Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО**
20 КН.	**ОКОНЧАНІЕ ПОЛН. СОБР. СОЧ.**	**Л. Н. ТОЛСТОГО**
5 КН.	**ОКОНЧАНІЕ ПОЛН. СОБР. СОЧ.**	**Н. В. ГОГОЛЯ**
1 КН.	**СКАЗКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ**	**А. С. ПУШКИНА**
1 КН	**РАЗСКАЗЫ**	**МАЙНЪ РИДА**
2 КН.	**„Записки Охотника"**	**И. С. ТУРГЕНЕВА**
1 КН.	**ОКОНЧАНІЕ „ВОСПОМИНАНІЙ"**	**Вел. Кн. Александра Михайловича**
2 КН.	**Морскіе разсказы „ФЛОТЪ"**	**А. П. ЛУКИНА** Капитана 2-го ранга.
1 КН.	**Очерки „БУРСЫ"**	**Н. ПОМЯЛОВСКАГО**

Всего 52 книги.

Напечатанныхъ на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, около 10.000 страницъ, представляютъ прекрасную библіотеку.

Условія подписки см. на послѣд. стран. облож.

Эр1
821

Кап. 2-го ранга А. П. ЛУКИНЪ

ФЛОТЪ

Русскіе моряки во время Великой войны и революціи

Томъ II.

БИБЛІОТЕКА
"ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ"
ПАРИЖЪ

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ 301781979г.

Ст 48245

ФЛОТЪ

Записки морского офицера.

Императрица Чернаго моря.

Еще издали, подъѣзжая къ «Руссуду» и «Навалю» [1]), чувствуется мощь кипучаго ключа жизни этихъ гигантскихъ муравейниковъ...

Толпы снующихъ людей, нагруженные бочками, дребезжащимъ желѣзомъ битюги, свистъ паровозовъ, грохотъ тяжестей, кранов и чудовищныхъ молотовъ, крики людей, лязгъ желѣза, вагонетокъ, пулеметная трескотня электрическихъ сверлъ. Кругомъ — черныя отъ копоти и гари раскрытыя пасти мастерскихъ, съ мерцающимъ, словно въ сизомъ туманѣ, свѣтомъ электрическихъ лампъ; въ глубинѣ — искрящіеся жаромъ глазки огнедышащихъ печей; всюду вращеніе и движеніе рычаговъ, шатуновъ, всевозможныхъ колесъ; гулъ, грохотъ, визгъ, пыль, дымъ, убѣгающіе вдоль и поперекъ кожаные пазы, ручныя вагонетки, люди... И все это движеніе, весь этотъ шумъ, суета, гудѣніе, все это напряженіе человѣческихъ мускуловъ, силы, воли, ума, знаній и опыта, вся эта колоссальная людская, машинная, электрическая и огневая энергія устремляется къ одной цѣли, къ одному мѣсту, гдѣ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ растетъ вширь и ввысь, переростая все окружающее и подавляя его собой, гигантское морское сверхъ-силище, наша гордость и слава — первый черноморскій дредноутъ «Императрица Марія».

[1]) Русскіе судостроительные заводы въ Николаевѣ.

Ничтожествомъ чувствуешь себя передъ этой махиной, облѣпленной кругомъ, до самаго неба, лѣсомъ стали, желѣза, крановъ, тысячами рабочихъ, сотнями инженеровъ и техниковъ съ чертежами, метрами и кронъ-циркулями въ рукахъ. Съ трудомъ вѣрится, что все это — дѣло рукъ человѣческихъ.

Вездѣсущій въ своемъ громыхающемъ царствѣ, въ стужу и солнцепекъ безъ шапки, съ загорѣлымъ черепомъ наголо сбритыхъ волосъ, носится въ своемъ сѣромъ, развѣвающемся пиджакѣ директоръ «Руссуда» Н. И. Дмитріевъ — этотъ удивительный, неутомимый человѣкъ русско-американской складки. Это онъ — создатель и умственный двигатель этого могущественнаго муравейника, призванный, наряду съ инженеромъ Б. А. Юреневымъ — директоромъ «Наваля», однимъ духомъ, какъ въ сказкѣ, создать новую силищу изъ 3-хъ дредноутовъ («Императрица Марія», «Императрица Екатерина», «Александръ III»), одного сверхъ-дредноута («Императоръ Николай I»), 4-хъ быстроходнѣйшихъ въ мірѣ красавцевъ — тюрбинныхъ крейсеровъ (Адмиралы «Нахимовъ», «Истоминъ», «Лазаревъ» и «Корниловъ») и цѣлой эскадрильи миноносцевъ-нефтяниковъ. Каковы должны быть мощь воли, сила энергіи и широта ума этихъ двухъ людей, чтобы въ кратчайшій срокъ и не позже 1917 года Черное море могла бороздить могущественная эскадра изъ этихъ колоссовъ-кораблей. И она бороздила бы его, если бы...

Изъ собранныхъ схематическихъ чертежей судостроительныхъ заводовъ всего міра былъ скомбинированъ наилучшій, и Дмитріевъ былъ призванъ осуществить его. Но какъ... **Одновременно съ постройкой дредноута.** Заложили заразъ и заводъ и «Императрицу Марію»...

Тамъ, гдѣ еще вчера росла трава, и на тихомъ берегу Ингула мирно покоилось кладбище отжившихъ свой вѣкъ кораблей, гдѣ стояли въ разнотыкъ старыя, поросшія мхомъ, зданія, сегодня уже дымили трубы, и тысячи собранныхъ энергіей одного человѣка рабочихъ приступили къ титаническому труду. Приступили, не покладая рукъ, посмѣнно работая и ночью и днемъ.

И чудо, до сей поры невиданное даже въ такой странѣ чудесъ, какъ Америка, свершалось у всѣхъ на

глазахъ. Буйно росъ гигантъ земли — заводъ, а съ нимъ и заложенный въ первый же день, во чревѣ его, другой гигантъ — гигантъ моря.

Божья искра — мысль! Въ ней вся движущая сила, всепреодолѣвающее могущество... Положенная въ основу завода, казалось бы, простая мысль, однако, не примѣнявшаяся доселѣ, только она дала возможность «объять необъятное». Заключалась она въ томъ, что **обработанный матеріалъ долженъ не подыматься на строющійся корабль, а опускаться на него.** Это дало колоссальную экономію во времени и въ энергіи, и едва ли не побило міровой рекордъ быстроты постройки дредноута.

Соотвѣтственно съ этой идеей, заводъ былъ скомбинированъ такъ, что сырой матеріалъ, по мѣрѣ обработки, подымался все выше и выше, обходя спирально расположенныя на верхахъ мастерскія, вокругъ стальной бездны, гдѣ лежалъ зародышъ. На могучихъ кранахъ, уже въ законченномъ видѣ, онъ опускался на него, къ сотнямъ мозолистыхъ, распростертыхъ къ стальному небу рукъ. Какое облегченіе для труда, какая экономія времени и всякой энергіи.

* * *

Передъ заваленнымъ грудами бумагъ письменнымъ столомъ каюты низко склонилась густая копна бронзовыхъ волосъ...

Стукъ въ дверь.

— Войдите!

Послышалось шарканье ногъ, и шамкающій голосъ произнесъ:

— Честь имѣю явиться Вашему Выскбродію, матросъ съ «Импертрицы Маріи».

Старшій офицеръ, капитанъ 2-го ранга Городысскій, поднялъ голову. Знаки вопроса и восклицанія одновременно выразило его лицо... Опираясь на палку, но съ выправкой Николаевскихъ временъ, 90-лѣтній старецъ стоялъ передъ нимъ съ колодкой крестовъ и медалей отъ одного плеча къ другому.

— Такъ точно, ВВБ., матросъ съ «Императрицы Маріи», — прикладывая руку къ обнаженной, сѣдой

головѣ, какъ бы въ отвѣтъ на выраженное недоумѣніе, прошамкалъ старикъ.

— Но вы у меня не числитесь...

— Никакъ нѣтъ. Я матросъ съ «Императрицы Маріи» Павла Степановича Нахимова.

— Какъ Нахимова!? — Съ Синопской «Маріи»? Стало быть, вы — Синопскій герой.

— Такъ точно, ВВБ.

Старшій офицеръ всталъ.

— Радъ видѣть и привѣтствовать Синопскаго героя — соратника Павла Степановича Нахимова. Чѣмъ могу служить?

— Такъ что я, ВВБ., назначенъ матросомъ на новую «Императрицу Марію» — елико возможно, вытягиваясь въ струнку и снова прикладывая руку къ «пустой» головѣ, прошамкалъ старина и съ этими словами вручилъ старшему офицеру бумагу.

Старшій офицеръ пробѣжалъ ее. Дѣйствительно, предписаніемъ штаба флота, 90-лѣтній матросъ 2-й статьи съ знаменитой, по Синопскому бою, «Маріи» (флагманскій 84-хъ пушечный корабль адмирала Нахимова), Александръ Марковъ Абакумовъ зачислялся въ составъ экипажа линейнаго корабля «Императрица Марія».

— Куда же мнѣ дѣть эту «реликвію», — задумался старшій офицеръ. Но тутъ же мысль осѣнила его.

— Вотъ что, Александръ Марковичъ. Вотъ какое дѣло. Много у насъ враговъ. Всюду шпіоны. Надо держать ухо востро. Я назначу васъ къ сходнѣ, слѣдить, во время работъ, за всѣми проникающими на корабль. Осматривайте проносимыя вещи. Слѣдите также, чтобы не было проноса вина. Теперь время горячее — не до вина. У насъ на кораблѣ оно запрещено даже для офицеровъ. Вотъ пока ваша задача.

— Есть, ВВБ! Это для меня самое наилучшее. Я служивалъ швейцаромъ въ большихъ, богатыхъ домахъ и всякаго прохвоста вижу издалека.

Старшій офицеръ улыбнулся и отпустилъ «реликвію».

Самъ потомъ былъ не радъ данному ему порученію.

Старикъ оказался подозрителенъ. Никому прохода не давалъ. По немъ все было не ладно. Въ каждомъ мерещился шпіонъ.

— Вотъ этотъ, ВВБ., въ синемъ, подозрителенъ — шамкалъ старикъ, приставая къ вахтенному начальнику.

Въ результатѣ сходня его была пуста. Какъ увидятъ «синопскаго», сейчасъ же шмыгъ на другую. Всѣмъ старикъ осточертѣлъ.

Зато, когда онъ собирался на берегъ, въ городъ — была потѣха. Старикъ пыхтѣлъ, чистился, фабрился, охорашивался передъ зеркаломъ и ходилъ гулять не иначе, какъ на Соборную — главную улицу Николаева. Ни единой женщины не пропуститъ, если она значительна вѣсомъ.

Во вниманіе къ его лѣтамъ, прошлому и усердію къ службѣ, командиръ произвелъ его въ матросы 1-ой статьи.

* *
*

Дредноутъ заканчивался постройкой. Днемъ и ночью кипѣла работа. Все главное уже было на мѣстѣ. Проводили сигнализацію, устанавливали вспомогательные механизмы, отдѣлывали помѣщенія.

На прежнихъ корабляхъ до дредноутскаго типа («Евстафій», «Іоаннъ Златоустъ», «Пантелеймонъ») при сооруженіи офицерскихъ каютъ и отдѣлкѣ помѣщеній руководились принципомъ: все для боя, ничего для комфорта. Офицеръ долженъ быть спартанцемъ, долженъ жить въ простой, боевой обстановкѣ. Поэтому офицерскія помѣщенія на этихъ корабляхъ были строгими, «холодными», не располагавшими къ себѣ. Не было и намека на уютъ. Это повело къ тому, что офицерство, особенно постарше, стремилось обзаводиться на берегу своими квартирами. Стремилось къ берегу...

На новыхъ корабляхъ вернулись къ старому принципу, къ англійской точкѣ зрѣнія, подкрѣпленной лозунгомъ Макарова — «въ морѣ — дома». Поэтому при сооруженіи офицерскихъ помѣщеній на «Императрицѣ Маріи» и другихъ корабляхъ было удѣлено большое вниманіе комфорту и уюту. И дѣйствительно, обстановка на этихъ корабляхъ была положительно роскошной. Дивная мебель зеленой кожи, уютные уголки,

шелковые абажуры, лакированные столики, ковры, драпировки. Прекрасныя офицерскія каюты, полныя удобствъ и уюта. Это было большимъ облегченіемъ для долголѣтней службы на этомъ колоссѣ, вся жизнь котораго протекала по низамъ, въ тяжелой атмосферѣ нагнетаемаго воздуха, гудѣнія вентиляторовъ и всевозможныхъ механизмовъ. Это былъ пловучій гигантъ — заводъ сокрушенія твердынь, но и пожиравшій здоровье и самую жизнь служившихъ ему. Въ чревѣ его, насыщенномъ электричествомъ и немолчнымъ гуломъ, буйнымъ дыханьемъ ураганныхъ сквозняковъ его безконечныхъ каналовъ-корридоровъ жизнь и служба были нелегки.

Солнце, небо, вся эта чарующая стихія безбрежныхъ водныхъ пустынь съ ея озономъ, здоровьемъ и поэзіей не существуютъ для дредноута. Все это видимо только сквозь глазки боевыхъ рубокъ и призматическія стекла оптическихъ приборовъ, башенъ и казематовъ. Жизнь массы людей схоронена за могучей броней, куда не проникаетъ озонъ, теряясь въ безконечномъ лабиринтѣ вентиляторныхъ трубъ, и гдѣ, вмѣсто солнечнаго луча, рѣжетъ глазъ бѣлый вѣчный свѣтъ люстръ и электрическихъ лампіоновъ...

* *
*

Въ эпоху постройки новыхъ кораблей, въ Николаевъ часто наѣзжалъ Иванъ Константиновичъ Григоровичъ.

— Г. г-да! Министръ ѣдетъ, — объявлялъ директоръ завода, и тотчасъ же изъ сарая извлекалась и водворялась на мѣсто закладная доска.

Министръ горячо интересовался ходомъ постройки кораблей, особенно первенцомъ — «Маріей». Онъ всегда обходилъ его, долго простаивалъ передъ нимъ, словно любуясь смѣлымъ ростомъ своего дѣтища. Обходилъ не только строющіеся корабли, но и всѣ мастерскія, самолично слѣдя за ходомъ работъ, бесѣдуя съ рабочими и подбадривая людей. Послѣдній заводскій мальчонка на побѣгушкахъ зналъ его въ лицо. И не только техники и инженеры, но и всѣ рабочіе знали, любили и уважали этого, съ виду строгаго, но доступнаго, наряднаго въ своихъ сѣдинахъ, представительна-

го старика. Однажды, поднимаясь по сходнѣ, министръ замѣтилъ «Синопскаго».

— Ну, что, старина, какъ поживаешь?

— Вотъ привелъ Господь Богъ, Ваше Высокпри-ство, на старости на второй «Маріи» послужить. Да не похожа она на мою...

Министръ произвелъ его въ боцманматы.

Съ отѣздомъ министра мѣшавшая всѣмъ закладная доска убиралась обратно, въ сарай.

* * *

Но вотъ «Марія» готова [1]). Близокъ день перехода ея въ Севастополь — день вступленія въ строй.

Спеціально для нея углубили фарватеръ рѣки. Въ штабѣ — дѣятельная подготовка къ переходу. По донесеніямъ тайныхъ агентовъ врагъ готовится использовать этотъ переходъ, чтобы атаковать «Марію» всѣми подводными лодками. Приняты чрезвычайныя мѣры охраны. Мобилизованъ весь торговый тоннажъ.

29 іюня подводный заградитель «Крабъ» вышелъ къ Босфору заградить его минами. Вышли на позиціи наши подводныя лодки. Вышелъ навстрѣчу весь флотъ, подъ флагомъ командующаго флотомъ адмирала Эбергарда.

Севастополь опустѣлъ...

Море ждетъ донесенія «Краба».

Наконецъ, получено радіо — Босфоръ засыпанъ.

Двинулась «Императрица Марія»...

Окруженная со всѣхъ сторонъ нарочито полузатопленными транспортами и пароходами, чтобы осадка ихъ соотвѣтствовала осадкѣ «Маріи», на случай подводныхъ атакъ, императрица Чернаго моря движется къ морю... Весь флотъ, съ разсыпанными въ дозорѣ крейсерами, въ полной боевой готовности ожидаетъ ее. Эти мѣры предосторожности были необходимы, такъ какъ артиллерія «Маріи» не вполнѣ еще была готова къ бою.

Лѣсъ мачтъ и туча дыма показались отъ Очакова...

Опасный узкій проходъ пройденъ. Транспорта и пароходы остаются позади. «Марія» идетъ одна...

---

[1]) Спущенная 12 октября 1913 года, она 30 іюня 1915 года вступила въ строй.

Вдругъ, громовой гулъ потрясъ море со стороны Очакова. «Марія» впервые опробывала свой огонь...

Трудно, даже невозможно читателю, никогда не бывшему на дредноутѣ и не испытавшему на себѣ всего впечатлѣнія отъ его залпа, изобразить этотъ потрясающій весь человѣческій организмъ могучій эффектъ мощности силы удара и огня. Выраженная въ цифрахъ энергія одного залпа будетъ далека отъ впечатлѣнія дѣйствительности. Сила отдачи залпа однихъ башенныхъ орудій, оцѣненная въ пудахъ, выражается цифрой 19.464. Залповый вѣсъ заряда бездымнаго пороха равенъ 100 пудамъ. Взрывъ этого заряда выбрасываетъ изъ жерлъ орудій 260 пудовъ стали и взрычатыхъ веществъ, съ неподдающейся воображенію скоростью въ 2.800 футъ въ секунду. Мощь залпа одной башни такова, что на предѣльной чертѣ угла обстрѣла деформируется желѣзо надстроекъ. А вѣдь въ предѣльной чертѣ этого угла находятся люди на постахъ управленія, сигнализаціи и наблюденія... Чтобы опредѣлить границы опасной для человѣка зоны воздушной звуковой волны залпа, привязывали, въ разныхъ мѣстахъ, барановъ. Несмотря на крѣпость ихъ череповъ, черепа давали трещины. Основываясь на этихъ испытаніяхъ, предѣльный уголъ стрѣльбы былъ установленъ въ 30 гр. И все же тонкое желѣзо надстроекъ, какъ напримѣръ, коечныхъ сѣтокъ, деформировалось и тамъ. Эффектъ залпа одной башни столь потрясающъ, что были случаи мгновеннаго помѣшательства. Одинъ молодой матросъ, слѣдившій въ своемъ секторѣ за подводными лодками, лишился на мгновеніе разсудка отъ неожиданности залпа и бросился за бортъ. Въ моментъ залпа нельзя прозѣвать во-время открыть ротъ. Ватныхъ тампоновъ или спеціальныхъ ушныхъ шариковъ недостаточно...

Чтобы дать представленіе о разрушительной силѣ огня 12-д. орудій, привожу разсказъ одного изъ спасенныхъ офицеровъ съ геройски погибшаго отъ этого огня германскаго линейнаго крейсера «Блюхеръ», подбитаго въ бою у Доггеръ-банка 24 января 1915 года и уничтоженнаго затѣмъ «Indomptable». (VIII-12 д. орудій).

...«Стрѣльба англійскихъ орудій улучшалась, и эти ужасные столбы воды приближались все ближе... Англичане пристрѣливались, и все начало рушиться...

...Теперь на насъ лилъ дождь снарядовъ, ихъ ужасный ревъ раздавался непрерывно. Результатъ былъ страшный. Электрическая установка была быстро разрушена и «Блюхеръ» погрузился въ полную темноту. Въ низахъ корабля и во внутреннихъ палубахъ царили ужасъ и смятеніе. Чудовищные снаряды проникали въ корабль... Со всѣхъ сторонъ доносились крики и стоны. Позднѣе, когда дистанція уменьшилась и траэкторіи стали болѣе пологими, снаряды начали рвать борта и сметать все. Вначалѣ же они падали какъ бы съ неба. Въ палубахъ зіяли многочисленныя ямы. Снаряды попадали въ кочегарки. Загорѣлся уголь, и пожаръ въ полупустыхъ угольныхъ ямахъ быстро распространялся. Снарядъ, попавшій въ машинное отдѣленіе, разбросалъ повсюду масло, которое, воспламенившись, обратилось въ струи синяго и зеленаго пламени, жестоко обжигавшія людей. Снаряды производили настоящую бойню.

Страшное давленіе воздуха отъ столь большого количества взрывовъ оставило ужасное воспоминаніе у всѣхъ спасшихся. Воздухъ свистѣлъ изъ всѣхъ отверстій и вырывалъ своимъ давленіемъ слабыя части корабля. Всѣ подвижные или плохо укрѣпленные предметы обратились въ орудія разрушенія и смерти. Открытыя двери захлопывались, закрытыя желѣзныя двери гофрировались, какъ листы оловянной бумаги. **Несчастные матросы, унесенные ураганомъ, вертѣлись какъ опавшіе листья, и тѣла ихъ раздавливались о желѣзныя переборки.**

Въ одномъ изъ машинныхъ отдѣленій, въ томъ, гдѣ работали вентиляціонные моторы большой скорости, **люди, подхваченные вихремъ разрывовъ, были брошены въ вентиляторы и нашли тамъ жестокую смерть.**

Если то, что происходило внизу, было ужасно, еще большій ужасъ царилъ на верхней палубѣ. **Тамъ былъ сплошной непрерывный разрывъ.** Корабль кренился все больше и больше... Съ громаднымъ креномъ, съ бортами, раскаленными бушующимъ внутри пламенемъ, «Блюхеръ» все еще отстрѣливался изъ двухъ послѣд-

нихъ 8-д. орудій. Легкій крейсеръ «Arethusa» прекратилъ ужасную агонію корабля, выпустивъ въ него двѣ мины»...

* *
*

Окончивъ пробу артиллеріи, «Марія» легла на Севастополь. Впереди, ферзейлемъ, крейсеръ «Память Меркурія» подъ флагомъ Начальника бригады крейсеровъ. Кругомъ миноносцы охраняютъ отъ подводныхъ атакъ. На дистанціи — флотъ.

Какими пигмеями кажутся передъ ней наши славные, казавшіеся столь грозными, боевые старики «Евстафій», «Іоаннъ Златоустъ», «Пантелеймонъ». Какая сила, какая мощь, какая красота...

Флотъ подходитъ къ Севастополю.

Туча тральщиковъ, дозорныхъ судовъ, быстроходныхъ моторовъ охраняетъ каналъ. Рыщутъ, ищутъ перископы.

Самое опасное мѣсто...

Первымъ входитъ «Меркурій». За нимъ «Кагулъ».

Приближается «Марія»...

Съ удвоенной энергіей зарыскали миноносцы и моторные катера.

Вдали, замѣтая горизонтъ, сѣрая громада линейныхъ кораблей.

«Марія» полнымъ ходомъ идетъ по каналу. Ложится на створъ Инкерманскихъ маяковъ...

Берега черны. Школы и магазины закрыты. Улицы опустѣли. Все на берегу... Выстроены войска. Слышны торжественные звуки гимна. Несется уррра.

«Императрица» входитъ въ рейдъ.

Въ Походъ.

— Ваше Высокоблагородіе! — «Пулеметъ» идетъ.

Вахтенный начальникъ схватился за бинокль... Изъ южной бухты показался бѣлый моторъ.

— Караулъ и музыканты на верхъ!

— Четверо фалрепныхъ [1]) на пра-вую!

---

[1]). Фалрепные—это тѣ матросы, которые въ видѣ особаго установленнаго уставомъ почета встрѣчаютъ адмирала на обѣихъ площадкахъ трапа.

— Команда на верхъ, повахтенно во фронтъ!

— Вах-тен-ный!! — Доложи старшему офицеру и командиру, — идетъ «Пулеметъ» съ командующимъ флотомъ.

Поднялась суматоха... Загремѣлъ авральный звонокъ... На ходу, примыкая штыки, выбѣгалъ караулъ... Блестя мѣдью трубъ и барабновъ, строились музыканты... Изъ всѣхъ щелей высыпала команда, спѣшно выстраиваясь во фронтъ... Поправляя фуражки, выбѣгали на шканцы офицеры... Къ трапу спѣшилъ командиръ...

— Первая вахта кру-гомъ!

— Свистать фалрепныхъ.

— Музыканты! Встрѣчу!

Оркестръ грянулъ маршъ...

Разсѣкая волны, съ двумя молодцами «крючковыми», — съ засученными по локоть галанками, поверхъ полосатыхъ рукавовъ тѣльниковъ, съ развѣвающимися георгіевскими ленточками фуражекъ, лихо управляемый, молодчагой боцманомъ-рулевымъ подходилъ къ трапу щегольской адмиральскій моторъ.

— Смирр-рна!

Корабль замеръ...

— Слушай на кра-улъ!

Блеснули штыки. Офицеры взяли подъ козырекъ... Гремитъ сверкающая мѣдь, бьютъ барабаны...

Показалась сѣдая, съ аккуратно подстриженной серебряной бородкой, голова командующаго и вся его сухая, элегантная фигура.

Принявъ рапортъ командира и вахтеннаго начальника, поздоровавшись съ офицерами, карауломъ и командой, адмиралъ поднялся на мостикъ.

— Снимайтесь! — приказалъ онъ.

— По мѣстамъ стоять! — Съ якоря сниматься!...

Авралъ на кораблѣ — все одно, что полкъ въ строю. Мертвая тишина. Ни единаго лишняго слова. Слышна только команда старшаго офицера, да дудки боцмановъ и унтеръ-офицеровъ...

Машины опробованы. Шлюпки подняты. Выстрѣла завалены. Трапы убраны. Все закрѣплено по походному.

«Марія» даетъ ходъ... Направляется къ выходу. Къ каналу.

— Отраженіе минной атаки!!

Затрубилъ на мостикѣ штабъ-горнистъ. Эхомъ по всѣмъ батареямъ и палубамъ, подхватили горны:

«Готовься, пушки заряжай.

Намъ мины угрожаютъ.

Лишь покажутся — стрѣляй.

Пускай всѣ насъ узнаютъ».

«Марія» все болѣе развиваетъ мощь своихъ машинъ... Въ каналѣ (опасное мѣсто) она должна имѣть самый полный ходъ. Тамъ ждутъ ее охранные миноносцы и конвоиры по каналу — быстроходные истребители.

На всѣхъ корабляхъ команды во фронтѣ. Направо — налѣво здоровается адмиралъ. Перекатами, съ корабля на корабль, несутся отвѣтные клики.

Величественно, въ кружевѣ пѣны кипящихъ буруновъ, съ развѣвающимися, словно въ грозовой тучѣ, флагами, движется могучая «Императрица» среди восхищенныхъ стариковъ...

Авралъ оконченъ.

— Подвахтенные внизъ!

На ютѣ что-то замѣшкались съ послѣдней шлюпбалкой... Для ускоренія работы, ютовый офицеръ мичманъ Мирковичъ приказалъ валить ее не на треногу, а прямо вручную. Уже наклоненная, шлюпбалка вдругъ измѣнила направленіе и выскользнула изъ рукъ державшихъ ее матросовъ. Опасаясь, какъ бы она не ушибла кого, мичманъ бросился поддержать ее, но тутъ же, вмѣстѣ съ шлюпбалкой, замертво рухнулъ на палубу съ раздавленной грудью.

Алая капля омочила уголъ губы...

* * *

Имѣя въ дозорѣ крейсеръ «Кагулъ» и въ охранѣ отъ подводныхъ атакъ эскадренные миноносцы «Пронзительный» (брейдъ вымпелъ кн. Трубецкаго), «Дерзкій», «Счастливый», «Громкій» и «Пылкій», «Императрица Марія», къ заходу солнца, ломаными курсами подошла къ Босфору...

Адмиралъ приказалъ миноносцамъ на ночь отдѣлиться и въ 7 утра быть у мѣста пловучаго Босфорскаго маяка.

Спустилась ночь...

Въ звѣздномъ свѣтѣ серебрящихся волнъ грозно вырисовывается темная масса русскаго дредноута... Ни звука на немъ... Ни огонька... Словно вымершій островъ...

* *
*

Въ 4 часа утра адмиралъ далъ радіоприказъ кн. Трубецкому осмотрѣть берегъ отъ Кефкена до мыса Шили. Самъ съ «Маріей» и двумя охранными миноносцами остался въ прикрытіи, пославъ «Кагулъ» въ дозоръ въ сторону Босфора.

Около 9 час. утра подходя къ Кефкену, миноносцы замѣтили два столба дыма. Давъ по радіо знать на «Марію», кн. Трубецкой легъ на дымы.

Загорался солнечный день 27 ноября 1915 года. Кругомъ — зеркально-ослѣпительная ширь. Вдали — чернѣетъ островъ...

Курсъ миноносцевъ 35.

Вскорѣ опредѣлился вражескій отрядъ изъ двухъ канонерокъ и подводной лодки. Непріятельская лодка тотчасъ же пошла на погруженіе.

Увеличили ходъ до 26 узловъ.

Яркое низкое солнце слѣпило глаза. Невозможно было начать пристрѣлку. Разстояніе сократилось до 35 кабельтовыхъ.

Канонерки открыли огонь...

Миноносцы повернули влѣво отъ непріятеля и, развивъ максимальный ходъ, перемѣнили позицію... Теперь они шли на пересѣчку отряда.

Врагъ продолжалъ огонь. Снаряды рвались кругомъ миноносцевъ. Гдѣ-то, подъ водой, кралась подводная лодка...

— Вниманіе!!.. — Слѣдить за перископомъ!..

Въ 9 ч. 38 м. кн. Трубецкой приказалъ пристрѣлку... Недолетъ... Перелетъ... Бѣглый огонь...

Ровно черезъ часъ двѣ минуты огонь былъ прекращенъ.

Исковерканные, со сбитыми мачтами и трубами,

гибнувшіе въ дыму пожаровъ остовы — вотъ все, что осталось отъ канонерокъ... Атака подводной лодки была отражена.

Вотъ копіи радіо-донесеній кн. Трубецкого о ходѣ боя:

9 ч. 38 мин. — Началъ бой съ канонерками, идущими къ Босфору. Мой генеральный курсъ вестъ. № 179.

9 ч. 43 м. — Канонерка типа «Буракъ-Рейсъ», спряталась за Кефкенъ. № 180.

10 ч. 05 мин. — Канонерка «Малатія» подъ нашимъ огнемъ выбросилась на берегъ. Продолжаю огонь. На «Малатіи» взрывъ котла. Горитъ. № 181.

10 ч. 17 мин. — Нахожусь на траверзѣ Кефкена. № 182.

10 ч. 33 м. — Уничтожаю вторую. № 183.

10 ч. 48 м. — «Буракъ-Рейсъ» горитъ. Видны и слышны взрывы. № 184.

11 ч. — Окончилъ бой. Ожидаю приказаній. Потерь нѣтъ. Иду остъ. Ходъ 18. № 185.

Дополнительное радіо въ 17 часовъ: «Осмотрѣлъ весь берегъ. Пароходовъ нѣтъ. Зунгулдакѣ тоже. Держусь мѣста 15 часовъ: Глаголь 366. Уничтоженныя непріятельскія суда, судя по артиллеріи и паденію снарядовъ, типа «Буракъ-Рейсъ» и «Малатія». Экипажи обоихъ погибли. Нашъ огонь, безпрерывные взрывы на канонеркахъ, большой пожаръ на обоихъ судахъ не допустили спасенія. «Буракъ-Рейсъ» во время боя спустилъ флагъ. Попытка непріятельской подлодки насъ атаковать осталась безуспѣшной. У устья Сакарія уничтожилъ большое двухмачтовое парусное судно съ углемъ. № 188».

Съ «Маріи» послѣдовалъ отвѣтъ — «Ложитесь на курсъ зюдъ-остъ ходомъ 12 узловъ».

Увидѣвъ по силѣ и мѣткости огня нашихъ миноносцевъ свою неминуемую гибель, экипажъ канонерокъ пытался искать спасенія при помощи спасательныхъ ракетъ. Это ему не удалось. Въ обстановкѣ боя и ураганнаго огня нѣтъ шансовъ на удачное примѣненіе этого средства спасенія. Заключается оно въ томъ, что на палубѣ гибнувшаго корабля устанавливается особый аппаратъ въ видѣ трубы на треногѣ. Въ нее вставляется

цилиндрическая ракета, наполненная ракетнымъ составомъ. Ракета имѣетъ деревянный хвостъ. Хвостъ нѣсколько длиннѣе самой ракеты. При вылетѣ изъ аппарата, ракета автоматически захватываетъ съ собой манильскій (не тонущій) линь, длина котораго доходитъ до 275 саженей. Этотъ линь разсчитанъ такъ, что каждая сажень его можетъ выдержать грузъ въ 30 пудовъ. Ракету выстрѣливаютъ на берегъ, либо на спасающее судно. На концѣ линя имѣется дощечка съ объясненіемъ на нѣсколькихъ языкахъ, какъ нужно закрѣпить линь за что-нибудь повыше. Когда оба конца закрѣплены, по линю при помощи оттяжекъ устраиваютъ леерное сообщеніе, для чего приспосабливаютъ спасательный кругъ съ парусиновыми штанами, въ которые и садится человѣкъ. Спасательный кругъ необходимъ, такъ какъ на далекомъ разстояніи получается провѣсъ, и человѣкъ часть пути тянется по водѣ. Понятно, въ обстановкѣ боя подобное сообщеніе непримѣнимо. Да и пущенныя турками ракеты не долетѣли до берега.

Въ 6 час. 40 м. утра миноносцы присоединились къ «Маріи» и въ полдень пришли въ Севастополь.

Командующему флотомъ доставили слѣдующую депешу морского министра.

«Севастополь, Наморси.

Сердечно поздравляю васъ съ блестящимъ дѣломъ миноносцевъ у Босфора. № 1082, Григоровичъ».

* * *

29 марта того же 1915 года на «Марію» былъ назначенъ новый командиръ — князь Трубецкой. Прежній, капитанъ 1 ранга Парембскій, получилъ бригаду крейсеровъ.

Неохотно разставался Трубецкой со своимъ дивизіономъ. Командованіе могущественнѣйшимъ кораблемъ флота не прельщало его. Живая дѣятельность грознаго корсара была ему больше по душѣ.

Тепло попращался онъ со своими «звѣрьми». Горячо благодарилъ за блестящую боевую службу... «И Георгіевскій крестъ и золотое оружіе заработалъ я съ вами... Прощайте, ребята!..»

Долго не смолкало ура... Пока не скрылся вель-

ботъ... Въ знакъ особаго уваженія сами офицеры сидѣли гребцами...

* *
*

5 апрѣля палъ Трапезундъ.

7-го «Императрица Марія», подъ флагомъ младшаго флагмана контръ-адмирала Парембскаго, совмѣстно съ крейсеромъ «Кагулъ» и миноносцами, вышла въ море, для прикрытія нашихъ транспортовъ съ войсками, перевозившимися изъ Батума въ Трапезундъ.

Турецкая армія отступала по всему фронту.

9-го, въ Свѣтлую Христову ночь, «Марія» продолжала охранять море. Въ судовой церкви шли великопостныя служенія. Офицеры и матросы, по очереди, прикладывались къ Плащаницѣ.

Къ заутрени команда любовно убрала свою церковь зеленью, цвѣтами, флагами; разукрасила гирляндами электрическихъ лампъ... Горы куличей, пасокъ, разноцвѣтныхъ яицъ... Теплится сонмъ свѣчей.

Темная, южная ночь окутала море...

Внизу — торжественная Пасхальная служба. Въ церкви — всѣ, свободные отъ вахтъ и нарядовъ. Сіяютъ серебромъ новыя ризы священника...

Горяча молитва въ морѣ. Тысячи опасностей и неожиданностей окружаютъ моряка. Стихія сближаетъ съ Богомъ. Недаромъ говорится — «кто въ морѣ не бывалъ — тотъ Богу не молился».

На верху — боевая тишина. На мостикѣ — силуэты вахты. Влажно поблескиваетъ сталь траповъ, дула орудій, броня...

Часы показываютъ 11 ч. 30 м. ночи.

— Сейчасъ начнется крестный ходъ. — Ложитесь на нордъ — приказываетъ командиръ.

— Машинамъ самый полный ходъ!

«Марія» ложится на нордъ, къ центру моря. Предосторожность на время крестнаго хода.

Гуще повалилъ дымъ. Рѣзче задулъ вѣтеръ...

Въ кормѣ засвѣтились огоньки... Вырвалось наружу и заколыхалось по палубѣ причудливое зарево прикрытыхъ ладонью свѣчей... Торжественно и безмолвно двинулась процессія.

Запѣлъ одинокій голосъ священника:

«Христосъ Воскресе изъ ме-ертвыхъ.
Смертію смерть по-пра-авъ».

И ожило ночное царство. Сотни голосовъ хоромъ подхватили:

«И сущимъ во гробѣхъ
Жи-вотъ да-ро-вавъ».

И, повторяемая еще и еще, ширясь и захватывая собой весь корабль, понеслась въ окружающую тьму святая, волнующая пѣсня Великаго Праздника.

А могучая грудь, разсѣкая воздухъ и волны, продолжаетъ устремляться въ таинственную даль, все дальше и дальше отъ берега...

У каждаго поста задерживается процессія.

— Христосъ Воскресе!

— Воистину Воскресе!

Троекратно христосуется священникъ, и процессія двигается впередъ, кругомъ корабля. Свѣтящейся струей обтекаетъ грозныя башни, мостики, рубки...

Въ батарейныхъ палубахъ прислуга у орудій слышитъ приближеніе процессіи. Съ обнаженными головами ожидаетъ ее. Входитъ священникъ.

Христосъ Воскресе!

Гуломъ прокатывается — Воистину Воскресе!

Съ каждымъ христосуется батюшка. Подаетъ красное яичко.

Въ командныхъ кубрикахъ и въ каютъ-компаніяхъ, разукрашенныхъ флагами, зеленью, цвѣтами, все приготовлено къ розговѣнамъ. Столы ломятся отъ яствъ.

Батюшка благославляетъ трапезы. Адмиралъ, командиръ, офицеры поочереди обходятъ кубрики, христосуясь и поздравляя съ праздникомъ людей.

И снова грозный силуэтъ плыветъ вдоль вражескихъ береговъ...

* * *

12 апрѣля днемъ отрядъ подошелъ къ Севастополю и вступилъ въ каналъ миннаго поля.

Головнымъ — эскадренный миноносецъ «Живучій».

Въ кильватеръ ему — крейсеръ «Кагулъ», далѣе — «нефтяникъ», за нимъ — «Императрица Марія».

Окруженный истребителями отрядъ съ зюйда подходитъ къ Херсонесскому маяку. Полное напряженіе

вниманія. Уже было нѣсколько попытокъ подводныхъ атакъ.

Отрядъ приближается къ маяку...

Вдругъ, высокій столбъ пѣны метнулся къ небу и надъ нимъ словно распростертое черное крыло.

Взлетѣлъ на воздухъ эскадренный миноносецъ «Живучій».

Въ моментъ, когда «Императрица Марія» поравнялась съ нимъ, изъ воды торчалъ его носъ. Онъ виднѣлся еще нѣсколько минутъ. Кругомъ барахтались и тонули люди. Они инстинктивно искали спасенія у дредноута. Бросились къ нему и тутъ же засасывались подъ него мощью его хода. Истребители и миноносцы вылавливали кого могли. Съ кораблей бросали пояса, круги, доски... Одинъ несчастный ухватился за деревянный ящикъ безъ крыши и дна. Только онъ влѣзетъ на него, ящикъ перевернется. Онъ лѣзетъ снова, — опять то же самое. Словно ящикъ отбивался отъ него. Такъ продолжалось нѣсколько разъ, пока ящикъ, наконецъ, не отбился и пустымъ не поплылъ по теченію...

Позже выяснилось, что миноносецъ наскочилъ на минную банку, поставленную нѣмецкимъ подводнымъ заградителемъ передъ самымъ проходомъ отряда, уже послѣ очистки канала тралящимъ караваномъ. Когда вновь протралили это мѣсто, нашли еще нѣсколько минъ, **всѣ съ надписью по-русски — Христосъ Воскресе.**

Почетная сабля.

Уже немало походовъ совершила «Марія». Не разъ была у Босфора. Но ни разу еще не встрѣтилась съ «Гебеномъ». Нѣмецкій дредноутъ избѣгалъ этихъ встрѣчъ.

Монотонность плаваній въ прикрытіяхъ операцій, отсутствіе достойнаго врага, жажда непосредственной живой дѣятельности и подвиговъ, трудность и однообразіе службы на дредноутѣ — все это, вмѣстѣ взятое, повело къ тому, что офицерскую молодежь потянуло съ «Маріи». На миноносцы! въ авіацію! въ подводники!.. Туда, гдѣ больше веселья, жизни, приключеній, опасностей...

Командиръ и старшій офицеръ призадумались... Какъ бороться съ этимъ? Какъ удержать молодежь? Частая смѣна офицеровъ вредно отзывалась на сложной службѣ корабля.

Тутъ и пришла въ голову мысль, въ видѣ приманки, основать статутъ «Почетной сабли линейнаго корабля «Императрица Марія». Въ проектъ этого статута былъ включенъ пунктъ, согласно которому почетная сабля выдавалась каждому офицеру, прослужившему на кораблѣ безпрерывно въ теченіе двухъ лѣтъ. Сабля должна была быть изъ великолѣпн. златоустовскаго клинка съ выгравированной надписью съ одной стороны лезвія — кому, съ другой — линейный корабль «Императрица Марія». Въ эфесѣ — миніатюра образа Св. Николая Чудотворца (копія съ образа Синопской «Маріи»).

Но какъ провести статутъ... И командиръ, и старшій офицеръ прекрасно знали, что формальный путь займетъ уйму времени. Съ дѣломъ же нужно было спѣшить. Когда вдругъ разнесся слухъ о предстоящемъ пріѣздѣ Государя и смотрѣ «Маріи», было рѣшено поднести первую «почетную саблю» Государю. Разъ Императоръ приметъ ее, — а въ этомъ никто не сомнѣвался, — тѣмъ самымъ сабля получитъ высшую санкцію, и статутъ ея будетъ утвержденъ...

Въ срочномъ порядкѣ заказали саблю...

9 мая «Марія» вернулась съ похода и получила повѣстку съ извѣщеніемъ, что на 12-е ей назначенъ Высочайшій смотръ.

Командиръ немедленно отправился по начальству исхлопотать разрѣшеніе на поднесеніе сабли. Ближайшее начальство — начальникъ I-й бригады линейныхъ кораблей, свиты контръ-адмиралъ Погуляевъ не рѣшился взять на себя этого разрѣшенія.

— Просите командующаго флотомъ.

Кн. Трубецкой поѣхалъ къ командующему. Командующій наотрѣзъ отказалъ.

Съ этимъ и вернулся командиръ.

Кают-компанія пріуныла. Какъ же быть?!

— Вотъ что, господа! — Не падайте духомъ, — обратился къ офицерамъ капитанъ 2-го ранга Городысскій — командиру не разрѣшено, а мнѣ — старшему

офицеру, — не запрещено. Была не была, а мы это дѣло «сварганимъ». Я беру его на себя.

Наканунѣ смотра онъ позвалъ къ себѣ браваго, смышленаго унтеръ-офицера.

— Вотъ какое дѣло, братецъ. — Видишь ты эту саблю?

— Такъ точно, ВВБ!

— Такъ вотъ, — эту самую саблю завтра мы будемъ подносить Государю Императору. Лежать она будетъ въ каютъ-компаніи. Я тебѣ покажу гдѣ. — Во время смотра ты издали слѣдуй за мной, по пятамъ. Не спускай съ меня глазъ. Когда я тебѣ, вотъ этимъ самымъ пальцемъ, мигну, немедленно тащи саблю прямо ко мнѣ. — Понялъ?

— Такъ точно, ВВБ, понялъ.

— Ну, ступай. Смотри же, не оплошай.

* *
*

... Сверкая надраенной мѣдью, отражаясь въ водѣ бѣлыми, синими, палевыми, шаровыми красками, сгрудилась за кормой «Маріи» стая моторовъ и катеровъ адмираловъ и начальствующихъ лицъ. У задрапированнаго трапа слегка покачивается великолѣпный царскій катеръ съ офицеромъ у руля.

На «Маріи» идетъ Высочайшій смотръ...

Огромный желтый, съ двуглавымъ орломъ Императорскій Штандартъ рѣетъ надъ кораблемъ. Прибыла вся Царская Семья.

Государь обходитъ корабль...

Была дана дудка — «корабль къ осмотру». По этой дудкѣ всѣ, во мгновеніе ока, разбѣгаются по своимъ отсѣкамъ и завѣдуемымъ частямъ. Хозяева открываютъ всѣ двери, зажигаютъ по низамъ ярко начищенные фонари, чтобы можно было заглянуть въ любую щель, въ любой темный закоулокъ, — все ли вездѣ въ порядкѣ и чистотѣ. Вѣдь чистота на кораблѣ — самое святое дѣло. Сколько изъ-за нея бывало нахлобучекъ...

Офицеры, кондукторы, боцмана въ волненіи... Бросаются послѣдніе зоркіе взоры. Сдуваются невидимыя пылинки... Все уже блеститъ такъ, что больше и нельзя, все надраено, вымыто, выскоблено зубами, еще и еще разъ пройдено «чистотой», — хоть въ бѣлыхъ

перчаткахъ полѣзай, — а все же всѣ волнуются, шопотомъ, бѣгаютъ, осматриваются, боцмана шипятъ, даютъ подзатыльники...

Государь спустился въ батарейную палубу. Командиръ, командующій флотомъ, морской министръ, адмиралы, дежурство, свита сопутствуютъ Ему. Государь интересуется всѣми мельчайшими усовершенствованіями, задерживается у орудій, выслушиваетъ объясненія старшаго артиллерійскаго офицера, лейтенанта князя Урусова, входитъ въ 4-ю башню, смотритъ заряжанье... Комендоры и прислуга работаютъ молодцами, отчетливо, быстро, безшумно... Все идетъ, какъ по маслу. Начальство довольно...

А позади, на почтительномъ разстояніи, незамѣтно для другихъ, но такъ, чтобы не спускать глазъ со «старшого», продвигается «перебѣжками» нашъ унтеръ-офицеръ.

Государь замѣтилъ «Синопскаго».

— Здравствуй, старикъ!

— Здравія желаемъ Вашему Императорскому Величеству, — что было мочи гаркнулъ морщинистый орелъ.

— Ну что — эта «Марія» ходитъ получше твоей?

— Ужъ! Ваше И. В. — «Мы» тоже здорово ходили.

Государь улыбнулся и произвелъ его въ кондукторы. Заважничалъ съ тѣхъ поръ Александръ Марковичъ. Всему Севастополю надоѣлъ, разъ по двадцати разсказывая каждому о «нашемъ» разговорѣ съ Царемъ.

Смотръ затянулся...

Государь входитъ въ адмиральскій салонъ. За нимъ командиръ, адмиралы и свита. По праву своего положенія, входитъ туда и старшій офицеръ, быстро шепнулъ «своему» держаться въ дверяхъ и помнить о пальцѣ.

Государь бесѣдуетъ съ кн. Трубецкимъ и адмираломъ Эбергардомъ. Полукругомъ столпились адмиралы, свита. Скучающая фигура престарѣлаго Фредерикса. Въ «отдѣльномъ плаваніи» покуриваетъ И. К. Григоровичъ.

Молніеносно оцѣнивъ обстановку, старшій офицеръ рѣшаетъ «дѣйствовать».

Пользуясь тѣмъ, что морской министръ одинъ, онъ

съ него начинаетъ атаку. Подходитъ къ министру и почтительно, издалека, заводитъ разговоръ о кораблѣ. Быстро переходитъ на личный составъ.

— А у насъ, Ваше Высокопри-ство, бѣда.

— Что такое?

— Молодежь бѣжитъ съ корабля. Нѣтъ намъ врага по плечу. Стремятся въ авіацію, на миноносцы.

— Нужно какъ-нибудь заинтересовать ее кораблемъ.

— Вотъ мы, Ваше Высокопри-ство... и старшій офицеръ докладываетъ министру объ идеѣ «почетной сабли».

— Что же, мысль прекрасная.

Будто поправляя свой шарфъ, «старшой» закладываетъ за спину руку и начинаетъ усиленно «мигать» пальцемъ.

Не спускавшій съ него глазъ, унтеръ-офицеръ срывается съ мѣста и, какъ шальной, летитъ въ каютъ-компанію. Словно проглотивъ аршинъ, на вытянутыхъ передъ собой рукахъ, торжественно вноситъ лежащую на бархатѣ саблю.

Министръ съ любопытствомъ осматриваетъ ее, смотритъ эфесъ, образокъ, но не вынимаетъ изъ ноженъ. Ничего не подозрѣвая, беретъ саблю и направляется къ Государю. Объясняетъ исторію сабли.

Всѣ сгрудились вокругъ и также смотрятъ на саблю.

Привычнымъ жестомъ военнаго, Государь обнажаетъ палашъ и читаетъ — «Линейный корабль «Императрица Марія». Переворачиваетъ клинокъ и читаетъ — «Его Императорскому Величеству, Государю Императору».

Министръ изумленно расширяетъ глаза.

Командующій пронизывающе, въ упоръ, гнѣвно смотритъ на Городысскаго. Начальство пожираетъ его...

Государь съ улыбкой, обращаясь къ нему:

— Но вѣдь я не плавалъ два года на «Маріи».

— Ваше Величество! — Для Васъ необязательно. Но корабль былъ бы счастливъ, если бы Вы изволили принять ее.

— Съ большимъ удовольствіемъ — отвѣтилъ государь и передалъ палашъ дежурному флигель-адъютан-

ту, вел. князю Дмитрію Павловичу (Государь былъ при кортикѣ).

Смотръ конченъ.

Хорошо все, что хорошо кончается...

Въ дыму салюта медленно спускается Императорскій Штандартъ...

Стая катеровъ далеко... Словно лебеди, блестящей вереницей сворачиваютъ они въ Южную бухту...

Смѣна командующихъ флотомъ.

Прежде чѣмъ продолжать описаніе событій, имѣвшихъ мѣсто на «Императрицѣ Маріи», уже подъ флагомъ адмирала Колчака, небезынтересно остановиться на почерпнутыхъ изъ морского архива свѣдѣніяхъ о причинахъ, повлекшихъ за собою смѣну командующихъ Черноморскимъ флотомъ.

---

29 іюня 1916 г. въ Севастополѣ была получена депеша о назначеніи, взамѣнъ адмирала Эбергарда, новаго командующаго, молодого, 42-лѣтняго, адмирала Колчака.

Для тѣхъ, кто близко зналъ стараго командующаго и могъ, поэтому, воочію судить и оцѣнивать его дѣятельность на посту командующаго флотомъ; широкій горизонтъ его государственнаго ума, обширныя познанія, опытъ, холодную выдержанность передъ лицомъ опасности и, наконецъ, его исключительное благородство, — для тѣхъ эта смѣна явилась полной неожиданностью, особенно послѣ цѣлаго ряда высочайшихъ признательностей и наградъ какъ лично ему, такъ и руководимому имъ флоту.

Для тѣхъ же, кто далеко стоятъ отъ обстановки и условій, въ которыхъ протекала его дѣятельность, и кто судилъ о ней постольку, поскольку она отвѣчала чаяніямъ и завѣтнымъ стремленіямъ русскаго общественнаго мнѣнія, — для тѣхъ эта смѣна казалось необходимой и была ими муссируема и подготовляема.

Попытаемся разобраться въ томъ ходѣ событій, вслѣдствіе котораго адмиралу Эбергарду пришлось уйти на преждевременный покой подъ давленіемъ не-

благопріятно сложившихся для него вліяній въ «сферахъ»; и это несмотря на всѣ его заслуги передъ родиной и на рядъ исключительныхъ по трудности условій, въ которыхъ ему, съ самаго начала войны довелось бороться за обладаніе моремъ, быстро имъ достигнутаго и обусловившаго успѣхъ нашей кавказской арміи.

* *
*

Вѣковымъ и естественнымъ стремленіемъ Россіи былъ свободный выходъ въ Средиземное море. Того требовалъ вопросъ ея благосостоянія, — огромный экспортъ сырья, шедшій, главнымъ образомъ, морскимъ путемъ, причемъ 60% его падало на Черноморскіе порта.

Царьградъ!.. мечта русскаго ума и сердца.

Черноморскій театръ — арена этой мечты...

Политическая цѣль этихъ активныхъ стремленій предуказывала стратегіи наступленіе на Босфоръ.

Но установленіе однѣхъ задачъ стратегіи недостаточно. Стратегія должна идти рука объ руку съ политикой, должна питаться искусной дипломатической игрой.

Къ сожалѣнію, по тѣмъ или инымъ причинамъ, политика русскаго правительства въ этомъ вопросѣ не всегда отличалась послѣдовательностью и прямотой своей линіи и зачастую не умѣла полностью и всесторонне освѣщать и подготовлять себѣ пути къ достиженію главной цѣли, что, естественно, влекло за собой частыя неудачи.

Такъ катилось время... Политика шла по неопредѣленному руслу. Стратегія, не улавливая политики, топталась на одномъ мѣстѣ. Общественное же мнѣніе продолжало жить мыслью о Царьградѣ и проливахъ... а Черноморскій флотъ хирѣлъ по мѣрѣ устарѣнія его кораблей.

Наступилъ 1914 годъ.... Критическій въ жизни Черноморскаго флота...

До 1910 г. правительство ограничивалось медленной достройкой «Евстафія» и «Іоанна Златоуста», заложенныхъ еще въ японскую войну. Не имѣя опредѣленной политической линіи на южномъ театрѣ, оно не отпускало для флота новыхъ средствъ.

Этимъ рѣшила воспользоваться Турція и, въ спѣшномъ порядкѣ, заказала въ Англіи два дредноута «Ришадіе» и «Османіе».

По полученіи объ этомъ свѣдѣній, русское морское министерство отвѣтило новой судостроительной программой и, благодаря неисчерпаемой энергіи новаго морского министра адмирала И. К. Григоровича, добилось осуществленія ея. Въ Николаевѣ были заложены три дредноута, тюрбинные крейсера, эскадрилья миноносцевъ, подводныя лодки и позже еще одинъ сверхъ-дредноутъ.

Но... наша судостроительная программа на цѣлыхъ полтора года запаздывала, по сравненію съ турецкой. И только вступленіе въ войну Англіи измѣнило положеніе вещей. Выстроенные на ея верфяхъ турецкіе дредноуты Англія не выдала туркамъ, а зачислила въ свои ряды.

Но (опять это «но")... германскій дредноутъ «Гебенъ» и быстроходный крейсеръ «Бреслау», прорвавъ блокаду союзнаго флота, вошли въ Дарданеллы...

Положеніе вновь измѣнилось не въ нашу пользу.

Соотношеніе силъ на Черноморскомъ театрѣ стало слѣдующимъ:

Флотъ русскій: XVI — 12 дюйм. VI — 10 дюйм.; всего 22 крупныхъ орудія. Эскадренный ходъ 14 узловъ.

Германо-турецкій флотъ: X — 11 дюйм., X — 11 дюйм., XI — 10 дюйм.; всего 31 крупное орудіе. Эскадренный ходъ 17 (для Барбароса, Рейса и Мессудіе) и 28½ для «Гебена».

Такимъ образомъ къ моменту объявленія Турціей войны, русскій флотъ уступилъ германо-турецкому какъ по силѣ орудій — этого главнаго оружія борьбы — такъ и въ скорости, причемъ одинъ «Гебенъ» могъ сражаться съ тремя лучшими нашими кораблями, имѣя къ тому же тактическія надъ ними преимущества.

Особенное же значеніе на весь ходъ операцій имѣло это преимущество хода. Оно вырывало изъ нашихъ рукъ стратегическую и тактическую иниціативу. Нашъ флотъ никогда не могъ нагнать и загнать въ щель «Гебена» и «Бреслау», а въ бою съ первымъ былъ затрудненъ въ выборѣ выгодной позиціи.

Трудность положенія усугублялась еще и удаленностью отъ Босфора нашей главной базы — Севастополя. Наше министерство иностранныхъ дѣлъ, выдвинувъ вновь вопросъ о проливахъ, какъ руководящую идею могущей возникнуть войны, опять забыло о стратегіи и не подготовило соглашенія съ Болгаріей и Румыніей о предоставленіи Черноморскому флоту права пользоваться ихъ бухтами и портами, какъ маневренными базами для дѣйствій противъ Босфора, чѣмъ была затруднена задача флота по блокированію пролива и наблюденію за нимъ.

Благодаря все тому же отсутствію, въ довоенную эпоху, руководящихъ идей въ вопросахъ внѣшней политики, Черноморскій театръ оказался совершенно неподготовленнымъ къ войнѣ. Его опорные пункты: Очаковъ, Керчь и Батумъ находились въ полуупраздненномъ состояніи. Даже Севастопольская крѣпость, вооруженная только 10-д. орудіями, не могла обезпечить главную базу театра отъ бомбардировки съ моря.

Только благодаря вмѣшательству морского вѣдомства удалось, до извѣстной степени, отстоять отъ упраздненія Батумскую и Очаковскую крѣпости, преграждавшія врагу подступы къ нашей судостроительной базѣ въ Николаевѣ и къ маневренной въ Батумѣ. Впослѣдствіи это полностью оцѣнилось, когда флоту пришлось поддерживать нашу Кавказскую армію.

Недостаточность силъ, дурно оборудованный театръ, неудобное расположеніе базъ, — вотъ тѣ условія, въ которыхъ очутился адмиралъ Эбергардъ, назначенный съ возникновеніемъ войны командующимъ Черноморскимъ флотомъ...

Вступленіе въ войну Турецкой Имперіи знаменовало собой образованіе новаго фронта. Командованію Черноморскимъ флотомъ дается политическая директива — **осторожность...**

Въ морскомъ генеральномъ штабѣ были предположены три варіанта войны:

1) для 1913—1914 (превосходство нашихъ силъ) — наступленіе на Босфоръ.

2) для 1914—1915 (превосходство турецкихъ силъ съ появленіемъ «Гебена» и «Бреслау») — **оборона на подготовленныхъ позиціяхъ.**

3) для періода послѣ 1916 (новое превосходство нашихъ силъ) [1]), энергичное наступленіе на Босфоръ **съ цѣлью его прорыва.**

Ни одинъ изъ этихъ варіантовъ не могъ быть выполненъ впредь до полнаго выясненія обстановки на Черномъ морѣ, вслѣдствіе чего окончательное установленіе плана войны было поручено **усмотрѣнію адмирала Эбергарда.**

Такимъ образомъ морской генеральный штабъ далъ Черноморскому флоту **условную** задачу и **не далъ никакихъ опредѣленныхъ директивъ для составленія плана кампаніи.**

По мысли генер. штаба (варіантъ на 1914—1915), получаетъ развитіе та точка зрѣнія, что въ 1914 году Россія на Черномъ морѣ ставитъ себѣ цѣлью **только оборону береговъ.**

Помимо воли адмирала Эбергарда, случилось такъ, что, несмотря на то, что захватъ проливовъ былъ основной идеей войны, оборона береговъ явилась руководящей мыслью при подготовкѣ къ кампаніи на Черномъ морѣ.

Планъ предполагалъ бой съ противникомъ на заранѣе подготовленныхъ позиціяхъ у нашихъ береговъ (районъ одесскаго залива, казавшійся особо угрожаемымъ). Флотъ долженъ былъ ждать подхода противника въ Севастополѣ и здѣсь дать ему бой.

Тутъ обращаетъ на себя вниманіе занятная аналогія плановъ морскихъ генеральныхъ штабовъ воюющихъ державъ.

Черноморскій флотъ — ждетъ рѣшительнаго боя въ районѣ своихъ базъ.

Балтійскій — ждетъ рѣшительнаго боя на центральной позиціи.

Германскій — ждетъ его на своей Гельголандской позиціи.

Англійскій — въ сѣверной части моря, вблизи своихъ базъ.

Никто не ставитъ себѣ цѣль поиска противника и боя въ открытомъ морѣ. И только одинъ адмиралъ —

---

[1]) Съ вступленіемъ въ строй „Императрицы Маріи“ и затѣмъ „Императрицы Екатерины“.

русскій адмиралъ Эбергардъ ставитъ себѣ эту цѣль и со своимъ тихоходнымъ флотомъ гоняется по всему морю за ускользающимъ отъ него быстроходнымъ противникомъ...

Настроеніе нашего министерства иностранныхъ дѣлъ сказалось и въ директивахъ командованію Черноморскимъ флотомъ. Адмиралу Эбергарду было преподано «избѣгать агрессивныхъ мѣропріятій, могущихъ дать поводъ Турціи начать войну»; при этомъ подчеркивалось, что иниціатива разрыва отнюдь не должна исходить отъ него, — **«флотъ находится въ Севастополѣ въ выжидательномъ положеніи и ведетъ за Турціей наблюденіе при посредствѣ пароходовъ, совершающихъ рейсы въ Константинополь».**

Въ серединѣ августа обстановка мѣняется — «Гебенъ» и «Бреслау» прорываются въ Дарданеллы. Турки получаютъ преимущество въ морскихъ силахъ.

Имѣя въ виду, что уничтоженіе «Гебена» обезпечило за нами владѣніе моремъ и смогло бы, поэтому, удержать Турцію отъ вступленія въ войну, ставка депешей отъ 18 августа даетъ командующему флотомъ разрѣшеніе **«дѣйствовать по усмотрѣнію».** Адмиралъ Эбергардъ немедленно бросается въ море на поиски «Гебена». Но не успѣлъ онъ сдѣлать и двухъ походовъ, какъ ему дается новая директива: **«Не искать встрѣчи съ турецкимъ флотомъ».** Мало того, не довѣряя характеру Эбергарда, по собственному опыту японской войны знающаго, какъ важно первому нанести неожиданный ударъ, **ему категорически воспрещаютъ выходить въ море иначе какъ для учебныхъ цѣлей и не далѣе 60 миль отъ своихъ береговъ.** Полная неопредѣленность и разнорѣчивость директивъ. Создается обстановка, напоминающая русско-японскую войну, когда флотъ, до послѣдней минуты, не зналъ, будетъ ли война, а директивы сверху поддерживали въ немъ увѣренность въ возможности избѣжать ея.

Такъ наступила ночь съ 15 на 16 октября 1914 года... «Гебенъ» подкрался къ Севастополю и бомбардировалъ его...

Адмиралъ Эбергардъ получилъ новую и послѣднюю директиву — **«главная задача флота воспрепят-**

ствовать высадкѣ дессанта», якобы подготовляемаго въ Константинополѣ...

Наше сухопутное командованіе все время находилось подъ гипнозомъ этого дессанта. Каждое появленіе непріятельскихъ судовъ у нашихъ береговъ разсматривалось имъ, какъ приказъ подготовляемаго дессанта. Одно за другимъ летѣли требованія **принятія всѣхъ мѣръ къ охранѣ береговъ.**

Трудность борьбы тихоходнаго флота противъ озорныхъ, къ тому же весьма рѣдкихъ, налетовъ быстроходныхъ вражескихъ крейсеровъ на наши берега, наносившихъ намъ ничтожный вредъ, даже не оправдывавшій расходуемый на нихъ уголь, создавала въ общественномъ мнѣніи, плохо разбиравшемся въ обстановкѣ Черноморскаго театра, впечатлѣніе отсутствія рѣшительности въ дѣйствіяхъ адмирала Эбергарда и неспособности его достичь осуществленія завѣтной мечты о проливахъ. На этой почвѣ постепенно слагалось общественное недовольство имъ.

Между тѣмъ, въ борьбѣ за обладаніе моремъ Черноморскій флотъ проявилъ максимумъ возможной, при его средствахъ, энергіи. Несмотря на значительное преимущество врага, онъ явился фактическимъ обладателемъ моря, прервалъ всякія морскія сообщенія непріятеля, уничтожилъ огромное число пароходовъ, утопилъ тысячи парусниковъ, сжигалъ и уничтожалъ его портовыя сооруженія и угольныя базы. Но основной проблемы — полнаго уничтоженія непріятельскаго флота — рѣшить не могъ, ибо врагъ избѣгалъ генеральныхъ сраженій, а 14-ти узловымъ эскадреннымъ ходомъ принудить къ бою 29-узлового врага было невозможно. Какъ не могъ этой проблемы рѣшить адмиралъ Эбергардъ, такъ не могъ ее рѣшить и адмиралъ Колчакъ.

Что же касается вопроса о проливахъ, адмиралъ Эбергардъ принималъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ разрѣшенію его. Въ цѣляхъ подготовки театра для дѣйствій противъ Босфора, онъ въ первую очередь выдвинулъ вопросъ о Бургасѣ (болгарскій портъ вблизи Босфора). Адмиралъ писалъ въ ставку:

...«если проливы не будутъ заняты теперь, позже нельзя будетъ ихъ взять... Но прорывъ ихъ однимъ

флотомъ невозможенъ... Намъ нужны маневренныя базы. Лучшими являются Бургасъ и Варна. Ихъ необходимо взять теперь, пока не поздно...»

Далѣе онъ писалъ: «**...логическимъ и необходимымъ объектомъ операціи надо считать разгромъ Балканскихъ армій враговъ для того, чтобы на ихъ плечахъ ворваться въ Царьградъ. Наша армія въ 500.000 человѣкъ, разбивъ войска непріятеля, окажется въ это время обладающей прекраснымъ исходнымъ положеніемъ для движенія впередъ, къ Царьграду... На флотѣ могутъ быть большія потери, въ судовомъ составѣ, которыя сильно ослабятъ его. Для новыхъ дессантовъ онъ будетъ не скороспособенъ. Слѣдовательно, и эта причина приводитъ къ тому, чтобы бить сразу превосходными силами, бить смертнымъ боемъ, чтобы, разгромивъ непріятеля, открыть намъ завѣтныя цѣли Царьграда...»**

Адмиралъ брался средствами Черноморскаго флота и транспортной флотиліи перебросить нужный для этого корпусъ, но поставилъ одно требованіе — немедленный захватъ, хотя бы явочнымъ порядкомъ, указанныхъ выше базъ.

Въ отвѣтъ на этотъ глубоко продуманный планъ захвата проливовъ, ставка, отказавъ въ просимыхъ базахъ, дала адмиралу Эбергарду слѣдующую директиву: «**пока ваша задача оттягивать турокъ отъ Дарданеллъ...»**

Начальникъ штаба верховнаго главнокомандующаго, генералъ Янушкевичъ, писалъ адмиралу: «Черноморскому флоту надлежитъ оказать поддержку союзникамъ въ видѣ демонстраціи у проливовъ», а 5 ноября 1915 г. новый начальникъ штаба, генералъ Алексѣевъ, телеграфировалъ ему: «Государь Императоръ повелѣлъ продолжать подготовку дессантной операціи, придавая ей нѣкоторую огласку... **Въ настоящее же время войска, предназначенныя для дессанта, будутъ примѣнены на другихъ театрахъ... Черноморскій флотъ долженъ энергичными демонстраціями приковать вниманіе болгаръ къ ихъ черноморскому побережью...»**

Такъ погасла послѣдняя надежда на близкій и возможный захватъ Константинополя.

Ничего не знавшее и не вѣдавшее о томъ общественное мнѣніе Россіи тщетно ждало осуществленія завѣт-

ной мечты... Все болѣе и болѣе росло недовольство адмираломъ Эбергардомъ...

По рукамъ ходило письмо представителя извѣстныхъ общественныхъ круговъ, маститаго русскаго ученаго, мало понимавшаго въ морскихъ дѣлахъ и неосвѣдомленнаго, повидимому, изъ первоисточниковъ о дѣйствительномъ положеніи на Черноморскомъ театрѣ — Семенова-Тянь-Шаньскаго съ выраженіемъ недовольства этихъ близкихъ къ «сферамъ» круговъ дѣятельностью адмирала Эбергарда.

Подъ давленіемъ этихъ стороннихъ вліяній и рѣшилась судьба одного изъ доблестнѣйшихъ и выдающихся адмираловъ русскаго флота, вѣрнаго рыцаря своей родины...

На постъ командующаго Черноморскимъ флотомъ были выдвинуты кандидатуры двухъ молодыхъ адмираловъ: начальника минной дивизіи Балтійскаго моря контръ-адмирала Колчака и начальника бригады дредноутовъ Чернаго моря свиты контръ-адмирала Погуляева.

Въ морскомъ штабѣ верховнаго главнокомандующаго подготовлялся обширный докладъ о смѣнѣ адмираловъ.

Въ этомъ докладѣ — обвинительномъ актѣ — адмиралу Эбергарду, между прочимъ, ставилось въ вину недостаточное минированіе Босфора и употребленіе минныхъ запасовъ для оборонительныхъ цѣлей въ ущербъ активному ихъ примѣненію. При этомъ забывалось то давленіе, которое оказывала ставка на примѣненіе **всѣхъ средствъ** къ охраненію своихъ береговъ. Никто другой, какъ сама она, постоянно муссировала опасность турецкаго десанта на Одессу и каждый разъ, какъ выплывалъ объ этомъ слухъ, спѣшила предоставить командующему «дѣйствовать по усмотрѣнію», вмѣсто того, чтобы дать вполнѣ опредѣленную и императивную директиву, хотя бы въ этомъ же вопросѣ о минированіи Босфора [1]).

[1]) Адмираломъ Эбергардомъ было поставлено 4.740 минъ у нашихъ береговъ и 4.520 — у непріятельскихъ. Вопросъ о цѣлесообразности минированія Босфора имѣлъ много противниковъ, особенно среди подводниковъ, естественно смотрѣвшихъ на Босфоръ, какъ на активную позицію своихъ дѣйствій.

Красной нитью проходящее сквозь весь докладъ раздраженіе общественныхъ круговъ отсутствіемъ шумныхъ успѣховъ Черноморскаго флота и неудачи его въ достиженіи проблемы — уничтоженія главныхъ силъ врага, — лучше всего характеризуетъ безпочвенность этого раздраженія тѣмъ, что эта проблема въ одинаковой степени не удалась и адмиралу Колчаку, несмотря на лучшія условія, въ которыя онъ былъ поставленъ, и на всю затраченную имъ на это энергію. Ибо ни тотъ, ни другой не могли сдѣлать большаго, чѣмъ то, что допускали имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи средства. Оба усердно гонялись за врагомъ, уничтожали каботажъ, минировали и блокировали Босфоръ... При адмиралѣ Эбергардѣ «Гебенъ» все же былъ подорванъ на удачно поставленномъ нами загражденіи и дважды поврежденъ въ бояхъ.

Но вѣдь высшее командованіе и не ставило флоту иныхъ задачъ, какъ борьбу за обладаніе моремъ, **которое давно уже было въ нашихъ рукахъ,** да охрану береговъ отъ высадки дессанта. Нижеприводимая директива, данная адмиралу Колчаку, при его назначеніи командующимъ Черноморскимъ флотомъ, вполнѣ это подтверждаетъ:

1) поддерживать господство на морѣ,

2) содѣйствовать боевымъ операціямъ кавказской арміи,

3) обезпечить оборудованіе продовольственныхъ базъ,

4) перевозить грузы средствами транспортной флотиліи,

5) прикрывать румынское побережье и т. д. все въ томъ же духѣ. Ни слова о проливахъ, о подготовкѣ операціи для ихъ захвата, ни слова объ уничтоженіи главныхъ силъ врага, ни слова объ операціяхъ противъ стоящаго въ Стеніи «Гебена» и главной турецкой базы — Константинополя и, наконецъ, ни слова о минированіи Босфора. Словомъ, ни слова о томъ, что общественнымъ мнѣніемъ ставилось въ вину адмиралу Эбергарду, **вслѣдствіе чего онъ и былъ уволенъ на покой.**

Дѣятельность флота и его воздушныхъ силъ потекла при адмиралѣ Колчакѣ по тому же руслу, по которому она текла и при адмиралѣ Эбергардѣ...

---

3 іюля 1916 года на флагманскомъ кораблѣ Черноморскаго флота «Императрица Марія» команда и офицеры выстроились во фронтъ...

Награжденный осыпаннымъ алмазами «Александромъ Невскимъ» и уволенный на покой старый адмиралъ прощался со своимъ боевымъ флагманскимъ кораблемъ.

«Волей Государя Императора я назначенъ въ государственный совѣтъ. Вмѣсто меня, вашимъ командующимъ будетъ молодой энергичный адмиралъ Колчакъ. Онъ используетъ имѣемую подготовку и, дастъ Богъ, уничтожитъ германо-турецкій флотъ.

Нанесеніе этого удара врагу ляжетъ на васъ и на «Екатерину». Отъ всей души желаю вамъ успѣха»...

Командиръ, князь Трубецкой, сказалъ короткое, горячее слово прощанья. Долго не смолкало воодушевленное ура...

Спустился флагъ адмирала Андрея Августовича Эбергарда...

---

8 іюля прибылъ адмиралъ Колчакъ.

Ночью получилось сообщеніе: — «Бреслау» вышелъ изъ Босфора, взявъ курсъ на востокъ.

Адмиралъ тотчасъ же перенесъ свой флагъ на «Марію», и, взявъ съ собой «Кагулъ» и миноносцы, бросился въ погоню за врагомъ....

Погоня.

Имѣя въ дозорѣ крейсеръ и въ широкомъ фронтѣ завѣсы 1-й и 2-й дивизіоны «нефтяниковъ», «Императрица», 20-узловымъ ходомъ, легла на пересѣчку моря, взявъ курсъ на Самсунъ... Предполагалось, что цѣль выхода «Бреслау» — обстрѣлъ пяти нашихъ транспортовъ, стоявшихъ въ занятомъ нашими войсками Трапезундѣ...

Дивный, сверкающій день. Ясный горизонтъ. Лѣниво колеблющаяся гладь моря...

На мостикѣ — адмиралъ, штабъ, командиръ обсуждаютъ маневръ погони. Сигнальщики и вахта бдительно осматриваютъ горизонтъ...

Князь Трубецкой, знающій ухищренія врага, предлагаетъ послать на ночь миноносцы обшарить берега у Синопа, на случай, если «Бреслау» прикрываетъ какіе-либо транспорта. Адмиралъ охотно соглашается. Даетъ соотвѣтствующія распоряженія...

По широкой, залитой солнцемъ, длинной, словно Невскій проспектъ, палубѣ, скрываясь въ темныхъ пятнахъ башенныхъ тѣней, группы офицеровъ. Всѣ съ возбужденнымъ задаромъ посматриваютъ на горизонтъ; строятъ догадки...

...Хлопнувъ дверью радіо-рубки, выскочилъ телеграфистъ и пулей понесся на мостикъ...

— Радіо со «Счастливаго»!

Его мгновенно расшифровываютъ:

— «Вижу дымъ на 120°».

«Завѣса» обнаружила врага...

«Марія» ложится на указанный румбъ. Всѣ оккуляры впиваются въ горизонтъ...

— Самый полный ходъ!

Поступаютъ депеши дозорныхъ миноносцевъ. Кипитъ работа «флажкомъ» по расшифровкѣ ихъ. Адмиралъ и весь «синклитъ» сгруппировался вокругъ карты, на которой флагманскій штурманъ отмѣчаетъ донесенія дозора...

Наминбригъ [1]) телеграфируетъ:

«Счастливый» завязалъ перестрѣлку съ «Бреслау». Разстояніе 80 каб. Залпы «Бреслау» ложатся перелетами».

Имѣя новыя установки орудій, съ дальностью стрѣльбы въ 90 каб. вмѣсто прежнихъ 60, — ближайшіе къ «Бреслау» миноносцы завѣсы вступили съ нимъ въ артиллерійскій бой, въ увѣренности, что будутъ разстрѣливать его, какъ дичь. Каково же было ихъ удивленіе, когда «Бреслау» открылъ по нимъ огонь сразу съ крупныхъ перелетовъ. Оказалось, — онъ также перемѣнилъ свои установки и значительно увеличилъ дальность своей стрѣльбы...

«Марія» спѣшитъ. Напрягаетъ всю мощь своихъ машинъ...

«Завѣса» держитъ ее въ курсѣ движеній противника... Но вотъ, показался дымъ...

---

[1]) Телеграфное сокращеніе (начальникъ минной бригады).

Боевая тревога. Затрубили горны. Загремѣли колокола... «Бреслау»!

— Разстояніе?!

Дальномѣрщики у дальномѣровъ берутъ разстояніе...

— 114 кабельтовыхъ!

«Марія» идетъ на врага... «Бреслау», вдругъ, рѣзко поворачиваетъ на вестъ и бросается на утекъ... Ощетинившаяся, съ задранными къ нему орудіями, «Марія» кладетъ руля и ворочаетъ. **Беретъ «Бреслау» на лѣвый курсовой...**

Въ амбразурѣ боевой рубки — развѣвающаяся борода и сосредоточенное лицо управляющаго огнемъ, старшаго лейтенанта князя Урусова — мага и волшебника артиллеріи. Даетъ установку...

Огромнаго роста, сухой, мускулистый съ косматой, мужицкой бородой, фанатично преданный своему дѣлу, отмѣнный морякъ и первый артиллеристъ флота, — онъ былъ грозой «Гебена», но и грозой для своихъ. Его комендоры трепетали передъ нимъ, но и боготворили его. Урусовская школа была школой суровой, но зато и выходившіе изъ нея комендоры были, дѣйствительно, стаей орловъ.

Спартанецъ по натурѣ, онъ на походахъ никогда иначе не спалъ, какъ подъ открытомъ небомъ на мостикѣ. Воетъ вѣтеръ, реветъ непогода — ему нипочемъ. Къ его ногѣ привязанъ шнуръ, идущій въ боевую рубку къ дежурному артиллерійскому унтеръ-офицеру. Достаточно дернуть — Урусовъ въ моментъ будетъ на мѣстѣ.

* * *

...«Марія» легла на лѣвый курсовой... «Бреслау» уходитъ... Установка башнямъ дана.

— Ревунъ!!

Артиллерійскій унтеръ-офицеръ нажалъ кнопку.

Заревѣли ревуны [1]). Огненные языки вырвались изъ жерлъ... Громовой, потрясающій ударъ воздушной волны. Залпъ...

— Недолетъ!

---

[1]) Особая звуковая сигнализація башнямъ. Ревуны ревутъ 5 секундъ, въ теченіе которыхъ долженъ быть данъ залпъ.

Урусовъ сурово даетъ поправку. Снова заревѣли ревуны. Второй залпъ...

. . . . . .

Вотъ какъ этотъ моментъ схваченъ и записанъ нѣмецкимъ оберъ-лейтенантомъ Деницъ, въ его воспоминаніяхъ — **«Бреслау» въ Черномъ морѣ».**

«...Вдругъ показался большой силуэтъ... — Русскій дредноутъ!!

— Обѣ машины самый полный впередъ!..

Наши бинокли, трубы устремлены на него... Сомнѣній нѣтъ — **«Императрица Марія»!**

Загудѣли тюрбины. Изъ всѣхъ трубъ повалилъ густой дымъ... Пѣнистый валъ потнался за нами... Впряглись всѣ 36.000 лошадиныхъ силъ... Наши взоры обращены назадъ...

— **«Императрица Марія» ворочаетъ!!!**

Грозный корабль ощетинился... Поднялись 12-дюймовыя орудія его четырехъ башенъ... Мы несемся на удаленіе... Наши взоры попрежнему направлены туда... Все равно — дѣлать нечего.

Еще выше поднялись страшныя орудія около огромныхъ трубъ и мачтъ... Сверкнулъ залпъ... Прикованные къ мѣсту, мы вслухъ считаемъ секунды... 10, 20, 30, 40... Сейчасъ, сію минуту упадетъ залпъ... Куда онъ ляжетъ?!...

Вниманіе!!... Паденіе!

Залпъ легъ недолетомъ всего въ **ста метрахъ.** Изъ водяной бездны вырвалась фантастическая стихія пѣны и дыма... Нѣсколько мгновеній ядовитый газъ стлался по пораженному пространству...

Мы мчимся впередъ... Вотъ снова вспыхнулъ залпъ... Глухой вой приближающагося ужаса... Сверкнулъ третій залпъ... Въ огненномъ кольцѣ виднѣется тяжелый силуэтъ... Но наше удаленіе настолько увеличилось, что уже не виденъ форштевенъ «Маріи»...

— Бравый «Мидили»![1]) — Какъ ты вывернешься изъ этой исторіи?!

Всѣ недвижно стоятъ, словно зачарованные, охваченные однимъ чувствомъ, одной мыслью... Летятъ

[1]) Турецкое имя «Бреслау».

секунды... Прошла ли минута?!.. Когда же долетитъ третій залпъ... Будетъ ли онъ нашей гибелью?!»...

. . . . . .

«То, что случилось сейчасъ, въ молніеносномъ ходѣ событій, мы не могли толкомъ понять.

Страшный шокъ... Всѣхъ бросило другъ на друга... Крейсеръ, вдругъ, сдѣлалъ прыжокъ... Накренился... Хлынула вода... Нырнулъ носъ... Все ринулось въ пропасть...

Съ ревомъ и кипящимъ остервенѣніемъ ворвались на палубу, мостики, полубакъ водяные смерчи... Все и вся — въ водѣ... Звонъ, трескъ, грохотъ...

— Гибель! — отчаянно сверкнула мысль...

Но... что за чудо — «Бреслау» выправляется... Молніеносный взглядъ назадъ — корма попрежнему гонитъ струю. Попрежнему вздымается пѣнистый валъ... Гудятъ тюрбины... Весь полубакъ пронизанъ осколками...

Не вѣря себѣ, своему счастью, — смотримъ другъ на друга... Съ мачтъ, трубъ, мостиковъ съ шумомъ стекаетъ поднятая взрывомъ вода...

Кучно, безъ малѣйшаго разсѣянія, у самаго форштевна (носа) легъ вражескій залпъ, вырвавъ бездну въ водѣ... Тутъ только намъ стало очевидно, **какъ «дьявольски» хорошо стрѣляетъ «Императрица Марія»...**

Опять сверкнули вспышки... Зигзагами, скрываясь за выпущенной дымовой завѣсой, мы ускользаемъ отъ страшнаго врага...

Русскій корабль не виденъ, но онъ несомнѣнно гонится за нами...

Долго намъ будетъ памятенъ этотъ день...»

. . . . . .

Выпущенное «Бреслау» бѣлое облако завѣсы совершенно скрыло его. Пришлось прекратить огонь.

— **«Миноносцамъ атаковать непріятеля!»** — далъ адмиралъ радіо-приказъ.

Сомкнувшись въ колонну, миноносцы бросились за «Бреслау», въ надеждѣ, къ заходу солнца, нагнать и съ темнотой атаковать.

30-узловымъ ходомъ дивизіонъ вновь обнаружилъ его... Съ флагманскаго миноносца послѣдовалъ сигналъ — **«атака»!** Но однимъ поворотомъ руля «Брес-

лау» сдѣлалъ зигзагъ и выскочилъ изъ угрожаемой позиціи...

Снова зажегъ бѣлый дымъ и, воспользовавшись налетѣвшимъ шквалomъ съ дождемъ, скрылся въ Босфорѣ...

. . . . . .

Съ разсвѣтомъ миноносцы присоединились къ «Маріи», передавъ лаконически семафоромъ — «атака не удалась».

Колчакъ былъ внѣ себя. Съ наступленіемъ темноты, отрядъ подошелъ къ каналу и въ 23 часа 10 іюля вышелъ на Севастопольскій рейдъ.

* * *

На слѣдующій день, въ 9 утра, у командующаго состоялось засѣданіе флагмановъ и капитановъ для разбора вчерашней операціи.

Когда всѣ собрались въ адмиральскомъ салонѣ, изъ кабинета, мрачнѣе тучи, вышелъ Колчакъ и занялъ предсѣдательское мѣсто.

Начальникъ штаба, контръ-адмиралъ Каськовъ, объявилъ:

— Командующій флотомъ приказалъ начальнику своего штаба доложить собранію о стратегическомъ положеніи, предшествовавшемъ выполненію вчерашней операціи. Флагъ-капитанъ оперативной части доложитъ тактическое выполненіе ея, а начальникъ минной бригады освѣтитъ причины, почему не удалась минная атака.

Въ нависшемъ взглядѣ командующаго чувствовалась гроза. Всѣ ясно видѣли его неудовольствіе исходомъ вчерашней операціи. Всѣ отлично понимали, что главная причина этого неудовольствія — неудавшаяся атака начальника минной бригады, контръ-адмирала Саблина.

Крутой и прямолинейный нравъ адмирала Саблина былъ всѣмъ извѣстенъ.

...Флагъ-капитанъ, капитанъ 2-го ранга Смирновъ заканчиваетъ свой докладъ моментомъ, когда адмиралъ далъ радіо-приказъ миноносцамъ атаковать непріятеля, и когда, съ наступленіемъ сумерекъ, дальнѣйшая ини-

ціатива дѣйствій перешла въ руки начальника минной бригады...

Взволнованнымъ голосомъ адмиралъ Саблинъ начинаетъ свой докладъ съ указанія, что въ этой операціи иниціатива была изъята изъ его рукъ, что не онъ командовалъ минной бригадой, а самъ командующій распоряжался ею, давая непосредственно отъ себя директивы отдѣльнымъ миноносцамъ.

— Такъ вы, Ваше Превосходительство, приказали «Безпокойному» идти на пересѣчку «Бреслау», причемъ дали ему **неосуществимую** задачу, ибо, чтобы выполнить ее, миноносецъ долженъ былъ развить ходъ большій, чѣмъ данный имъ на испытаніи. Въ результатѣ, у него развалились кладки.

— Я вполнѣ признаю свою ошибку — соглашается Колчакъ.—Не освоившись еще съ миноносцами[1]), я спуталъ ихъ.

Саблинъ говоритъ далѣе о трудности, въ ночное время, преслѣдовать быстроходнаго врага и развиваетъ мысль о неосуществимости, въ условіяхъ погони, минныхъ атакъ и заканчиваетъ указаніемъ, что занимаясь всю свою жизнь изученіемъ вопроса, онъ приходитъ къ выводу, что, минныя атаки неосуществимы ни днемъ, ни ночью, развѣ только какой-нибудь шальной случай.

— Мой личный опытъ во время войны, какъ, напримѣръ, моя прошлогодняя попытка 21 марта атаковать «Гебенъ» и «Бреслау», вполнѣ это подтверждаетъ, равно какъ и вся исторія морскихъ войнъ. И я совершенно не понимаю, въ чемъ, собственно, хотятъ меня обвинить — кончаетъ онъ.

На это командующій флотомъ рѣзко возразилъ:

— Я никого сейчасъ не обвиняю. Я хочу только одного, чтобы разъ сдѣланныя ошибки вторично не повторялись...

Колчакъ всталъ. Собраніе закончилось.

Докладъ адмирала Саблина произвелъ на командующаго неблагопріятное впечатлѣніе. Вѣроятно, тутъ и возникла мысль о необходимости смѣнить его. Ибо нельзя командовать оружіемъ, въ силу и успѣхъ котораго не вѣришь самъ.

---

[1]) Это былъ первый походъ адмирала Колчака.

Операціи у Босфора.

13-го іюля наша Кавказская армія заняла Эрзинджанъ. 20-го — наши дредноуты **«Императрица Марія»** — подъ флагомъ командующаго флотомъ, и **«Императрица Екатерина»,** имѣя въ охранѣ эскадренные миноносцы «Счастливый» и «Громкій», вышли въ море для прикрытія 1-го дивизіона «нефтяниковъ», посланнаго въ ночную операцію къ Босфору — **поставить у пролива минное заграждeніе.**

Принявъ по 60 минъ на каждый миноносецъ, дивизіонъ въ составѣ: «Дерзкаго» — брейдъ вымпелъ начальника дивизіона, капитана 1-го ранга Савинскаго, «Безпокойнаго», «Гнѣвнаго» и «Пронзительнаго», до зари, вышелъ въ море, взявъ курсъ на Босфоръ, съ расчетомъ съ темнотой подойти къ нему».

Для опредѣленія исходной точки, у мѣста постановки загражденія находилась подводная лодка «Китъ». На ней былъ приспособленъ рупоръ со вставленной въ него электрической лампочкой. Обращенный въ сторону подхода миноносцевъ, рупоръ бросалъ имъ лучъ свѣта, невидимый со стороны. По этой свѣтящейся точкѣ миноносцы должны были опредѣлиться и затѣмъ развернуться для операціи.

Какъ только дивизіонъ увидѣлъ условленный огонекъ, онъ сейчасъ же перестроился и, скрытый сгустившейся темнотой, пошелъ къ берегу...

Наступилъ самый опасный моментъ...

Прямо по носу нависшей тучей чернѣетъ берегъ. **На немъ Босфорскія батареи...** Малѣйшее подозрѣніе — вспыхнутъ прожектора... **Достаточно одного попаданія, чтобы весь дивизіонъ со своими минами взлетѣлъ на воздухъ...** Далеко вдали — зарево дежурныхъ прожекторовъ... Но здѣсь пока все тихо и темно...

Безшумно копошатся минеры у минъ, приготовляя ихъ къ постановкѣ и отдавая стопора [1])... Комендоры застыли у орудій...

Громада берега все ближе. Кажется, вотъ-вотъ уткнешься въ него.

— Лѣво на бортъ!

---

[1]) Крѣпленія за рельсы.

Миноносцы ворочаютъ на 180°... Берегъ остается за кормой...

Минный офицеръ, съ секундомѣромъ въ рукѣ, стоитъ на кормѣ у свисающихъ надъ водой дугами рельсъ. У самаго обрѣза кормы ждутъ команды первыя двѣ мины...

— Пер-вая!

Тронулась и покатилась по рельсамъ, на своей тележкѣ, первая мина... Хлюпнула и исчезла въ пучинѣ.

— Вто-рая!

Хлюпнула вторая...

Какъ рыбы икру, мечутъ миноносцы мины. Рядами, одна за другой, воздвигаются подъ водой смертоносныя баррикады...

Наконецъ, хлюпнула послѣдняя. Загражденіе готово.

— Полный впередъ!

Перестроившись въ кильватерную колонну, миноносцы исчезли въ ночной мглѣ... . . . . .

. . . . . .

Въ 9 утра — рандеву съ «Маріей». Весело и привольно, купаясь въ утреннихъ лучахъ, съ радостнымъ сознаніемъ исполненнаго долга, несется дивизіонъ навстрѣчу ей... Вотъ показался дымъ... Изъ-за горизонта выплываетъ мощный силуэтъ...

На «Маріи» подымаются «позывные» 1-го дивизіона и за ними сигналъ: — «Адмиралъ изъявляетъ свое **особое** удовольствіе». Оркестръ гремитъ «встрѣчу»... Дивизіонъ лихо «рѣжетъ» корму адмирала... Вспыхиваетъ дружный отвѣтъ...

Сомкнутой колонной, стремительной стаей проносятся миноносцы и скрываются за горизонтъ...

Они идутъ въ Севастополь за новой порціей минъ, для второго загражденія Босфора.

* * *

«Императрица Марія», въ ожиданіи возвращенія дивизіона, остается крейсировать въ морѣ.

Сегодня, 22 іюля, ея судовой праздникъ. Поэтому, утромъ, въ присутствіи всѣхъ свободныхъ отъ вахтъ и нарядовъ былъ отслуженъ торжественный молебенъ. Днемъ — игры, состязанія на призы.

Вотъ программа состязаній: 1) Перетягиваніе на концѣ. 2) Бѣгъ со связанными ногами. 3) Бѣгъ въ мѣшкахъ. 4) Состязаніе танцоровъ подъ гармошку: а) полька, б) камаринская. 5) Ловля свѣчей и денегъ. 6) Бѣгъ съ препятствіями. 7) Состязаніе вѣстовыхъ 8) Состязаніе «слѣпыхъ» собирателей картошки. 9) Состязаніе на скорость заряжанія 130 м.м. орудія, у заряднаго станка.

Душа и организаторъ всѣхъ этихъ забавъ — старшій офицеръ, капитанъ 2-го ранга Городысскій. Какъ въ циркѣ, широкимъ кольцомъ, сидя и стоя, размѣстилась улыбающаяся команда, всегда падкая до зрѣлищъ и забавъ. Тутъ же оркестръ музыки...

Ровно въ 2 часа, съ пробитіемъ склянокъ, начались состязанія.

Бурными взрывами смѣха были встрѣчены «бѣгуны» въ мѣшкахъ. Эта потѣха заключается въ слѣдующемъ: люди залѣзаютъ въ большіе мѣшки, завязывающіеся вокругъ шеи. Ноги, руки, — все туловище въ мѣшкѣ. Торчитъ одна голова. Ихъ устанавливаютъ въ шеренгу и по сигналу они должны «бѣжать» къ опредѣленному мѣсту. Кто первый «добѣжитъ», — тому призъ, и музыка играетъ тушъ.

Въ мѣшкахъ бѣжать невозможно. Можно только прыгать. А это далеко не просто. Люди путаются, ноги заплетаются, наступаютъ на складки... Малѣйшая неловкость прыжка, — и живой мѣшокъ кулемъ валится на палубу. Хитрецы норовятъ прежде всего избавиться отъ конкурентовъ и свалить сосѣдей. Прыгаютъ другъ къ дружкѣ, взаимно цѣпляются, сшибаютъ другихъ, но и валятся сами, вызывая гомерическій хохотъ и остроты. А ужъ разъ свалился, встать немыслимо, — такъ и лежи до конца состязанія.

Еще бо́льшую забаву являетъ собой ловля свѣчей. Въ большой, наполненный водой бакъ пускаютъ плавать обыкновенныя стеариновыя свѣчи. Ловцамъ завязываютъ за спиной руки, и они ртомъ должны поймать свѣчу. Но достаточно только кончикомъ губы прикоснуться къ свѣчѣ, какъ она моментально ускользаетъ. Рѣдко какому ловкачу удается схватить ее. А схватилъ — получай рубль серебромъ, да еще «старшой» отъ себя отпуститъ папиросъ. До седьмого пота

сопятъ матросы надъ бакомъ, гоняясь ртами за свѣчами, дуютъ на нихъ, захлебываются, фыркаютъ и напиваются соленой воды. А кругомъ, хватаясь за животы, гогочетъ команда, подзадаривая ловцовъ и остря надъ неудачниками.

Немалое веселье возбуждаетъ также бѣгъ съ препятствіями. Нужно обѣжать всю палубу, вихремъ, по всѣмъ трапамъ, взлетѣть на мостикъ, салазками скатиться по поручнямъ и предолѣть по пути тысячи всякихъ замысловатыхъ препятствій. Но самое трудное впереди — длинная, растянутая по палубѣ парусиновая кишка «вензейля» (вентиляціонная труба), сквозь которую нужно быстро пролѣзть на животѣ. А это весьма нелегко, ибо кишка длиннющая, въ ней духота и тьма египетская, и лежитъ она плашмя. Можно легко застрять въ какомъ-нибудь тупикѣ ея складокъ. Тогда — бѣда!

Зато, коли выбрался удачно, да «чисто» преодолѣлъ всѣ препятствія, да пришелъ первымъ, — получай три рубля, тушъ и почетъ...

Состязаніе вѣстовыхъ — на быстроту «разоруженія» и «вооруженія» офицерскихъ кителей. Кто первый сниметъ погоны и отцѣпитъ пристегнутыя на спиральныхъ кольцахъ пуговицы и затѣмъ первымъ надѣнетъ ихъ — получаетъ призъ, а, сверхъ того, «чарку» отъ своего «барина». Пальцы работаютъ такъ, что рябитъ въ глазахъ.

Немало потѣхи вызывала и ловля денегъ. Въ наполненное водой ведро опускалась монета. Въ лѣвую руку ловцу даютъ проводъ отъ комутатора, правой онъ долженъ схватить монету. Весь «трюкъ» заключается въ томъ, что въ моментъ касанія къ монетѣ получается сильный электрическій токъ. Не только руку, но и самого ловца отбрасывало отъ ведра. Нужно словчиться такъ, чтобы непроизвольной конвульсіей пальцевъ отъ тока и схватить монету...

До самаго ужина, какъ спущенный табунъ молодыхъ лошадей, рѣзвилась команда. На десять миль кругомъ несся веселый смѣхъ.

Самъ командующій и все начальство на мостикѣ невольно заражалось этимъ неудержимымъ, искреннимъ, молодымъ весельемъ.

* *
*

Къ ночи погода стала портиться: барометръ упалъ. Засвѣжѣло отъ зюдъ-веста. По морю загуляли «барашки»...

Въ 10 час. 20 мин. утра на горизонтѣ показался 1-й дивизіонъ.

«Дерзкій» приблизился къ адмиралу, переговорилъ съ нимъ и, присоединившись къ своему дивизіону, скрылся по курсу на Босфоръ...

Съ темнотой началась вторая операція...

Въ сумеркахъ тайнъ.

Лѣтомъ 1917 г. секретная агентура доставила въ нашъ морской генеральный штабъ нѣсколько небольшихъ металлическихъ трубочекъ. Найдены онѣ были среди аксессуаровъ маникюра и кружевъ шелковаго бѣлья очаровательнѣйшаго существа, одного изъ тѣхъ блестковъ войны, которые въ кровавую эпоху человѣческой бойни такъ внезапно и такъ ярко вспыхивали во всѣхъ столицахъ Запада и Востока, и столь же быстро исчезали, вызывая восторгъ, поклоненіе и трагедію однихъ, и пронизывающіе, страшные, тайно слѣдящіе взоры другихъ... Такъ, вѣроятно, погибъ и этотъ сверкнувшій въ сѣверной столицѣ мотылекъ, попавшій въ своей игрѣ съ «бездѣлушками» въ скрытые когти болѣе ловкой, пронырливой и безпощадной руки... Миніатюрныя же трубочки — «бездѣлушечки» были направлены въ... лабораторію. Онѣ оказались тончайше выдѣланными изъ латуни механическими ... взрывателями.

Отпечатанныя съ нихъ фотографіи, секретнѣйшимъ порядкомъ, черезъ спеціальныхъ офицеровъ, были разосланы въ штабы союзнаго флота, при чемъ выяснилось, что точь въ точь такія же трубки были найдены на таинственно взорвавшемся итальянскомъ дредноутѣ «Леонардо да Винчи». Одна — не взорвавшаяся — въ картузѣ, въ бомбовомъ погребѣ...

Вотъ что по этому поводу разсказалъ офицеръ итальянскаго морского штаба, капитанъ 2-го ранга Луиджи ди Самбуи:

Слѣдствіе съ несомнѣнностью установило существованіе нѣкоей тайной организаціи по взрыву кораблей. Нити ея вели къ швейцарской границѣ. Но тамъ ихъ слѣдъ терялся. Всѣ попытки обнаружить его за предѣлами этой границы остались безуспѣшными. Тогда рѣшено было обратиться къ могущественнѣйшей воровской организаціи «Сицилійской Мафіи». Та взялась за это дѣло и послала въ Швейцарію «боевую дружину» опытнѣйшихъ и рѣшительнѣйшихъ людей.

Прошло немало времени, пока «дружина», путемъ не малыхъ затратъ средствъ и энергіи, наконецъ, напала на слѣдъ. Онъ велъ въ Бернъ, въ подземелье одного богатаго особняка. Тутъ и находилось главное хранилище штаба этой таинственной организаціи — забронированная, герметически закрытая камера, наполненная удушливыми газами. Въ ней — сейфъ съ хранящимися въ немъ цѣнностями.

«Мафія» приказала проникнуть въ камеру и захватить сейфъ.

Послѣ длительнаго наблюденія и подготовки, «дружина» ночью прорѣзала броневую плиту. Въ противогазовыхъ маскахъ проникла въ камеру, но, за невозможностью захватить сейфъ, взорвала его. Цѣлый складъ ... «трубочекъ» оказался въ немъ. Къ сожалѣнію, никакой переписки найдено не было. Что же касается цѣнностей, — «Мафія» все захватила себѣ. Поэтому цифра этихъ цѣнностей осталась неизвѣстной.

Приблизительно за годъ до описанныхъ событій, въ маѣ 1916 г., старшій офицеръ подводной лодки «Тюлень», лейтенантъ Чириковъ, былъ вызванъ къ начальнику штаба командующимъ флотомъ.

— Завтра пріѣзжаетъ японскій агентъ. По приказанію командующаго, вы назначаетесь состоять при немъ. Явитесь къ флагъ-капитану оперативной части. Отъ него получите всѣ указанія.

Лейтенантъ отправился къ флагъ-капитану.

— Садитесь и ознакомьтесь вотъ съ этими бумагами. Помните — онѣ секретныя; потомъ поговоримъ объ остальномъ. И флагъ-капитанъ протянулъ Чирикову пачку бумагъ.

Первая была отъ нашего морского генеральнаго

штаба. Въ ней сообщалось содержаніе секретнаго отношенія британскаго адмиралтейства. **Оно просило нашъ штабъ, въ случаѣ посѣщенія японскимъ агентомъ Севастополя, отнюдь не показывать ему тѣхъ техническихъ приспособленій, которыя англійскій флотъ довѣрительно передалъ для использованія русскому, какъ сѣтевое траленіе и средства борьбы съ подводными лодками.**

Другая бумага была отъ штаба кавказской арміи. Штабъ въ освѣдомительномъ порядкѣ извѣщалъ командующаго флотомъ о томъ впечатлѣніи, которое оставилъ по себѣ упомянутый агентъ при посѣщеніи имъ кавказскаго фронта. Несмотря на всю его «забронированность» и маску искушеннаго дипломата, волновавшія его чувства временами вырывались наружу. Особенно во время обсужденія въ оперативномъ кабинетѣ штаба вопросовъ о проливахъ.

Въ своемъ письмѣ, переданномъ черезъ штабъ-офицера для связи съ флотомъ полковника Ардатова, начальникъ штаба кавказской арміи характеризуетъ этого агента, какъ «любознательно»-зоркаго и ловкаго человѣка, умѣло и хитро преслѣдовавшаго свои цѣли при разспросахъ о дѣйствіяхъ и расположеніи нашихъ войскъ, причемъ начальникъ штаба, имѣя въ виду предстоящее посѣщеніе агентомъ Севастополя, **подчеркиваетъ то впечатлѣніе недоброжелательства и задней мысли, которое агентъ оставилъ по себѣ.**

Наконецъ, третья бумага — отъ нашего морского штаба — **была прямымъ и категорическимъ запрещеніемъ показывать агенту подводный заградитель «Крабъ»,** — въ то время наимощнѣйшій въ мірѣ типъ заградителя.

Съ великимъ недоумѣніемъ ознакомился лейтенантъ со всѣми этими бумагами.

— Хорошъ агентъ дружественной державы!..

Выработавъ программу осмотра флота, авіаціи и порта, лейтенантъ Чириковъ откланялся флагъ-капитану...

На слѣдующій день съ севастопольскимъ поѣздомъ прибылъ агентъ. Изъ международнаго вагона, одѣтый въ морскую форму, вышелъ маленькій худощавый человѣкъ. Лейтенантъ Чириковъ представился

ему. Оказалось, агентъ прекрасно владѣетъ русскимъ языкомъ.

Сѣли въ автомобиль...

— По приказанію командующаго флотомъ, вамъ приготовлены аппартаменты въ Морскомъ собраніи, — съ любезной улыбкой обратился лейтенантъ къ агенту.

— О, нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ! Я желалъ бы остановиться въ частной гостиницѣ. Мнѣ совѣтовали отель «Кистъ».

Это нѣсколько удивило лейтенанта.

Поѣхали къ «Кисту».

Выбѣжавшій навстрѣчу швейцаръ приподнялъ фуражку.

— У насъ имѣется прекрасная свободная комната съ видомъ на море.

— Вотъ и отлично. Я очень люблю море...

Комната оказалась угловой, съ видомъ на рейдъ.

— Вы, вѣроятно, пожелаете сейчасъ разобрать свои вещи. Я зайду черезъ нѣсколько минутъ.

— Да, да — пожалуйста. Заходите черезъ четверть часа. Я бы хотѣлъ сегодня же, утромъ, представиться командующему флотомъ.

Черезъ четверть часа, одѣтый въ парадную форму, агентъ, вмѣстѣ съ Чириковымъ, спускались по Графской пристани, гдѣ ихъ ожидалъ присланный съ «Георгія» моторъ.

Такъ какъ у командующаго шло засѣданіе флагмановъ и капитановъ, начальникъ штаба вице-адмиралъ А. Г. Покровскій пригласилъ агента въ свой кабинетъ.

Разговоръ завязался вокругъ вопросовъ войны. Агентъ интересовался послѣдними извѣстіями Ставки...

На стѣнѣ каюты висѣла, застекленная въ рамкѣ, генеральная карта Чернаго моря съ нанесенными на ней курсами походовъ бригады крейсеровъ за все время войны — подарокъ адмиралу, только что откомандовавшаго бригадой. Красиво вычерченные, съ обозначенными въ минутахъ и секундахъ боевыми эпизодами, крейсерствами и сраженіями, пути, какъ желѣзныя дороги къ Московскому узлу, сходились у Босфора. Взглядъ агента остановился на ней. Адмиралъ замѣтилъ и пояснилъ агенту исторію карты. Тотъ всталъ,

чтобы поближе разсмотрѣть. Подошелъ къ картѣ и, вдругъ, плашмя хлопнулся о палубу...

Адмиралъ съ Чириковымъ вскочили. Агентъ лежалъ въ глубочайшемъ обморокѣ.

— Воды!! Скорѣе воды! — крикнулъ адмиралъ.

Но не было никакой возможности процѣдить ее сквозь стиснутые зубы...

— Доктора!!..

Послышался шумъ отодвигаемыхъ стульевъ — засѣданіе флагмановъ и капитановъ окончилось... Начальникъ штаба поспѣшилъ доложить командующему о случившемся.

Адмиралъ Эбергардъ тотчасъ же направился къ агенту. Тотъ пришелъ въ себя и, увидѣвъ входящаго адмирала, приподнялся на диванѣ.

— Вы, вѣроятно, переутомились? Вамъ нужно отдохнуть. — Не безпокойте сегодня агента, — обратился адмиралъ къ лейтенанту Чирикову. И, выразивъ свое сочувствіе и пожеланіе, удалился къ себѣ...

Сконфуженный агентъ, въ сопровожденіи Чирикова, вернулся въ гостиницу.

— Итакъ, сегодня я васъ безпокоить не буду, а зайду завтра. Мой адресъ и, на всякій случай, адресъ доктора, я оставлю у швейцара.

— Благодарю васъ! Я дѣйствительно плохо себя чувствую и сейчасъ лягу. — Итакъ, до завтра...

Отдавъ всѣ необходимыя распоряженія швейцару, Чириковъ ушелъ.

Прошло часа три. Вдругъ, какое-то неодолимое безпокойство охватило его. Что-то подмывало пойти навѣстить агента. Это чувство настолько было сильно, что преодолѣвало опасеніе быть навязчивымъ и обезпокоить больного человѣка.

Чириковъ пошелъ...

Задумавшись, пересѣкъ пустынную въ это время дня, залитую солнцемъ, Нахимовскую площадь и вошелъ въ вестибюль.

— Ну что, какъ агентъ?

Швейцаръ доложилъ, что агентъ у себя, не звонилъ и ничего не требовалъ.

Чириковъ поднялся къ нему. Постучалъ.

— Войдите!

Вошелъ и... остановился.

Словно токъ прошелъ между нимъ и агентомъ. Молніеносная тѣнь. Нервное движеніе...

Въ шолковомъ кимоно, агентъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Онъ не ожидалъ Чирикова. Но тотчасъ же всталъ, протянулъ руку и любезнымъ голосомъ предложилъ сѣсть. На столѣ лежали прикрытыя папкой бумаги и **раскрытая книга гравюръ и чертежей судовъ иностранныхъ флотовъ.**

Послѣ вступительныхъ словъ о здоровьѣ и проч., агентъ поинтересовался узнать, гдѣ служитъ Чириковъ. Оживился, когда узналъ, что онъ служитъ на подводныхъ лодкахъ и, задавъ рядъ незначительныхъ вопросовъ, **спросилъ о «Крабѣ».**

Лейтенантъ ждалъ этого вопроса и приготовился къ нему.

— «Крабъ» сейчасъ въ капитальнѣйшемъ ремонтѣ и почти весь разобранъ.

Въ дверь постучали. Вновь та же, едва уловимая тѣнь скользнула по лицу агента.

— Войдите!

Вошелъ грумъ.

— **Тѣ двое людей, которые спрашивали васъ, — ушли.**

— А-а... Хорошо! — странно блеснувъ глазами, отвѣтилъ агентъ, и непроницаемая маска любезнаго выраженія снова покрыла его лицо.

Безстрастно, холодно-корректнымъ осталось лицо и его собесѣдника. Продолжая прерванный разговоръ, онъ, вдругъ, только теперь, какъ это часто бываетъ, ясно вспомнилъ то, на что тогда не обратилъ вниманія. Подобно тому, какъ вошедшій въ комнату человѣкъ не замѣчаетъ, иногда, какого-нибудь предмета и вспоминаетъ, что видѣлъ его, лишь тогда, когда кто-нибудь спроситъ о немъ.

Чириковъ отчетливо вспомнилъ, что когда онъ, нѣсколько минутъ назадъ, входилъ въ вестибюль, у подъѣзда стояли два человѣка: **одинъ — въ кожаной куркѣ, другой — въ чемъ-то синемъ.**

Попращавшись съ агентомъ и условившись о завтрашнемъ днѣ, Чириковъ спускался по лѣстницѣ... Рой мыслей, подозрѣній и предчувствій охватилъ его. —

Но ктоже эти люди?!... Почему приходили они?... Откуда ихъ знаетъ агентъ?... Вѣдь онъ никогда не бывалъ въ Севастополѣ и никого здѣсь не знаетъ... Я же все время былъ съ нимъ... Странно!... И почему онъ отказался отъ комнатъ въ Собраніи? Почему непремѣнно захотѣлъ «Киста»?... **Стало быть, здѣсь было назначено тайное свиданіе, и эти люди были заранѣе оповѣщены объ его пріѣздѣ...** А этотъ внезапный обморокъ... Симуляція?... Желаніе на сегодня отдѣлаться отъ меня... Нѣтъ! Тутъ что-то неладно... И, наконецъ, эти секретныя бумаги... Это недовѣріе и подозрительность англичанъ нашего штаба, кавказской арміи...

Чириковъ спустился въ вестибюль.

— Скажите, швейцаръ, никто тутъ не спрашивалъ морского агента?

— Никакъ нѣтъ, никто.

— А эти двое, которые тутъ стояли?...

— Нѣтъ, никто не спрашивалъ, — какъ будто нѣсколько замялся швейцаръ.

Лейтенантъ подозрительно взглянулъ на него. **Слухи о томъ, что швейцаръ — германскій шпіонъ, почему-то вдругъ вспомнились ему.**

Позовите мнѣ того грума, который только что, при мнѣ входилъ съ докладомъ къ агенту.

— Я не знаю, какой такой грумъ.

Повышеннымъ тономъ лейтенантъ подтвердилъ приказаніе. Швейцаръ неохотно исполнилъ его... По лѣстницѣ сбѣжалъ грумъ.

— Кто эти люди, которые приходили къ агенту?

— Никто не приходилъ.

— Какъ никто не приходилъ, когда ты самъ при мнѣ докладывалъ ему.

— Я... я... не знаю... Я... не докладывалъ...

— Ахъ, негодяй! Ты мнѣ еще врать будешь. Вѣдь при мнѣ же ты докладывалъ агенту.

— Ничего не знаю... Я ничего не знаю, — съ испугомъ смотря на швейцара, залепеталъ побѣлѣвшій мальчуганъ.

Но лейтенантъ упорно продолжалъ допросъ. Швейцаръ — словно воды въ ротъ набралъ...

Наконецъ, мальчикъ признался, что какіе-то двое

людей, видимо рабочихъ, приходили къ агенту, но кто они и откуда — онъ не знаетъ.

Чириковъ немедленно отправился въ штабъ командующаго флотомъ, прямо въ кабинетъ флагъ-капитана оперативной части.

— Разрѣшите задать вопросъ? Японскій агентъ находится ли подъ наблюденіемъ?

— А что?

Лейтенантъ разсказалъ все, только что изложенное, и свои подозрѣнія.

— Мы этого не знали... Очень хорошо, что вы немедленно сообщили намъ. За агентомъ установлено тайное наблюденіе, но мы еще усилимъ его...

* *
*

На слѣдующій день, по заранѣе выработанному плану, состоялось посѣщеніе судовъ флота, авіаціи и порта. Агентъ особенно интересовался «Маріей» и долго задержался на ней. Осматривалъ боевой постъ, башни... Въ каютъ-компаніи ему былъ предложенъ обѣдъ. Онъ попросилъ себѣ на память двѣ матроскія ленточки съ надписью «Импертрица Марія»...

Въ тотъ же вечеръ въ Севастополь прибылъ его помощникъ капитанъ-лейтенантъ Х... Полная противоположность своего патрона. Мускулистый, съ энергичными, рѣзкими чертами нервнаго лица, съ большимъ ястребинымъ носомъ, придававшимъ ему выраженіе хищника.

Оба они три дня пробыли въ Севастополѣ и на автомобилѣ отправились на южный берегъ Крыма съ тѣмъ, чтобы изъ Ялты проѣхать въ Симферополь и оттуда прямо въ Петроградъ. Свой багажъ они просили отправить изъ Севастополя курьерскимъ поѣздомъ, помѣстивъ его въ заранѣе назначенное купэ.

Дня черезъ два лейтенанту Чирикову доставляютъ депешу: «Багажа въ купэ нѣтъ», слѣдуютъ подписи агентовъ. Чириковъ немедленно поѣхалъ на вокзалъ.

Начальникъ станціи, многозначительно мигнувъ, отвелъ его въ сторону:

— Не безпокойтесь за багажъ. Онъ уже доставленъ «имъ»... жандармами.

— А-а...

* *
*

Въ сентябрѣ того же года товарищъ морского министра, вице-адмиралъ П. П. Муравьевъ, производилъ инспекторскій объѣздъ судостроительныхъ заводовъ Николаева. 7 октября возвращался въ Петроградъ, когда, подъ Харьковомъ, ему доставили въ вагонъ срочную депешу морского мининстра, какъ громомъ его поразившую: **«Поѣзжайте въ Севастополь. Выясните причину гибели «Императрицы Маріи».**

Адмиралъ немедленно телеграфировалъ въ Харьковъ о задержаніи севастопольскаго поѣзда и на слѣдующій день былъ уже на мѣстѣ катастрофы.

Сквозь прозрачныя воды смутно виднѣлись очертанія днища покоющагося на глубинѣ дредноута. Потрясенные люди окружили адмирала. Въ ихъ ушахъ слышалась еще жизнь внутри корабля. Сотни страшно обоженныхъ, заживо разлагающихся, умирающихъ людей. Погребальный перезвонъ церквей. Удрученный Колчакъ, пославшій Государю телеграмму объ отставкѣ...

Что?! Какъ?! Почему?!... Никто, рѣшительно никто не могъ ничего отвѣтить на эти вопросы.

Злой умыселъ? Самовозгораніе пороха?... Много было всякихъ предположеній, но ничего опредѣленнаго.

Ни разговоръ съ Колчакомъ, ни бесѣда съ предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи вице-адмираломъ Маньковскимъ, ни со спасшимися чинами экипажа, не выявили ничего. Тайна происшедшаго покоилась на днѣ.

Душевно разбитый, утомленный безрезультатными поисками въ теченіе цѣлаго дня, министръ направился къ себѣ, въ Малый дворецъ. Долго ходилъ по кабинету, вспоминая и обдумывая всѣ показанія, предположенія, бесѣды.

Самовозгораніе, разложеніе пороха?! Адмиралъ блестящій техникъ, спеціалистъ по взрывчатымъ веществамъ, бывшій лекторъ и руководитель миннаго офицерскаго класса и, наконецъ, глава всей технической части морского вѣдомства — отбрасывалъ эту мысль. Она не состоятельна. Самовозгораніе не могло имѣть

мѣста. Весь процессъ изготовленія и анализа пороховъ не допускаетъ этого. Исключеній въ проведеніи химическихъ принциповъ быть не могло. Всякое мельчайшее изслѣдованіе тщательно фиксировалось. Каждая партія пороха выдерживала всѣ законныя испытанія. Самъ Бринкъ наблюдалъ за этимъ. Тѣмъ болѣе этого не могло случиться на «Маріи», гдѣ возрастъ пороха былъ молодой. Старый никакъ не могъ попасть въ снабженіе кораблей. — Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Я отбрасываю эту мысль.

Адмиралъ пріостановился.

«А недавній взрывъ «Леонардо да Винчи»? И еще другого итальянскаго корабля? А въ Тулонѣ? — взрывъ французскаго броненосца, англійскаго. И все —теперь, недавно... Пять таинственно взлетѣвшихъ на воздухъ кораблей... И все у союзниковъ. Ни одного у нѣмцевъ.»

Адмиралъ снова зашагалъ...

— Но какъ?!... Какимъ путемъ?... Мысль о взрывѣ на разстояніи вполнѣ допустима. Я самъ присутствовалъ при испытаніяхъ катера, управлявшагося съ берега по радіо. Тогда, въ присутствіи государя, онъ безъ единаго человѣка прошелъ изъ Кронштадта въ Петергофъ... Были даже техническія работы по испытанію взрывовъ на разстояніи...

Теряясь въ догадкахъ, адмиралъ опустился въ кресло. Не замѣтилъ, какъ погасъ день и сгустились сумерки...

Еще въ первый свой пріѣздъ въ Севастополь (въ послѣдніе дни командованія флотомъ адмираломъ Эбергардомъ), товарищъ министра встрѣтился со своимъ старымъ знакомымъ г. NN, бывшимъ драгоманомъ нашего генеральнаго консульства въ Константинополѣ, назначеннаго во время войны завѣдывать политической частью штаба командующаго черноморскимъ флотомъ. Супруги NN проживали въ Севастополѣ.

Если бы я имѣлъ право назвать фамилію этой четы, каждый узналъ бы въ ней извѣстное въ окультномъ мірѣ имя. Самъ адмиралъ въ тогдашній свой первый пріѣздъ, воочію убѣдился въ необычайной, положительно сверхъ-естественной силѣ дарованія г-жи NN. Ея поразительная способность ясновидѣнія создала ей

извѣстность, далеко выходящую за предѣлы Россіи. Можно привести много примѣровъ ея поистинѣ страшнаго таланта, но я приведу только тѣ два, которые «невѣрующаго» адмирала обратили въ «вѣрующаго».

Зайдя однажды вечеромъ въ гости къ NN, товарищъ министра обратился къ хозяйкѣ съ просьбой продемонстрировать сеансъ.

— Вотъ, адмиралъ, вамъ карандашъ, бумага, конвертъ. Я уйду въ другую комнату, вы же напишите два вопроса и запечатайте въ конвертъ. Я отвѣчу на нихъ.

Хозяйка вышла.

Адмиралъ написалъ два вопроса: 1. когда я родился? 2. будетъ ли Римскій-Корсаковъ назначенъ начальникомъ артиллерійскаго отдѣла?

Первый вопросъ адмиралъ задалъ вотъ почему. Всю свою жизнь онъ считалъ себя родившимся 30 декабря 1859 года. И родители его, и онъ самъ всегда 30 декабря праздновали этотъ день. Когда, вдругъ, теперь, потребовавъ изъ Морского корпуса (гдѣ хранятся подлинныя метрики офицеровъ флота) — свою метрическую выпись, неожиданно узналъ, что родился онъ не 30 декабря 1859 года, а 30 января 1860.

Второй вопросъ задалъ потому, что, находясь въ служебной поѣздкѣ по югу Россіи, получилъ изъ Питера сообщеніе, что на освободившуюся вакансію начальника артиллерійскаго отдѣла морского вѣдомства предположенъ къ назначенію Римскій-Корсаковъ, что не согласовалось съ мнѣніемъ его — товарища министра.

Написавъ оба вопроса, вложилъ въ конвертъ и запечаталъ.

На первый вопросъ ясновидящая незамедлительно отвѣтила: — «шестидесятый годъ, 30 января.» На второй — задумалась.

— Ахъ, какое трудное имя!... Постойте!... Двойное... Римскій... Корсаковъ... Назначенъ не будетъ.

Адмиралъ былъ пораженъ. Вѣдь о дѣйствительномъ днѣ его рожденія никто рѣшительно не зналъ, кромѣ его самого, да бумаги.

Но дальнѣйшее еще болѣе поразило его. На завтра адмиралъ собирался уѣзжать въ Петроградъ и уже отдалъ распоряженіе о вагонѣ. Прощаясь въ передней

съ провожавшими его хозяевами, онъ имъ это и сказалъ.

— Нѣтъ, адмиралъ! Завтра, 8-го, вы не уѣдете — вы уѣдете 11-го.

Адмиралъ улыбнулся.

— Ну, на этотъ разъ вы ошибетесь. Въ Петроградѣ меня ждутъ неотложныя дѣла, и я уже заказалъ себѣ вагонъ.

— Увидите, адмиралъ, вы уѣдете 11-аго.

Мининстръ вернулся во дворецъ.

Ему подали депешу: «Адмиралъ Колчакъ, назначенный командующимъ Черноморскимъ флотомъ, завтра пріѣзжаетъ Севастополь. Не уѣзжайте не повидавшись съ нимъ. Григоровичъ.»

Утромъ адмиралъ послалъ своего адъютанта встрѣтить Колчака и спросить, когда онъ можетъ принять его.

— Передайте товарищу министра — отвѣтилъ командующій, — что сейчасъ я уѣду къ адмиралу Эбергарду и буду принимать флотъ. Адмирала же Муравьева прошу пожаловать завтра, 9-го, къ 11 ч. утра.

Но ночью получилось сообщеніе, что «Бреслау» вышелъ въ море. Колчакъ немедленно снялся съ якоря и пошелъ въ погоню за нимъ.

Только 11-го онъ вернулся на рейдъ и **только 11-го вечеромъ министръ, переговоривъ съ Колчакомъ, смогъ выѣхать въ Петроградъ...**

Но вернемся къ прерванному разсказу.

Былъ поздній часъ, когда П. П. Муравьевъ позвонилъ у подъѣзда NN. Хозяева еще не спали и радушно встрѣтили неожиданнаго гостя.

— Я къ вамъ за помощью. Помогите вашимъ необычайнымъ дарованіемъ проникнуть въ тайну гибели «Маріи».

Взволнованная рѣчь, разстроенный видъ адмирала подѣйствовали.

— Хорошо! — Ты поможешь мнѣ? — обратилась хозяйка къ мужу.

Черезъ нѣсколько минутъ она впала въ трансъ...

— Что видишь? — спросилъ мужъ.

Отвѣта не послѣдовало. Мужъ повторилъ вопросъ.

— Вижу!... Какъ будто Востокъ... Азіатскій кабинетъ... Сидятъ трое, смотрятъ на карту.

— Какую? Географическую?
— Нѣтъ!... Нарисованы корабли...
— Что видишь еще?
— Они что-то обсуждаютъ... Ушли...
— Дальше!
— Не вижу ничего... Нѣтъ, постой!... Вижу длинный коридоръ... Два человѣка крадутся... **Одинъ въ кожаной курткѣ... Другой... въ грязномъ рабочемъ...**

— Что видишь еще? Что дѣлаютъ они?
— Тотъ, въ рабочемъ, держитъ подъ мышкой ящикъ... Болтается веревка... Спускаются внизъ...
— Куда же они идутъ?...
— Вошли!... Не понимаю... Не знаю... Странная комната... Не знаю...
— Но какого же вида комната? Что видишь въ ней?

— Не пойму... Какія-то металлическія вещи...
Смутно описываетъ помѣщеніе. Адмиралъ догадывается — **бомбовый погребъ...**
— Говори дальше!
— Зажгли спичку... Подожгли... Уходятъ... О, ужасъ!... Пламя!!... Взрывъ!!
— А гдѣ же люди?
— Бѣгутъ... Одинъ упалъ... Лежитъ...
— А другой?
— Другой?!... Бѣжитъ...
— Видишь его?
— Вижу!... Онъ смотритъ на меня.
— Кто онъ? Какъ его фамилія?
— Не могу сказать.
— Почему?!
— Онъ смотритъ на меня... Вы его повѣсите... Не могу сказать...
Адмиралъ взволнованно всталъ.
— Вы должны назвать его. Вспомните всю кровь, страданья, гибель лучшаго корабля. Эта гибель быть можетъ грозитъ и другимъ...
— Назови, назови его! Ты должна сказать, — съ напряженіемъ всей воли подтвердилъ мужъ.
— Но вы повѣсите его...

— Во-первыхъ я никого не вѣшаю. А если возмездіе покараетъ его — отъ своей судьбы не уйти. Во имя погибнувшихъ и живыхъ, вы должны назвать его.

— Хорошо!... Я согласна...

Но въ этотъ самый моментъ ясновидящая проснулась...

Седьмое октября.

Въ теченіе августа и сентября никакихъ особо выдающихся событій не произошло. «Марія» продолжала выполнять очередныя задачи по прикрытію различныхъ операцій и перегруппировкѣ войскъ.

Делегаціей отъ города Севастополя, во главѣ съ городскимъ головой г. Ергопуло, ей былъ поднесенъ роскошный шелковый кормовой флагъ, торжественно освященный на шканцахъ въ присутствіи самого командующаго.

Въ августѣ произошла смѣна командировъ. Князь Трубецкой былъ назначенъ начальникомъ минной бригады, а въ командованіе «Императрицей Маріей» вступилъ капитанъ I-го ранга Кузнецовъ.

6-го октября «Марія» въ послѣдній разъ вернулась съ моря...

А 7-го октября 1916 года весь міръ узналъ о гибели у себя на рейдѣ перваго дредноута Черноморскаго флота.

Въ 6 ч. 10 м. утра, когда день еще только просыпался, громовой, потрясающій ударъ грохнулъ надъ рейдомъ. Перепуганные на смерть жители бросились къ берегу...

Черно-огненная туча, словно сверкающая зарницами гроза, низко нависла надъ рейдомъ. Стоялъ гулъ, точно отъ канонады...

— По орудіямъ!! — Боевая тревога!! — пронесся надъ флотомъ призывный кличъ.

Думали, что прокравшіяся вслѣдъ за кораблями на рейдъ германскія подводныя лодки, залегшія на ночь на дно, съ разсвѣтомъ атаковали «Марію» и сейчасъ атакуютъ флотъ.

Быстроходные катеры, моторы, буксиры, пожарныя и спасательныя суда — все бросилось на рейдъ къ

пылающей, въ огненныхъ смерчахъ, окутанной густымъ дымомъ «Маріи». Мчался къ ней и Колчакъ на своемъ «Пулеметѣ».

Но не было человѣческой возможности преодолѣть всеразрушающую мощь взрывовъ отъ детонаціи погребовъ.

50 минутъ длилась агонія корабля. 50 минутъ онъ заливался кровью, грохоталъ, потрясалъ окружность...

. . . . . .

Но вотъ стихло все... Смолкли громы. Исчезли огненные смерчи. Прекратился горящій дождь летавшаго по воздуху пороха.

Могущественнѣйшій колоссъ Чернаго моря легъ на бокъ, ткнулся носомъ о грунтъ и опрокинулся вверхъ килемъ. Тамъ, гдѣ онъ только что рычалъ, бился и страдалъ въ своей кровавой предсмертной агоніи, вселяя ужасъ и панику въ сердца людей, не осталось ничего. Метнулась тѣнь послѣдняго дыханія его истерзанной груди, да пробурлила воронка послѣдняго водоворота...

. . . . . .

Прошло 13 лѣтъ...

За это время узнали мы изумительныя вещи. Напримѣръ, о гибелѣ нашего крейсера «Жемчуга», когда телеграмма его командира барона Черкасова своей женѣ съ вызовомъ ее въ Пенангъ попала прямымъ трактомъ въ руки главы германскаго шпіонажа всего Востока, немедленно переславшаго ее командиру «Эмдена».

Главой этого шпіонажа оказался всѣми уважаемый, убѣленный сѣдинами почетный старикъ г. Ватанъ, богатый человѣкъ, директоръ крупнѣйшей на Востокѣ торговой фирмы, имѣвшей въ своемъ обладаніи цѣлую сѣть почтово-телеграфныхъ конторъ и кабелей, вплоть до Австраліи. Но любопытнѣе всего то, что этотъ самый г. Ватанъ, прежде чѣмъ стать во главѣ германскаго шпіонажа, былъ секретнымъ агентомъ Японіи и только тогда былъ ею дезавуированъ, когда клубокъ тайнъ вокругъ гибели «Жемчуга» сталъ разматываться въ его сторону. Ватанъ былъ схваченъ, арестованъ и заточенъ въ Сибирь. Вѣроятно, его «связи» и богатство спасли его отъ петли...

Сила и могущество германскаго шпіонажа не подлежатъ сомнѣнію. Казалось, что еще нужно почтенному старику Ватану, на исходѣ дней его жизни. А вотъ подите же!... Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго въ томъ, что и японскій агентъ могъ оказаться въ тѣхъ же сѣтяхъ.

Такъ или иначе, изъ сумерковъ тайнъ выплываютъ очертанія чудовищной организаціи, потянувшей изъ Берна свои шупальцы и къ берегамъ Англіи, и къ «Леонардо да Винчи», и къ Тулону, и къ Черному морю... Опытной рукой закинутый неводъ улавливалъ не только «мелкую сошку», но и экземпляры покрупнѣе, особенно если ихъ положеніе могло страховать отъ подозрѣній, какъ тотъ же Ватанъ или японскій агентъ (послѣдній все же подозрѣвался и нами, и англичанами). Что же касается «мелкой сошки» — предателей внутреннихъ — за ними, конечно, дѣло не стало. Они были, есть и будутъ всегда. Но имъ особенно было легко «чисто» сработать свое гнусное дѣло на «Маріи», потому что на ней безпрерывно, и днемъ и ночью, продолжались работы, и при стоянкахъ на рейдѣ у борта всегда находилась заводская баржа съ «кладовками» и рабочими партіями, контролировать которыя фактически было, конечно, невозможно, да и мысль о предательствѣ среди нихъ врядъ ли кому приходила въ голову.

Взрывъ.

«Императрица Марія» въ послѣдній разъ вернулась съ моря...

Напряженная минута прошла. Каналъ пройденъ. Опасность осталась позади. «Марія» вошла на рейдъ.

— Отбой «отраженія минной атаки»! — Затрубили горны. Сперва — само «отраженіе»:

«Готовься, пушки заряжай,
Намъ мины угражаютъ...»

Затѣмъ — «отбой»: «Спать, спать по кой-камъ.»

Разряжаются орудія, а вмѣстѣ съ ними и боевая готовность. Убираются снаряды. Закрываются погреба.

«Марія« подходитъ къ бочкѣ (якорному мѣсту). Десятокъ баржъ съ углемъ, нефтью, береговой водой,

матеріалами, рабочими ожидаютъ ее. Раньше отдыха, нужно сразу же погрузиться углемъ, принять все необходимое и приготовиться къ новой тревогѣ — походу. Время боевое...

Не успѣла стать, какъ баржи со всѣхъ сторонъ облѣпили ее.

Дудка просвистала: «Командѣ переодѣться на погрузку». Толпа «босяковъ», въ рваныхъ, грязныхъ одеждахъ, съ чехлами, вмѣсто фуражекъ, высыпала наверхъ для развода на погрузку. Нельзя было узнать чистую и отмѣнную маріинскую команду. Только комендоры, освобожденные отъ погрузки, ради предохраненія ихъ глазъ, во всемъ чистомъ бѣломъ (все одно придется мыть) выстраивались отдѣльно для развода на вахту и въ караулъ.

Сходни сброшены. Команда разведена. Оркестръ вызванъ наверхъ, на третью башню. Какъ пчелы, загудѣла команда. Офицеры на мѣстѣ. Счетчики — у сходенъ...

На баржу спускается старшій офицеръ. Вскидываетъ на спину «козелокъ». Его мгновенно наполняютъ брикетами.

Взмахнулась палочка «капельдудкина». Оркестръ грянулъ маршъ.

Среди шпалеръ улыбающихся, уже черномазыхъ «рожъ», глазѣющихъ на своего «старшого», — капитанъ 2-го ранга Городысскій несетъ на спинѣ первую «горсть» угля. Открываетъ «авралъ».

Вразъ все ринулось къ козелкамъ, лопатамъ, мѣшкамъ. Началась «палундра»...

Въ черномъ туманѣ угольной пыли, по согнутымъ, напряженнымъ спинамъ, обливающихся черными ручьями людей, подъ звуки бравурныхъ маршей, камаринской, польки, «катеринушки» и подбадривающіе окрики офицеровъ, кондукторовъ, боцмановъ, полились въ бездонную прорву дредноута рѣки «чернаго золота» — его хлѣба насущнаго.

Погрузка идетъ бѣгомъ. Роты соперничаютъ на быстроту. Соревнованіе не только между ними, но и между кораблями. Каждый часъ взвиваются сигналы, кто сколько погрузилъ. Быстрота достигаетъ 605 тоннъ въ часъ (37.500 пудовъ). Установлены призы.

«Палундра» шумитъ. Сходни гнутся и дрожатъ подъ вереницами проносимыхъ тяжестей. Градомъ струится потъ, тутъ же размазываемый кулакомъ или охапкой пакли. Съ грохотомъ съ козелковъ, изъ мѣшковъ летитъ и сыпется въ «ямы» уголь, вздымая тучки ядовитой пыли. Изсохшія губы тянутся къ ковшамъ.

— Трави! — Выбирай! — Стопъ! Крики и дудки боцмановъ. Тарахтѣніе лебедокъ. Въ черныхъ облакахъ вращающіеся краны, мелькающіе люди, лопаты, мѣшки... Громъ мѣди и барабановъ. Сущая какофонія ада.

Но вотъ надъ одной изъ баржъ вспыхнуло ура. Вторая рота погрузила первой. Побросавъ козелки, лопаты, мѣшки, ринулась наверхъ, во фронтъ.

«Старшой» обходитъ, радостно улыбающіеся, утирающіеся ряды. Поздравляетъ. Благодаритъ. Оркестръ гремитъ тушъ. Сзади несутъ ящикъ съ призовыми папиросами, которыя «старшой» тутъ же и раздаетъ. Помимо папиросъ, рота заслужила даровой билетъ въ театръ, сверхъ очередное увольненіе на берегъ и освобожденіе отъ приборки сходенъ и всей «принадлежности». За нее все это уберетъ та, которая окончитъ послѣдней.

— Ну, а теперь — въ баню!

Дважды не надо повторять. Все вмигъ бросилось внизъ. Вразъ содрались грязныя одежды, и голыя, мускулистыя, сверкающія тѣла, съ головами негровъ, съ шайбами, баками, мочалами въ черныхъ рукахъ, биткомъ забили баню, облѣпили краны и потонули въ туманѣ вырвавшагося изъ нихъ пара. Галдежъ, хохотъ, остроты — усталости какъ не бывало. Брызги мыльной пѣны, взмахи вѣниковъ... Съ трудомъ освободили баню для слѣдующей партіи.

Погрузка окончена. Убраны сходни. Баржи отошли. Уголь сметенъ. Начинается приборка. Заструились ручьи. Зашлепали босыя, оголенныя по колѣно ноги. На корточкахъ, рядами, словно качаны на огородѣ, галиками, пескомъ и камнемъ трутъ мозолистыя руки палубы, люки, всякую «принадлежность». Снаружи на рабочей «четверкѣ» щетками обмываютъ бортъ, протираютъ подъ шпигатами. Наводятъ блескъ и чистоту...

Въ 6 часовъ дудка — «Командѣ ужинать». Загромыхали баки, застучали ложки, требуя каши и масла.

Послѣ ужина и цыгарки у «фитиля», по казематамъ и кубрикамъ загудѣла «академія». Кафедры: по военно-морской исторіи (лейтенантъ фонъ Кубе), по исторіи русской словесности (самъ «старшой»), по космографіи (штурманъ, лейтенантъ Гривцевъ), по алгебрѣ, геометріи . . . и, наконецъ, — по «грамотѣ» — батя о Василій. Такъ до 8 часовъ.

Въ 8 часовъ — вечерняя молитва.

Команда и всѣ офицеры — на шканцахъ. Выходитъ батюшка. Надѣваетъ эпитрахиль. Поправляетъ волосы, крестъ. Откашливается.

— Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

— А — аминь.

— О — отче нашъ... Сотни голосовъ подхватываютъ святую пѣснь молитвы Господней. Несется она со всѣхъ кораблей. Затѣмъ — «Богородицу» и «Спаси, Господи, люди Твоя».

Молитва окончена. Батюшка благославляетъ людей.

— По коечнымъ сѣткамъ! — Койки брать!

Палуба мигомъ пустѣетъ. Съ койками, кто на плечахъ, кто подмышками, исчезаютъ матросы въ нѣдрахъ корабля . . .

Скоро крѣпкій, бодрящій сонъ утомленныхъ моремъ, дневными трудами и погрузкой людей охватываетъ двѣ трети корабля. Маячатъ по палубѣ лишь отдѣльныя неугомонныя фигуры, да не спится старому «синопскому орлу».

У старика сонъ коротокъ. Долго бродитъ взадъ и впередъ, что-то сердито бурчитъ въ бороду, словно лаетъ на луну, вспоминая, вѣроятно, былыя времена, когда бѣлоснѣжные паруса величаво обрамляли корабли, и не было и въ поминѣ всей этой «чепухи» съ углемъ. Охъ, не любилъ старикъ этой погрузки. (То ли дѣло въ «наши» времена . . .)

«Корма» еще не спитъ. Въ каютъ-компаніи — кинематографъ. Сгрудившіеся офицеры смотрятъ свѣжедоставленные съ берега фильмы. У піанино — «таперша» — мичманъ Фокъ. Когда на экранѣ душещипатель-

ная пьеса, какой-нибудь потрясающій моментъ, онъ «жаритъ» изъ «Вдовы», когда же что-нибудь въ родѣ «Артуръ, Амуръ и Ко.», онъ — или Шопена или «Дунайскія волны».

— Брось, Фокъ! Играй, какъ слѣдуетъ...

Къ 11 часамъ угомонилась и «корма». Офицерство разошлось по каютамъ. Погасли огни. Корабль погрузился въ сонъ. Только силуэты вахты, да часовыхъ бросаютъ причудливыя тѣни на залитую серебромъ палубу. Да съ носа и кормы, нарушая лунный покой, доносится временами протяжный окрикъ часовыхъ. — «Кто гре-бе-етъ?» и столь же протяжный, заглушенный разстояніемъ отвѣтъ — «Ми-мо»!

Каждые два часа стукъ прикладовъ возвѣщаетъ смѣну часовыхъ. Ведомая «разводящимъ», съ винтовками «у ноги», темно поблескивая штыками, проходитъ «смѣна». Въ полночь и въ 4 утра смѣняется вахта.

Въ палубахъ, у дежурныхъ огней, клюютъ носомъ «дневальные». Да и какъ не клевать, когда кругомъ, по всему казематy, такъ сладко храпятъ, сопятъ и свистятъ молодыя носоглотки.

Безмятежно спитъ экипажъ. Не чуетъ кровавой бѣды...

* * *

Съ Инкермана подулъ, обычный въ это время, предразсвѣтный вѣтерокъ. Сѣрѣющіе, въ ранней утренней мглѣ, силуэты кораблей разворчиваются носомъ къ нему. Потянуло холодкомъ. Роса омочила палубу, башни. Часовые плотнѣе закутались въ тулупы...

Вахтенный начальникъ, мичманъ Успенскій, взглянулъ на часы. Черезъ ½ часа побудка. Поднялся въ рубку еще разъ просмотрѣть книжку приказаній старшаго офицера.

На всѣхъ корабляхъ склянки пробили 6 утра.

— Побудка!

Затрубили горны. Засвистѣли дудки — «Вставай, койки вязать»...

Нехотя выбѣгаютъ заспанные люди. Внизу у траповъ фельдфебеля басисто подбадриваютъ ихъ...

Команда сгрудилась въ умывальникахъ, у первой башни.

Въ 6 часовъ утра проснулся старшій офицеръ. Зажегъ лампочку. Сквозь занавѣску иллюминатора смутно пробивается блѣдный разсвѣтъ...

Въ дверъ постучали.

— Кто тамъ?

— Дежурный по артиллеріи кондукторъ. Дозвольте, Ваше Высокоблагородіе, ключъ отъ ключей (ключъ отъ ящика съ ключами, охраняемаго часовымъ).

Старшій офицеръ выдалъ ключъ. Прилегъ подремать еще нѣсколько минутъ, въ ожиданіи сигнала «на молитву».

Вдругъ, его словно тряхнуло. Корабль вздрогнулъ. Каюта заходила ходуномъ. Лампочка погасла.

Въ недоумѣніи, что случилось, старшій офицеръ вскочилъ. Послышался необъяснимый трескъ. Зловѣщее зарево освѣтило каюту...

. . . . . .

Въ умывальникѣ, подставляя головы подъ краны, фыркала и плескалась команда, когда страшный ударъ грохнулъ подъ носовой башней, сваливъ съ ногъ половину людей. Огненная струя окутаннаго ядовитыми газами желто-зеленаго пламени ворвалась въ помѣщеніе, мгновенно превративъ царившую здѣсь только что жизнь въ груду мертвыхъ, прожженныхъ тѣлъ...

. . . . . .

Босикомъ, въ накинутомъ пальто, старшій офицеръ выскочилъ наверхъ. Ужасающая картина приковала его. Надъ мостикомъ сверкалъ огненный смерчъ. Ревѣла стихія ужасающаго взрыва. Словно мячики, кувыркались въ воздухѣ люди и тяжести.

— По орудіямъ!! — Отраженіе атаки! — бросился Городысскій въ казематы, сзывая людей, полагая, что корабль атакованъ подводными лодками.

Какъ безумные, неслись съ носа люди...

На палубу выскочилъ командиръ.

Что случилось?!

Страшной силой новаго взрыва вырвало стальную мачту. Какъ катушку швырнуло къ небу броневую рубку (25.000 пуд.).

— Распоряжайтесь здѣсь! — и командиръ побѣжалъ къ мѣсту взрыва...

Взлетѣла на воздухъ носовая дежурная кочегарка. Корабль погрузился во тьму.

Минный офицеръ, лейтенантъ Григоренко, бросился къ динамо, но могъ добѣжать только до 2-ой башни. Въ коридорѣ бушевало море огня. Грудами лежали совершенно обнаженныя тѣла. Откуда-то выскочилъ «синопскій». Старикъ былъ въ однихъ кальсонахъ, но крѣпко зажалъ въ поднятой рукѣ свою колодку регалій. Споткнувшись о раненаго, хотѣлъ было его тащить, но подхваченный самъ другими исчезъ въ дыму...

Трюмный механикъ, старшій лейтенантъ Пахомовъ съ трюмными унтеръ-офицерами стремились пробиться дальше. Но взрывы гудѣли. Рвались 130 миллимитровые погреба...

Съ уничтоженіемъ дежурной кочегарки, корабль остался безъ паровъ. Нужно было во что бы то ни стало развести ихъ, чтобы пустить пожарныя помпы и зажечь свѣтъ. Старшій инженеръ-механикъ приказалъ поднять пары въ кочегаркѣ ном. 7. Мичманъ Игнатьевъ, собравъ людей, бросился въ нее...

Взрывы слѣдовали одинъ за другимъ (Было 25 взрывовъ). Детонировали группировавшіеся въ носу погреба. Корабль кренился на правый бортъ, все болѣе и болѣе погружаясь въ воду.

Вокругъ кишѣли пожарные, спасательные пароходы, буксиры, моторы, шлюпки, катера... Командиръ на носу, старшій офицеръ въ кормѣ распоряжались тушеніемъ и локализаціей незатронутыхъ еще детонаціей погребовъ. Протянутые съ пароходовъ шланги мощными струями воды заливали огнедышащіе развороченные кратеры. Стоящіе кругомъ люди направляли «пипки», но взлеталъ новый взрывъ и пожиралъ всѣхъ. На смѣну появлялись другіе, хватались за новые шланги, но, какъ и тѣ, исчезали въ новой вспышкѣ стихіи огня...

Послѣдовало распоряженіе затопить погреба 2-й башни и прилегающіе къ нимъ погреба 130 м. м. орудій, чтобы перегородить корабль. Для этого нужно было проникнуть въ заваленную трупами батарейную палубу, куда выходили штоки клапановъ затопленія, гдѣ бушевало пламя, клубились удушливые пары и

каждую секунду могли детонировать заряженные взрывами погреба. Только геройское самопожертвованіе могло пойти на это.

Старшій лейтенантъ Пахомовъ съ беззавѣтно отважными людьми вторично ринулся туда. Растаскивая обуглившіяся, обезображенныя тѣла, грудами завалившія штоки, причемъ руки, ноги, головы отдѣлялись отъ туловищъ, — Пахомовъ, со своими героями, освободилъ штоки и наложилъ ключи. Но въ этотъ моментъ вихрь сквозняка метнулъ на нихъ столбы пламени, превративъ въ прахъ половину людей. Обоженный, но не сознающій страданія, Пахомовъ довелъ дѣло до конца и выскочилъ на палубу. Увы! его унтеръ-офицеры не успѣли... Погреба детонировали. Ужасающій взрывъ захватилъ и разметалъ ихъ, какъ осенняя вьюга опавшіе листья...

Кренъ корабля сталъ угрожающимъ, гибель неминуемой. Командиръ рѣшилъ выбрасываться на берегъ. Но свирѣпствовавшій въ носу огонь не допустилъ отклепать канатъ, чтобы отбуксировать корабль на мелкое мѣсто...

Къ трапу подошелъ «Пулеметъ» съ адмираломъ Колчакомъ. Его сопровождали французскій адмиралъ Дюмениль и флагъ-капитанъ Смирновъ.

Огненный дождь горящаго пороха, черная, искрящаяся зловѣщимъ заревомъ туча стояли надъ лежащимъ на боку его флагманскимъ кораблемъ...

Адмиралъ быстро поднялся на бортъ. Босой, съ обожженными порохомъ ногами, старшій офицеръ встрѣтилъ его.

— Что произошло?! — Что дѣлаете? — Гдѣ командиръ? — отрывисто спросилъ адмиралъ.

— Взрывъ носовой башни... Топимъ погреба второй... Хотимъ развернуться кормой къ сѣверному берегу... Командиръ на бакѣ...

Кренъ рѣзко увеличился. Стало трудно держаться на палубѣ. Колчакъ, постоявъ нѣсколько минутъ и оцѣнивъ обреченность корабля, приказалъ экипажу оставить его.

Старшій офицеръ закричалъ въ мегафонъ: — Спасайте раненыхъ! Оставлять корабль съ лѣваго борта.

Офицеры и матросы бросились по низамъ. Душераздирающія сцены...

На палубѣ появился машинный старшина Бѣлугинъ. Весь въ огнѣ, съ оторванной ступней. На плечахъ вытащенный изъ огня раненый товарищъ. Кровавый слѣдъ шелъ за нимъ.

— Бѣлугинъ!! — Что ты дѣлаешь? — Ты же безъ ноги.

Унтеръ-офицеръ глянулъ внизъ и замертво, вмѣстѣ съ ношей рухнулъ на палубу...

Въ нѣкоторыхъ казематахъ застряли люди, забарикадированые лавой огня. Выйдешь — сгоришь. Останешься — погибнешь. Ихъ отчаянные крики походили на безумные вопли потерявшихъ разсудокъ.

Нѣкоторые, попавъ въ капканы огня, стремились выброситься въ иллюминаторы, но застревали въ нихъ. По грудь висятъ надъ водой, а ноги въ огнѣ...

Вотъ разсказъ матроса съ миноноснаго мотора:

... «Въ иллюминаторъ высунулся боцманмантъ. Какъ-то сложился плечами и протискался до груди. А дальше не могитъ. Ни впередъ, ни назадъ. Мы къ нему. Самимъ страшно. Корабль совсѣмъ накренился. Того и гляди ляжетъ и задавитъ. Вмигъ подлетѣли. Хвать, что было силы за плечи, — рванули разъ другой, ажъ кости затрещали. Застоналъ несчастный. Мы понатужились — разъ, разъ — не идетъ. Взмолился. — Пустите, братцы!.. Спасибо! Мнѣ все одно помирать... Своихъ душъ не губите за меня... — Ваше Благородіе! — прикажите отваливать... И было время. Только мы успѣли отскочить, какъ бортомъ его и прикрыло. Умирать буду, а этого не забуду. Какіе глаза?! Господи! Какіе глаза... Смерть неминучая. Ужасъ. Страданье. Тоска бездонная».

Между тѣмъ въ 7-й кочегаркѣ кипѣла работа. Зажгли въ топкахъ огни и, выполняя полученное приказаніе, подымали пары.

Но кренъ, вдругъ, сильно увеличился. Понявъ грозную опасность и не желая подвергать ей своихъ людей, но полагая все же, что нужно поднять паръ — авось пригодится, — мичманъ Игнатьевъ крикнулъ:

— Ребята! Топай наверхъ! Ждите меня у антресолей. Понадобитесь — позову. Я самъ перекрою клапана.

По скобкамъ трапа люди быстро вскарабкались наверхъ. Но въ этотъ моментъ корабль опрокинулся... Только первые успѣли спастись. Остальные, вмѣстѣ съ Игнатьевымъ, остались внутри... Долго ли жили они и чего натерпѣлись въ воздушномъ колоколѣ, пока смерть не избавила ихъ отъ страданій...

Много позже, когда подняли «Марію», нашли кости этихъ героевъ долга, разбросанные по кочегаркѣ...

Лейтенантъ Григоренко, пробѣгая въ послѣднюю минуту по низамъ — не застрялъ ли гдѣ какой раненый или обожженный — вдругъ, услышалъ дикіе крики, пронизывавшіе погруженную во тьму пустыни корабля. Крики шли изъ кубрика подъ 19-мъ казематомъ. Бросился туда.

Запертый въ карцерѣ, всѣми забытый арестованный матросъ бился о рѣшетку... Охранявшій его часовой убѣжалъ, забывъ въ паникѣ выпустить его.

Въ лучѣ электрическаго фонаря сверкнули обезумѣвшіе глаза. Разбитыя въ кровь руки изъ послѣднихъ силъ потрясали рѣшетку. Несчастный воплемъ кричалъ, взывая о помощи...

Но не было ключей... Лейтенантъ бросился искать ломъ или кусокъ желѣза, чтобы взломать замокъ — ничего! Сталъ вмѣстѣ съ арестованнымъ изо всѣхъ силъ трясти рѣшетку — не поддается. А кренъ увеличивается... Ноги скользятъ... Уже стоять невозможно... Снова бросился съ фонаремъ искать что-нибудь, когда, вдругъ, лучъ освѣтилъ лежавшій на палубѣ... ключъ (вѣроятно, часовой, убѣгая, бросилъ его).

Оба — и спасенный и спаситель — мигомъ выскочили наверхъ... Корабль опрокидывался...

. . . . . .

Нѣтъ возможности описать всѣ безчисленные подвиги офицеровъ и матросовъ въ борьбѣ за жизнь корабля и за жизнь своихъ товарищей. Въ эти послѣднія 50 минутъ страшной агоніи, экипажъ явилъ міру всю высоту духа, доблести и долга русскихъ моряковъ. Въ этомъ героизмѣ самопожертвованія и человѣколюбія, проявленномъ на залитой кровью и огнемъ палубѣ, сказалась историческая сущность русской души. Новымъ ореоломъ славы засвѣтилось имя «Императрица

Марія», сѣдое имя флагманскихъ кораблей Черноморскаго флота. И тотъ корабль, который когда-нибудь будетъ носить его, занесетъ на свои скрижали и эту, насыщенную страданіемъ, кровавую страницу.

. . . . . .

Среди дыма и огня командиръ махнулъ рукой. — Спасайся!

Кто по шлангамъ, кто по концамъ — быстро спускались люди на пароходы, буксиры, катера... Кто бросался прямо съ борта. Много народу пропало, запутавшись, какъ рыбы въ неводѣ, въ разорванныхъ, болтающихся противоминныхъ сѣтяхъ. Съ рукъ на руки перебрасывались изуродованныя тѣла еще живыхъ людей.

Адмиралъ Колчакъ сошелъ на моторъ.

Корабль накренился на 90 гр. Изъ каютъ-компаніи донесся жалобный аккордъ свалившагося піанино... Все — люди, кто не успѣлъ вскочить на бортъ, тяжести, шлюпки, орудія — посыпалось въ воду. Корабль на секунду замеръ и... опрокинулся. Показалось зеленое днище со скользящими по нему людьми, четыре винта, два руля.

Кучка офицеровъ и матросовъ, сгруппированные у киля. Шлюпки мигомъ бросились къ нимъ, чтобы успѣть спасти до водоворота.

— Прыгай въ шлюпки! — приказалъ матросамъ оказавшійся на днищѣ старшій офицеръ.

— Сперва вы, Ваше Высокоблагородіе. Мы за вами.

— Прыгай, говорю вамъ!... Но матросы настаивали, чтобы офицеры сошли первыми. Наконецъ, ихъ посадили. Сѣли и офицеры. «Старшій» и юнкеръ флота Андреевъ остались одни.

Наступила реакція. Сказалось все пережитое. Глубочайшая апатія ко всему и къ самой жизни. Только присутствіе юнкера Андреева спасло Городысскаго.

Видя, что «старшой», словно въ столбнякѣ, что дно ускользаетъ изъ подъ ногъ и начинается бурленіе водоворотовъ, Андреевъ закричалъ: — Спасите! Здѣсь старшій офицеръ — и столкнулъ его въ подскочившую шлюпку....

Въ окровавленныхъ фартукахъ хирурги и врачи сбились съ ногъ. Полные крови тазы, красные смоченые куски ваты, бинты... Мобилизованы всѣ сестры милосердія. Всѣ жены офицеровъ.

Доставлено 350 раненыхъ и обожженныхъ. Но какихъ раненыхъ?! Какихъ обожженныхъ?! Изуродованныхъ до того, что нельзя узнать. Спасшіеся офицеры обходятъ палаты и не могутъ признать своихъ людей. Не лица, а сплошныя, вздувшіяся опухоли. Ни глазъ, ни рта. Сквозь кожу каплями просачивается кровь. Невѣроятное зловоніе. Страданія невыразимыя. Безумные крики, лишившихся разсудка... Люди умирали на полъ-словѣ.

Къ своему электрику подошелъ лейтенантъ Григоренко. Этотъ электрикъ, при съемкѣ и постановкѣ на якорь, всегда проводилъ такъ называемую «летучую» проводку телефона для передачи съ мостика приказаній въ корму и на бакъ. Завидѣвъ своего начальника, сталъ проситься обратно на корабль; спрашивалъ скоро ли его починятъ; интересовался, спаслись ли командиръ и старшій офицеръ, и, вдругъ, какъ закричитъ:

— На бакѣ!! — Подавайте перлиня!.. И тутъ же испустилъ духъ. . . . . .

. . . . . .

Въ первые два дня умерло 170 человѣкъ.

Похороны были потрясающими. Провожалъ весь городъ. Гудѣли колокола всѣхъ церквей. Гробы утопали въ цвѣтахъ. . . . . .

. . . . . .

На сѣверномъ берегу большого рейда высится одинокій курганъ. Надъ нимъ, обращенный къ морю — огромный, видимый издалека, деревянный крестъ

«Братская могила «Императрицы Маріи».

Въ ночь подъ Рождество.

Канунъ Рождества 1914 года.

Предпраздничная суета царитъ въ Севастополѣ... Всѣ съ елками и покупками. Храмы полны молящихся...

Съ сѣвернаго рейда къ выходу въ море движется длинная колонна кораблей. Впереди — тралящій кара-

ванъ. Высокіе, черные столбы дыма упираются въ потухающій въ вечерней зарѣ небосклонъ.

* * *

Получивъ донесеніе наблюдательныхъ постовъ о появленіи въ виду нашихъ береговъ отряда непріятельскихъ крейсеровъ, флотъ вышелъ въ море, чтобы предотвратить возможную попытку врага бомбардировать въ Рождественскую ночь наши города.

Выйдя изъ канала миннаго поля, флотъ построился въ ночной походный порядокъ и легъ вдоль крымскихъ береговъ.

Замерли позади послѣдніе звуки благовѣста Херсонесскаго монастыря...

Призванный на свой постъ охранять покой и радостную встрѣчу великаго праздника флотъ въ этотъ разъ въ морѣ встрѣчалъ Вифлеемскую звѣзду.

* * *

Сдавъ штабную вахту флагманскому артиллеристу, лейтенанту Гюбнеръ, я спустился внизъ. Послѣ темнаго, холоднаго, сырого мостика пріятны были свѣтъ и тепло.

Въ «Меркурьевской»[1]) каютъ-компаніи полумракъ. Вѣстовые еще не накрываютъ къ ужину.

За тяжелой портьерой въ уютномъ углу, гдѣ полукруглый диванъ, кресла, столъ съ газетами и журналами со всѣхъ концовъ міра, совсѣмъ темно. Попыхиваютъ огоньки папиросъ.

Какъ и полагается въ Сочельникъ, разговоръ вертится вокругъ таинственныхъ потусторонихъ матерій.

Прерванный, было, моимъ приходомъ, онъ продолжался вновь.

— Такъ вотъ, господа, клинеръ «Вѣстникъ» готовился къ походу въ Берингово море, на охрану котиковыхъ промысловъ — узналъ я голосъ судового артиллериста, большого любителя всего таинственнаго и невѣдомаго.

Я присѣлъ. Любилъ послушать его страшные разсказы.

— Командовалъ «Вѣстникомъ» Угрюмовъ. Это былъ во всѣхъ отношеніяхъ блестящій морякъ, души не чаявшій въ своемъ клиперѣ, внѣ его для него не было жизни.

[1]) Крейсеръ.

Нужно замѣтить, что въ тѣ времена картографія Востока сильно хромала. Не все еще было изслѣдовано. Съемка была недостаточной. Карты — поверхностны. Поэтому въ этихъ мѣстахъ плаваніе считалось далеко не безопаснымъ.

Старый морской волкъ, какъ невѣсту къ вѣнцу, снаряжалъ свой корабль...

Но передъ самымъ походомъ съ Угрюмовымъ стряслось несчастье: онъ вдругъ заболѣлъ. Вѣроятно, отдаленной причиной болѣзни было фатальное для многихъ моряковъ всего міра плаваніе у японскихъ береговъ. Угрюмовъ сошелъ съ ума. Его помѣстили въ госпиталь. Назначили другого командира — не помню его фамиліи. Кажется, онъ былъ гдѣ-то морскимъ агентомъ.

Клиперъ ушелъ...

Несчастный Угрюмовъ затосковалъ. Имя «Вѣстникъ» не сходило съ его устъ.

Такъ какъ помѣшательство его было тихое, никому не опасное, съ большими проблесками сознанія, его оставили въ госпиталѣ на полной свободѣ. Палата его помѣщалась въ первомъ этажѣ. Большое окно выходило въ море. Онъ цѣлыми днями простаивалъ передъ нимъ. Не мало труда стоило уговорить его поѣсть.

Новый командиръ «Вѣстника» былъ молодой, никогда въ этихъ мѣстахъ не плававшій. Было замѣтно, что онъ сильно нервничаетъ, хотя и старается это скрыть. Все время на мостикѣ. Ночи не спитъ. Всюду суетъ свой носъ. Особенно надоѣлъ штурману.

На четвертыя сутки клиперъ приближался къ Алеутскимъ островамъ.

Вечерѣло. Слегка покачивало. Клиперъ идетъ бейдевиндъ лѣвымъ галсомъ. Въ снастяхъ гудитъ вѣтеръ. Поскрипываетъ бортъ...

Сами знаете, на этихъ судахъ капитанскій мостикъ находится въ кормѣ, за гротъ мачтой для болѣе удобнаго наблюденія за парусами. На носу — впередъ смотрящіе. Съ мостика ихъ время отъ времени окликаютъ, чтобы не заснули и лучше смотрѣли. Тутъ же, на полуютѣ командирская рубка. Около — рулевой постъ. Огромный 3-хъ колесный штурвалище. Четверо руле-

выхъ ворочаютъ его. Двери командирской каюты какъ разъ имъ въ спину.

Чѣмъ ближе цѣль, тѣмъ больше нервничаетъ командиръ. Мѣста незнакомыя. Опасныя.

То и дѣло онъ требуетъ штурмана и совѣщается съ нимъ. Самъ повѣряетъ курсъ вахтеннаго начальника, рулевыхъ. Словомъ — никому не довѣряетъ.

Наконецъ, утомленіе сказалось. Командиръ рѣшаетъ отдохнуть. Спустился въ каюту и съ наслажденіемъ вытянулся въ своемъ креслѣ.

Легкая качка, размѣренное поскрикыванье корабля убаюкали его. Сознаніе затемнилось, и капитанъ заснулъ.

Вдругъ, словно слабое дуновеніе вѣтра, коснулось его уха. Кто-то шепталъ ему: Лѣво руля!

Командиръ очнулся. Приподнялся съ кресла. Сознаніе вернулось... Кругомъ — никого.

Вышелъ на мостикъ.

Тишина, свѣжесть и тьма ночи охватили его. У штурвала согнутые силуэты рулевыхъ. Слабо обрисовываются бортъ, вздутые паруса...

Въ поднятомъ воротникѣ пальто вахтенный начальникъ зорко и спокойно смотритъ впередъ.

Командиръ подошелъ къ картѣ. Провѣрилъ курсъ. Вызвалъ штурмана. Тотъ доложилъ, что мѣсто корабля вполнѣ точное, что астрономическія наблюденія велись исправно, и что передъ заходомъ солнца была опредѣлена долгота. Словомъ, нѣтъ никакихъ основаній къ безпокойству.

Замѣтивъ въ отвѣтахъ штурмана нотку иронiи и раздраженія, командиръ самъ почувствовалъ нѣкоторую неловкость, что напрасно потревожилъ человѣка. Погулявъ немного по мостику, онъ вновь спустился въ каюту. Сѣлъ въ свое кресло и задремалъ...

Вдругъ тотъ же голосъ, но уже громче и тверже, прошепталъ ему:

— Лѣво руля!

Командиръ рѣзко вскочилъ и быстро вышелъ наверхъ.

Полное спокойствіе кругомъ. На ясномъ небѣ — миріады звѣздъ. Видна Кассіопея, Альфа Плярисъ, Касторъ и Поллуксъ. Слышны таинственные ночные

шумы океана, точно напѣвы сиренъ. Перекликаются впередъ смотрящіе...

Взявъ циркулемъ разстояніе до ближайшихъ острововъ и еще разъ убѣдившись въ полной безопасности курса, командиръ ушелъ.

Разсердившись на себя, на свои расходившіеся нервы, онъ скинулъ тужурку и рѣшительно завалился спать.

Отчаянный крикъ въ самое ухо — лѣво на бортъ!.. — лѣво на бортъ!.. встряхнулъ его.

Какъ было, безъ тужурки, выскочилъ на верхъ и безумнымъ голосомъ закричалъ:

— Лѣво на бортъ!..

Вздрогнувшіе рулевые, узнавъ въ страшномъ крикѣ голосъ командира, отвѣтили какъ одинъ:

— Есть лѣво на бортъ!

И стали стремительно перекладывать штурвалъ.

Въ тотъ же мигъ съ носа донесся отчаянный крикъ впередъ смотрящихъ:

— Прямо по носу скала.

Но клиперъ уже повернулъ. Паруса, перейдя линію вѣтра, заполоскали.

Близко, вдоль борта, обрисовался силуэтъ одинокой, словно выросшей изъ океана, причудливой скалы. На поворотѣ клиперъ чуть не зацѣпилъ ее своими реями.

Безумный крикъ командира, неожиданный поворотъ, крики впередъ смотрящихъ встревожили всѣхъ. Штурманъ пулей вылетѣлъ наверхъ и бросился къ картѣ.

Послѣ мгновенія общаго оцѣпенѣнія, вахтенный начальникъ скомандовалъ — всѣ на верхъ! Реи брасопить!

Клиперъ легъ на новый галсъ...

Всѣ были поражены происшедшимъ. Никто не понималъ, какъ могъ командиръ, находясь у себя, первымъ увидѣть скалу и скомандовать поворотъ. Потрясенный командиръ хранилъ молчаніе...

. . . . . .

Когда послѣ долгаго и труднаго плаванія «Вѣстникъ» вернулся во Владивостокъ, экипажъ узналъ поразившую всѣхъ вѣсть.

Въ ту ночь, когда клиперъ шелъ къ опасности и

едва не разбился о никому неизвѣстную, не нанесенную на карту скалу, съ его несчастнымъ, старымъ командиромъ случился страшный припадокъ безумія.

Съ большимъ трудомъ успокоили его.

Уходя, докторъ поручилъ сестрѣ внимательно наблюдать за нимъ.

Убѣдившись, что больной совсѣмъ успокоился, сестра и братъ милосердія ушли...

Прошелъ часъ, другой. Угрюмовъ снова сталъ нервничать, ходить взадъ и впередъ. Словно мѣста не находилъ себѣ.

Госпиталь спалъ мирнымъ сномъ.

Вдругъ отчаянный крикъ и звонъ разбитаго стекла всполошили персоналъ. Всѣ бросились въ палату Угрюмова. Палата была пуста... Разбитое съ размаху о косякъ окно настежь открыто... Подбѣжали къ окну... Вдали мелькалъ больничный халатъ...

Увы! Догнать несчастнаго не удалось. Когда подбѣжали къ берегу, было уже поздно. Онъ погибъ въ тотъ самый день, въ тотъ самый часъ и въ ту самую минуту, когда командиръ «Вѣстника» услышалъ отчаянный крикъ: «лѣво на бортъ!»

Къ ужину мы — чины штаба — собрались въ адмиральскомъ салонѣ, вокругъ сервированнаго стола. Ждали съ мостика адмирала. Сейчасъ, по обычаю юга, будетъ кутья и взваръ.

Пришелъ адмиралъ.

Всѣ заняли свои мѣста. Началась подача. Разговоръ не клеился...

Не прошло и десяти минутъ, какъ съ разгона въ салонъ влетаетъ вахтенный и взволнованно докладываетъ:

— Ваше Превосходительство, справа видны силуэты.

Всѣ вскочили. Бросились къ выходу въ коридоръ. Загремѣлъ колоколъ боевой тревоги.

Изъ каютъ-компаніи выбѣгали офицеры. Въ коридорѣ на мгновеніе образовалась пробка.

Когда, слѣдомъ за адмираломъ, я вскочилъ на верхъ, на продольный мостикъ, онъ весь былъ залитъ свѣтомъ непріятельскихъ прожекторовъ. Было свѣтло, какъ на Невскомъ. Грянулъ выстрѣлъ.

«Меркурій» открылъ огонь.

Еще мало знакомый, въ то время, вой поразилъ ухо. Кругомъ зеленыя вспышки разрывовъ снарядовъ. Запахъ отравы.

Кто и что, въ первую минуту нельзя было понять. Ослѣпительные прожекторы скрывали силуэты.

Эскадра по всей линіи открыла огонь.

— Справа мины! — отчаянный вопль сигнальщика.

— Не мины, а дельфины — энергичный окрикъ офицера.

Огненныя траекторіи нашихъ свѣтящихся снарядовъ, словно рождественскій дождь, сыплются на врага. Никакая фантазія не въ состояніи изобразить фееричную картину ураганнаго полета свѣтящихся чудовищъ. Рождественская феерія летящихъ лампадокъ, перекрестъ вражескихъ прожекторовъ, зеленые разрывы снарядовъ, приковываютъ все вниманіе. Красота картины усиливаетъ задоръ боя. Хочется, чтобы онъ продолжался. Хочется и кончить его, приковавъ противника къ глади уснувшихъ волнъ...

Нѣмцы потушили прожектора...

Враги разошлись.

Силуэты противника исчезаютъ въ ночной мглѣ.

Отбой... Все стихло. Ночное царство вернулось. Слава въ вышнихъ Бо́гу и на землѣ миръ...

Опять кутья, уютъ каютъ-компаніи...

Мы уходимъ на сѣверъ, оставляя поле дѣйствій за нашими миноносцами...

На полюсахъ фронта.

Двѣ русскія подводныя лодки — одна въ Черномъ морѣ, другая — въ Балтійскомъ, выходили въ засаду на вражескіе пути: «Кашалотъ» и «Волчица».

Швартовы отданы... Забурлили винты...

Съ Богомъ! Въ походъ!

«Кашалотъ», согласно приказанію, застопорилъ машины у «Георгія Побѣдоносца». Подошелъ катеръ съ флагъ-офицеромъ штаба. «Флажокъ» доставилъ секретный пакетъ командующаго и... «банабака».

Высокій, сутуловатый старикъ, въ потертомъ, зала-

танномъ пиджакѣ, съ узелкомъ въ рукѣ, неувѣренно поднялся на лодку... Всѣ съ удивленіемъ глазѣли на него.

— Включите «его» на командную порцію. Объ остальномъ узнаете въ пакетѣ — отваливая, крикнулъ «флажокъ». — Счастливаго плаванія!

Командиръ взглянулъ на синій съ печатями пакетъ: **«Вскрыть въ открытомъ морѣ».**

Дали ходъ...

Пугливо озиравшагося «банабака», не отдававшаго, видимо, себѣ яснаго отчета, что это за «шеркетъ», на который онъ попалъ, увели внизъ, дабы онъ не увидѣлъ секретнаго фарватера.

Спотыкаясь и натыкаясь головой и боками на всякія препятствія, съ трудомъ добрался онъ до командного кубрика, куда его и «заховала» команда.

— О! Алла! — О! Алла! — сокрушенно вздыхалъ старикъ. Ломанымъ русскимъ языкомъ все просилъ «окошечка»...

Выйдя изъ канала миннаго поля и взявъ курсъ на Босфоръ, вскрыли пакетъ. Приказъ командующаго флотомъ — ночью, незамѣтно, не обнаруживая себя, высадить банабака на турецкій берегъ, въ ближайшую отъ Зунгулдака бухточку.

Вѣроятно — нашъ шпіонъ.

На разсвѣтѣ подошли къ Босфору. Провѣтрили помѣщенія. Приготовили электродвигатели. Застопорили дизеля и начали погружаться...

«Банабакъ» все приставалъ къ командѣ, когда же онъ будетъ высаженъ. Его разбиралъ нетерпежъ. Въ этой странной, непонятной ему «посудинѣ» онъ чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ. Когда же онъ услышалъ, что вибрація и шумъ отъ двигателей дизеля прекратились и наступила тишина погруженія, онъ рѣшилъ, что моментъ высадки насталъ, собралъ узелокъ и полѣзъ къ выходу.

— Банабакъ! — Куды? — загалдѣла команда.

Ужасъ его не имѣлъ границъ, когда ему разъяснили, что «шеркетъ» погружается въ воду...

Въ ожиданіи ночи, въ подводномъ состояніи «Кашалотъ» пошелъ вдоль Анатолійскихъ береговъ...

* * *

...«Волчица» подкралась къ пароходнымъ путямъ... Высунулся перископъ... Обвели горизонтъ... Ничего... Снова высунули... Въ яркихъ лучахъ солнца сверкнуло бѣлое пятно...

Пароходъ!

Сразу водворилась мертвая тишина. Общее напряженіе...

Вырисовывается небольшой «пассажиръ». На кормѣ развивается шведскій флагъ.

Мимо!.. Онъ неинтересенъ... Досадно только за первый нервный подъемъ.

«Волчица» продолжаетъ шарить горизонтъ...

Дымъ!

Все ближе, ближе... Выплываетъ черный силуэтъ... Офицеры по очереди смотрятъ въ перископъ, силясь разобрать: нѣмецъ или нейтральный... Если нейтральный, должны быть особыя марки.

— Нѣмецъ!!

— Боевая тревога!

— Всплывай!

Въ открытый люкъ просовывается шестъ и на немъ международный сигналъ: «Немедленно остановиться».

Бумъ! Бумъ! подкрѣпляетъ «Волчица» свой сигналъ.

Огромный «купецъ» стопоритъ машину, подымаетъ германскій флагъ.

Ему въ отвѣтъ новый сигналъ: «Возможно скорѣй покинуть пароходъ».

Встревоженно заметались люди, среди нихъ двѣ женщины. Молніеносно спустили шлюпки. Не прошло и двухъ минутъ, шлюпки отвалили со всѣми 23-мя людьми экипажа. Капитану приказали вернуться на пароходъ и немедленно доставить всѣ карты и судовые документы.

Толстый, взволнованный нѣмецъ безпрекословно повиновался.

Когда онъ вновь отвалилъ отъ парохода, пустили мину.

...Рѣзкая бѣлая полоса стрѣлой понеслась... Нѣмцы замѣтили ее и привстали на шлюпкахъ. Капитанъ отвернулся, закрывъ рукой глаза.

Раздался взрывъ... Столбъ воды, дыма, огня...

Брызги осколковъ корпуса, мачтъ, трубы, щепъ... Пароходъ всталъ на дыбы и исчезъ въ пучинѣ...

Взявъ въ плѣнъ капитана, остальныхъ оставили въ шлюпкахъ.

— Можете быть «свободны».

Нѣмцы учтиво приподняли фуражки.

Вдругъ отчаянный крикъ сигнальщика.

— ВВБ! — Перископъ!

— Погружаться! — скомандовалъ командиръ.

Лодка быстро пошла на погруженіе.

Прошло два часа... Слѣды заметены.

— Всплывай!

Оголился перископъ. Бѣлый свѣтъ рѣзанулъ глаза.

Но что это за черная масса?!..

— Пароходъ!! — Рядомъ съ нами!..

Еще не успѣли откачаться. По колѣно въ холодной водѣ комендоры бросились по орудіямъ... Загремѣли выстрѣлы...

Поднялся тотъ же сигналъ: «Немедленно покинуть пароходъ».

Онъ остановился, но не спускаетъ шлюпокъ... Во всю силу легкихъ ему кричатъ по-нѣмецки, повторяя сигналъ.

Пароходъ что-то отвѣчаетъ. Машутъ руками и... даютъ ходъ.

Ахъ! такъ...

— У аппарата товсь!

— Аппаратъ пли!

Взрывъ у самой середины парохода. Онъ погружается. Начинается агонія. Мечутся люди. Спускаютъ уцѣлѣвшую шлюпку.

На горизонтѣ новый дымъ.

«Волчица» быстро погружается...

У перископа остается вахтенный начальникъ. Офицеры и командиръ въ каютъ-компаніи поздравляютъ другъ друга, горячо обсуждая удачу.

— Ура! — третій пароходъ — радостно доносится съ вахты.

— Всплывай! По орудіямъ! Поднять сигналъ! — разомъ выпаливаетъ командиръ.

Опять сверкаютъ выстрѣлы. Объясненія. Требованіе немедленно покинуть пароходъ.

Третій пароходъ, какъ и предшественники его, взлетаетъ на воздухъ. Въ моментъ взрыва на немъ вдругъ завыла сирена. Она жалобно завывала, пока пароходъ не исчезъ подъ водой.

Лебединая пѣсня...

Плѣнный капитанъ былъ доволенъ. Его одиночество раздѣлилъ новый капитанъ. Весь походъ они вполголоса бесѣдовали, сидя на матросской койкѣ...

Начало темнѣть.

— Ну, господа! — На сегодня довольно. Можно и отдохнуть.

Рѣшили «прилечь» на дно, спокойно поспать нѣсколько часовъ.

Отыскали подходящую глубину. Остановились. Задраили люкъ и всѣ отверстія. Начали наполнять систерны...

Въ лодкѣ наступила тишина. Всѣ прислушиваются, не сочится ли гдѣ вода. Раздается только голосъ человѣка у точнаго, показывающаго до ¼ фута, глубомѣра.

Но вотъ предѣльная нагрузка... Лишніе 5 футъ сдвигаютъ лодку. Трогается глубомѣръ... Сперва медленно, потомъ все быстрѣй идетъ на дно. Этотъ моментъ нужно уловить и тотчасъ же пріостановить дальнѣйшій пріемъ водяного балласта.

— 30, 40, 50... 70 футъ — выкрикиваетъ голосъ.

— 72 фута. Остановился!

Мягкое прикосновеніе ко дну и... полная тишина, покой и безопасность. Ничего не слышно... Изрѣдка корпусъ лодки, какъ хорошая мембрана, передаетъ отдаленный шумъ винта гдѣ-то проходящаго корабля...

За консервами и горячимъ чаемъ, у электрическаго самовара, долго ведется бесѣда еще возбужденныхъ дневной удачей людей.

— Ну, господа! Пора и честь знать, — встаетъ командиръ, — осталось четыре часа для отдыха.

И сладкій храпъ «Волчицы» раздается на днѣ морскомъ. Временами, подъ дѣйствіемъ подводнаго теченія, ея корпусъ скрежещетъ о песокъ...

* * *

Пока мирно спитъ «Волчица», тамъ, на югѣ, среди мрака ночи всплываетъ «Кашалотъ».

Открыли люкъ... Другъ за дружкой ловко выскакиваютъ тѣни подышать полнымъ ртомъ. Вылѣзаетъ за ними и «банабакъ». Бѣднягѣ совсѣмъ не по себѣ. Ошеломленный тьмой, онъ не рѣшается ступить на палубу. Задники силкомъ выталкиваютъ его. Старикъ скользитъ и грузно шлепается, едва не угодивъ за бортъ.

— О! Алла, Алла! — стонетъ онъ.

Погода попрежнему тихая, ночь темная.

Около 2-хъ пополуночи осторожно подошли къ условленной бухточкѣ.

Вдали чернѣютъ причудливыя очертанія. Не то берегъ, не то туча.

Спустили парусиновый складной «тузикъ». Сѣли въ него лейтенантъ Рымшевичъ, гребецъ — оба съ револьверами. Съ трудомъ усадили «банабака» съ его узелкомъ.

Тузикъ отвалилъ и тотчасъ же поглотился мракомъ. Ни зги кругомъ. Стучатъ уключины... Играютъ фосфоромъ всплески веселъ...

Прошелъ, вѣроятно, часъ, а берега все нѣтъ, да нѣтъ. Попрежнему чернѣютъ его скалистыя очертанія. Ночью разстояніе обманчиво.

Гребецъ усталъ. Лейтенантъ смѣняетъ его...

Ясно почувствовался запахъ дыма. Должно быть селенье.

— Банабаки тамъ? — спросили старика.

— Не, — замоталъ онъ головой.

Тузикъ скользитъ дальше.

Запахъ дыма сильнѣй. Кругомъ полный покой.

Вдругъ человѣческій крикъ пронизалъ тишину... Всѣ вздрогнули, засушили весла.

Прошла минута, двѣ. Нерушимая тишина...

Налегли на весла.

Не успѣли сдѣлать нѣсколько гребковъ, какъ снова странный крикъ... Всѣ превратились въ слухъ, напрягая зрѣніе въ сторону крика.

Подождали минуту. Опять ничего.

Осторожно, прислушиваясь, погребли дальше.

— ВВБ! — Словно труба. — Никакъ паровое судно.

Лейтенантъ затабанилъ и повернулъ тузикъ... Обрисовался темный силуэтъ. Явственно послышался

гортанный окликъ. Всмотрѣлись — дѣйствительно — не то канонерка, не то пароходъ.

Вдвоемъ, во всю налегли на весла.

Къ счастью, невѣдомый врагъ не открылъ прожектора, видимо, принявъ тузикъ за своего.

Вернулись на лодку.

Не желая обнаруживать своего присутствія, командиръ рѣшилъ не трогать, пока, парохода и въ слѣдующую ночь повторить высадку. Охающаго банабака водрузили опять въ прежній уголокъ...

Приближался разсвѣтъ. Нужно было уходить отъ берега.

* * *

Крѣпко выспавшись въ своемъ логовищѣ «Волчица» въ 4 часа утра вынырнула изъ воды...

Ободренная вчерашнимъ успѣхомъ, въ веселомъ задорѣ пошла за добычей.

Увы! Много пароходовъ прошло, на многіе скалила зубы, но... все были «нейтральщики»... Не разъ и не два раздавалась команда «боевая тревога», «аппараты товсь». Но каждый разъ постигало разочарованіе. Дѣловито и спокойно проходилъ мимо какой-нибудь шведъ или датчанинъ.

Нѣмцевъ — словно вымерло. Очевидно, ихъ рейсы были пріостановлены.

Пробродивъ такъ цѣлый день, растерявъ зря весь свой задоръ, «Волчица» съ темнотой приступила къ зарядкѣ аккумуляторовъ...

* * *

На «Кашалотѣ», между тѣмъ, произошли событія, стоившія жизни одному и крови тремъ другимъ.

Отойдя съ разсвѣтомъ отъ берега, онъ пошелъ на востокъ.

Вдругъ на совершенно ясномъ горизонтѣ показалась странная туча. Навели бинокли.

Паруса!!

Прибавили ходъ...

Сколь внезапно они появились, столь же внезапно и исчезли. Словно миражъ...

Но... цейсовскій бинокль не легко обмануть... Какія-то точки остались на горизонтѣ.

Караванъ! Онъ только спустилъ паруса, чтобы затруднить видимость. Сейчасъ, вѣроятно, во-всю гребетъ къ берегу...

Бросились на-перерѣзъ...

Подошли къ каравану. Послали людей осмотрѣть грузъ. Оказались яйца и изюмъ, для берлинскихъ хозяекъ. Все тщательно упаковано для дальняго экспорта. На каждой лайбѣ было по 2.000 яицъ.

Перегрузивъ къ себѣ часть поклажи и предоставивъ туркамъ сѣсть въ шлюпки, лайбы частью сожгли намоченной въ керосинѣ паклей, частью утопили тараномъ. Черезъ «банабака» узнали, что позади плыветъ еще одинъ караванъ.

Пошли навстрѣчу...

Дѣйствительно, вскорѣ показался и онъ. Караванъ состоялъ изъ совершенно свѣженькихъ, новенькихъ шхунъ. Одна къ одной. Выяснили, что шхуны только что спущены съ верфей, что этихъ верфей многое множество раскинуто вдоль береговъ, но что всѣ онѣ прекрасно замаскированы деревьями, кустами и скалами.

Уничтоживъ караванъ, пошли искать верфи. Очень скоро наткнулись на подозрительный лѣсокъ. Оказалось — замаскированная верфь. До встрѣчи съ караваномъ проскочили бы ее, не замѣтивъ.

Спустили тузикъ, посадили людей, погрузили ведра съ керосиномъ и паклей (жаль безъ нужды бросать снаряды) и отправили сжигать верфь и обнаруженныя на стапеляхъ, уже готовыя къ спуску, шхуны...

Заклубился дымъ, вспыхнуло зарево, запылали верфи...

Дальше — снова та же картина. Опять спустили тузъ. Посадили въ него очередного офицера — мичмана Ярышкина, дали двухъ матросовъ, керосина, пакли и отправили въ ту же экспедицію.

Но не успѣлъ тузикъ пройти и полпути, какъ... тра-та-та-та, — послышалась пулеметная трескотня.

Командиръ въ рупоръ закричалъ тузику возвращаться. Тузикъ повернулъ. Пулеметы градомъ поливали его и лодку. Словно горохъ, дзынкали пули о стальную палубу.

Вдругъ съ лодки замѣтили, что въ тузикѣ гребетъ

только одинъ человѣкъ. Другой матросъ какъ-то странно притулился. Мичмана же нѣтъ.

Когда тузикъ подошелъ, глазамъ представилось ужасное зрѣлище. Весь залитый кровью, съ восковымъ лицомъ, лежалъ несчастный мичманокъ... Изъ середины лба, подъ напоромъ кровеносныхъ сосудовъ, столбомъ била кровь, заливая тузикъ, тяжело раненаго матроса и гребца. Кровавая шапка запекшихся волосъ обрамляла закинутую назадъ голову. Осторожно вынули обоихъ и положили на палубу.

Въ тотъ же моментъ ранило еще двухъ — лейтенанта Оффенберга и комендора.

«Кашалотъ» открылъ огонь...

Фельдшеръ бросился къ раненымъ, но увы! уже ничѣмъ не могъ помочь мичману. Онъ угасалъ.

— Я умираю, дай мнѣ руку, — прошептали его посинѣвшія губы, словно прося поддержки для перехода въ иной міръ.

Слабо сжимая руку склонившагося надъ нимъ товарища, онъ испустилъ послѣдній вздохъ.

Сверкали выстрѣлы... Огромнымъ заревовъ пылалъ берегъ...

* * *

На сѣверо-западѣ угасала заря. Ночь быстро темнѣла надъ «Волчицей». Задулъ свѣжій вѣтеръ, вмигъ разведшій волну...

Море сердилось... Волны дробились о палубу лодки, временами совершенно покрывая ее. Надъ водой торчала лишь рубка съ продрогшими командиромъ и сигнальщикомъ на ней.

Бинокли ежеминутно намокали. Ихъ то и дѣло опускали внизъ на протирку спеціально для этого стоявшему у рубки матросу.

Далеко, еле видно, монотонно мигалъ маякъ...

Показались какіе-то огни впереди и сбоку. — Кто они? — Не на насъ ли идутъ?

Въ этотъ моментъ громадный валъ обрушился на лодку и, едва не сбивъ съ ногъ командира и сигнальщика, хлынулъ въ люкъ. Послышалась ругань. Матросы бросились накрывать брезентами нѣжные приборы и механизмы.

— ВВБ! — Красный огонь!

Огонь несся прямо на лодку.

— Миноносецъ!!

— Ныряй 60 футъ!

Вдругъ въ лодкѣ ослѣпительно сверкнула искра. Падаетъ раненый матросъ.

— Фельдшера — загалдѣли голоса.

Произошла поломка въ электро-моторѣ. Моторъ сталъ.

— Ныряй! ныряй! — кричитъ командиръ.

— Другой моторъ! Полный впередъ!!

Секунда промедленія — гибель для лодки...

Тронулась стрѣлка глубомѣра. Всѣ замерли въ ожиданіи...

— Мина!!

Вдоль самаго борта, въ 3-хъ футахъ разстоянія, ясно послышалась звонкая работа винтовъ. Пронеслась мина...

Глубомѣръ показалъ 60 футъ.

Общій вздохъ облегченія...

Влившаяся волна разгуливаетъ по лодкѣ... Создается грозная опасность. Попавъ въ аккумуляторы, гдѣ есть сѣрная кислота, она образуетъ ядовитый хлоръ и задушитъ всѣхъ.

Закипѣла работа... Выкачиваютъ воду, исправляютъ моторъ, осматриваютъ механизмы... За раненымъ ухаживаетъ фельдшеръ. Онъ получилъ сильный ударъ въ желудокъ и стонетъ на своей койкѣ.

Нѣмецкіе капитаны въ паникѣ. Они прекрасно поняли происшедшее, поняли, что означалъ этотъ гудящій звукъ винтовъ...

Послѣ пережитыхъ волненій всѣ, какъ убитые, заснули снова на днѣ морскомъ...

* * *

Слѣдующій день былъ такъ же безплоденъ, какъ и предыдущій — нѣмцы не возобновляли рейсовъ.

Несмотря на то, что уже стукнуло 9 вечера — все еще свѣтло. Легкій вѣтерокъ чуть рябитъ море. Съ крикомъ носятся чайки, выслѣживая, не останется ли имъ харча.

Бинокли тщательно обводятъ горизонтъ... Ни-

чего, кромѣ чаекъ, не видно. Но вотъ, что странно — всѣ чайки летаютъ, какъ чайки, снуютъ туда-сюда, но одна почему-то совсѣмъ неподвижна, не мечется, какъ ея товарки, даже крыльями не машетъ.

Бинокли вахты впиваются въ нее.

Сомнѣній нѣтъ — аэропланъ!

— Всѣ внизъ, погружаться!!

Вразъ всѣ проваливаются въ люкъ, крышка захлопывается. Раздается команда:

— Ныряй 80 футъ!

Лодка клюетъ носомъ, опускается внизъ.

Глубомѣръ показываетъ 20... 30... 42 фута.

Въ этотъ самый моментъ словно кто-то стальнымъ хлыстомъ хватилъ по металлическому листу. Послышались невѣдомые звенящіе звуки.

— Семь! — сосчиталъ кто-то.

Но «Волчица» уже на 80-ти футахъ. На этой глубинѣ она — невидимка.

Съ момента, когда замѣтили «чайку», и до момента ея атаки на глубинѣ 42-хъ футъ, прошло... 3 мин. 52 сек. Вотъ масштабъ минувшей войны...

* *
*

Ночью надо проскочить опасное, узкое мѣсто... Глубомѣръ показываетъ 50 футъ.

Въ лодкѣ тихо, свѣтло и монотонно, какъ всегда подъ водой, на глубинѣ.

Офицеры, по виду, спокойно сидятъ въ каютъ-компаніи и лишь изрѣдка перекидываются фразами. У каждаго мысль работаетъ въ одномъ и томъ же направленіи. Хочется все обдумать, принять во вниманіе и учесть всевозможныя случайности. На столѣ разложена карта...

Наступаетъ часъ всплытія — 11 часовъ ночи. Только подъ ковромъ ея, полнымъ ходомъ, можно проскочить это опасное мѣсто.

«Волчица» всплыла.

Но что такое?! Нѣтъ никакой возможности открыть крышку средняго люка. Кто-то, послѣ погруженія, когда лодка была уже на глубинѣ, подъ большимъ давленіемъ столба воды, вѣроятно, для вящей прочности, еще болѣе поджалъ рычагъ, которымъ задраива-

лась крышка. Приходилось вновь нырять обратно, на ту же глубину, чтобы тамъ, подъ давленіемъ воды, немного пріотдать его.

Такъ и сдѣлали...

Подымаясь же обратно, на поверхность будучи еще подъ водой, почувствовались подъ килемъ какіе-то глухіе удары...

— Полный назадъ.

Лодка тронулась назадъ... Послышались тѣ же таинственные удары... Они шли отъ середины лодки, удаляясь къ носу.

Впечатлѣніе получалось отвратительное. Что бы это могло быть?

Наконецъ, избавились отъ загадочной преграды и выбрались наверхъ.

Полная луна обливала волны желтымъ свѣтомъ. Дулъ свѣжій вѣтеръ. Пахло наростающей непогодой. На горизонтѣ мигалъ маякъ.

Легли на новый курсъ. Стали обсуждать событіе подъ водой. Что это было? Затопленный пароходъ? Полузатопленная, плавающая подъ водой, лайба?

— **Сѣти!** вотъ что это было, — разсѣялъ всѣ сомнѣнія штурманъ, только что опредѣлившійся по маяку и имѣвшій точное мѣсто.

— **Германскія противолодочныя сѣти.**

Всѣ похолодѣли отъ такого открытія.

Какихъ-нибудь 10—15 секундъ отдѣляли «Волчицу» отъ смертельной опасности... Чуть-чуть дальше, и она попала бы подъ горизонтально плавающее на глубинѣ бревно, съ навѣшанной сѣтью.

Сѣть, въ которую попадаетъ подводная лодка, облипаетъ ее. Отъ движенія лодки сѣть натягивается и рветъ навѣшанныя мины. Образуются пробоины и... не всплывая на поверхность, не возбуждая ничьего вниманія, лодка со всѣмъ своимъ экипажемъ **навсегда** ложится на дно. Никто никогда не узнаетъ, отчего и гдѣ погибла она. Позже рядышкомъ ляжетъ другая... тоже навсегда...

* *
*

Подъ разными впечатлѣніями, въ разномъ душевномъ настроеніи возвращались лодки сѣвера и юга къ своимъ берегамъ...

Съ «Волчицей» произошло еще одно приключеніе, едва снова не стоившее ей жизни.

Направляясь домой, «Волчица» вышла изъ шхеръ въ открытое море... Далеко, во мглѣ, виднѣлись высокія, зубчатыя очертанія шведскаго берега. Подъ нимъ то и прячутся нѣмецкіе пароходы, въ случаѣ опасности быстро укрываясь подъ защиту нейтральнаго берега, воды котораго на разстояніи 3-хъ миль считаются неприкосновенными.

Море пусто. Ночи свѣтлыя. Приходится большую часть времени проводить подъ водой. Становится трудно дышать послѣ 17-часового походнаго хода. Небольшое усиліе вызываетъ учащенное дыханіе.

Находитъ туманъ. Онъ то расходится, то сгущается до непроницаемости.

«Волчица» медленно продвигается впередъ...

Но вотъ туманъ разошелся. Въ перископѣ обнаружился идущій на пересѣчку пароходъ.

Пошли на сближеніе. Всѣ на своихъ мѣстахъ... Лодка въ нѣмомъ ожиданіи... Слабо шумятъ вращающіеся электромоторы да горизонтальные рули...

— Полный ходъ! — Ныряй 60 футъ! — раздается вдругъ тревожная, повелительная команда.

«Волчица» скользнула въ глубину.

20, 25 футъ показываетъ глубомѣръ... 29.

Вдругъ сильный толчекъ. Тряхнуло лодку. Отъ удара сверху она мгновенно очутилась на 44 футахъ глубины. Что-то треснуло. Хлынула вода...

Оказалось, что шедшій мимо пропускавшей его лодки пароходъ съ нейтральными марками, поравнявшись съ лодкой, вдругъ рѣзко положилъ руля прямо на нее.

Еле успѣли нырнуть.

Пароходъ сломалъ перископъ и умчался дальше.

Дыру перископа забили деревомъ, воду выкачали, но... ослѣпшая лодка уже не могла погружаться. Въ опасномъ положеніи двинулись во свояси. До дому оставалась еще не одна сотня миль.

Къ счастью, столь ненавистный мореплавателямъ

туманъ сгустился и въ складкахъ своего спасительнаго савана охранялъ «Волчицу» до самыхъ родныхъ береговъ...

Адмиралъ Колчакъ.

21-го января 1920 г. Верховный Правитель адмиралъ Колчакъ предсталъ передъ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіей.

Предсѣдатель: Вы присутствуете передъ слѣдственной комиссіей въ составѣ ея предсѣдателя Попова, замѣстителя — Денике, членовъ: Лукіянчикова и Алексѣевскаго для допроса по поводу вашего задержанія. Вы — адмиралъ Колчакъ?

Послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ . . . .

. . . . . .

Семнадцать дней длился допросъ. 6-го февраля онъ оборвался. 7-го, въ мутныхъ сумеркахъ зимняго утра, въ мрачномъ дворѣ Иркутской тюрьмы, адмирала ждала группа вооруженныхъ красноармейцевъ...

Отворилась дверь... Смѣлыми, рѣшительными шагами вышелъ Колчакъ. Спокойный и мужественный остановился передъ лицомъ смерти...

Но тутъ произошло нѣчто совершенно невѣроятное. **Красноармейцы отказались стрѣлять.**

Смятеніе охватило дворъ. Забѣгали люди...

Колчакъ спокойно курилъ папиросу...

Во дворъ выбѣжалъ чекистъ Ишаевъ. На мгновеніе остановился. Оглянулся. И быстрыми шагами направился къ адмиралу...

Наступила ужасная минута. Дворъ замеръ... Адмиралъ въ упоръ смотрѣлъ въ глаза палача...

Ишаевъ выхватилъ револьверъ. Сверкнулъ выстрѣлъ...

Съ лицомъ, залитымъ кровью, упалъ Колчакъ...

1. Двадцать лѣтъ тому назадъ.

Въ одинъ изъ ноябрьскихъ вечеровъ 1907 года, въ квартирѣ Ю. Н. Милютина собрались на частное совѣщаніе члены Думской комиссіи государственной обороны...

Обсужденію подлежалъ одинъ изъ «больныхъ» вопросовъ, волновавшихъ общество и печать, — объ отпускѣ морскому вѣдомству 120 милліоновъ на постройку четырехъ дредноутовъ для Балтійскаго флота. Большія страсти кипѣли вокругъ него.

Вотъ какъ бывшій членъ Думы Н. В. Савичъ вспоминаетъ это совѣщаніе:

...«Положеніе депутатовъ было трудное. Денегъ было мало. Бюджетъ сведенъ съ дефицитомъ въ 200 милліоновъ. Поэтому испрашиваемая морскимъ вѣдомствомъ сумма казалась колоссальной...

Страшный ударъ, нанесенный Цусимой, уязвилъ національное чувство общества. Всю вину за происшедшее оно возлагало на «шпицъ», на порядки и обычаи, угнѣздившіеся въ центральныхъ учрежденіяхъ морского министерства. Однако, все оставалось тамъ по прежнему. Отвѣтственнѣйшія мѣста продолжали занимать дряхлые старики или люди, имена которыхъ были тѣсно связаны съ недоброй памяти прошлымъ. Единственнымъ новымъ вѣяніемъ былъ только что образованный адмираломъ Брусиловымъ новый органъ — морской генеральный штабъ. Тутъ собралось все лучшее изъ морской молодежи. Тутъ кипѣла жизнь, работала мысль...

Вотъ съ этими-то элементами морского вѣдомства намъ и пришлось впервые столкнуться у Милютина. Дѣйствительно, — первое впечатлѣніе отъ встрѣчи было подкупающимъ.

Среди этой образованной, убѣжденной, знающей свое ремесло молодежи особенно ярко выдѣлялся молодой, не высокаго роста офицеръ. Его сухое, съ рѣзкими чертами лицо дышало энергіей; его мужественный голосъ, манера говорить, словомъ, вся внѣшность выявляла отличительныя черты его духовнаго склада — волю, умѣніе распоряжаться, вести за собой другихъ... Его товарищи по штабу окружали его исключительнымъ уваженіемъ, я бы сказалъ — преклоненіемъ. Его начальство относилось къ нему съ особымъ довѣріемъ. Во всѣ тяжелыя минуты для вѣдомства, а такихъ было не мало — оно всегда выдвигало его на первый планъ. Этотъ офицеръ былъ — **Александръ Васильевичъ Колчакъ.**

Трудно было найти болѣе блестящаго защитника столь неблагодарной задачи — отстоять, при данныхъ условіяхъ, требованіе объ ассигнованіи суммъ на постройку этихъ кораблей. Вся его блестящая эрудиція, знаніе вопроса, ораторскій талантъ, страстная убѣжденность — все разбивалось о факты печальной дѣйствительности. Армія была буквально раздѣта и лишена оружія; потрясающій дефицитъ въ бюджетѣ; пустая государственная казна... Все это заставляло насъ съ величайшей осторожностью относиться къ распредѣленію тѣхъ крохъ, кои мы надѣялись наскрести. Армія требовала 300 милліоновъ, чтобы сдѣлать ее болѣе или менѣе боеспособной...

Принимая во вниманіе, что реорганизація морского вѣдомства ни во что реальное еще не вылилась и что прежніе пороки царили въ немъ, а единственная свѣжая струя — морской Генеральный Штабъ не успѣлъ еще получить рѣшающей, даже просто значительной роли — выборъ нашъ былъ простъ и рѣшителенъ. Все, что мы могли дать на оборону — мы въ первую очередь рѣшили дать арміи. И вся энергія морского генеральнаго штаба, и въ частности Колчака, всѣ его дарованія и личное обаяніе не могли измѣнить принятаго рѣшенія.

Весной 1908 г. Колчакъ проигралъ бой въ Государственной Думѣ. Но онъ сдѣлалъ свое дѣло. Онъ внесъ живую струю въ вѣдомство. Его мысли стали общимъ мѣстомъ. Его знанія внесли ясность и опредѣленность въ дѣло реорганизаціи флота.

Я долженъ признаться — говоритъ далѣе Савичъ,— на мое, напримѣръ, отношеніе къ дѣлу развитія нашей морской мощи (я былъ въ ту пору докладчикомъ по морской смѣтѣ), Колчакъ имѣлъ громадное вліяніе. На первыхъ порахъ мнѣ пришлось вести съ нимъ борьбу, но всѣ его аргументы, всѣ идеи глубоко западали въ душу. И если таково было вліяніе его на его тогдашняго противника лишь изрѣдка съ нимъ встрѣчавшагося, каково же оно было на его соратниковъ, подчиненныхъ и, наконецъ, даже на высшихъ чиновъ. Можно считать несомнѣннымъ, что въ дѣло возрожденія флота Колчакъ внесъ крупный и плодотворный вкладъ»...

Интересно, какъ самъ А. В. Колчакъ вспоминалъ эту эпоху своей дѣятельности.

...«Послѣ несчастной Японской войны и потери нами морского могущества, группа морскихъ офицеровъ, и я въ томъ числѣ, рѣшила самостоятельно заняться работой, чтобы подвинуть дѣло возрожденія флота. Образовался военно-морской кружокъ...

Была составлена обширная записка объ образованіи Морского Генеральнаго Штаба, т. е. органа, вѣдающаго подготовкой флота къ войнѣ.

Нашъ планъ былъ одобренъ и въ апрѣлѣ 1906 года сорганизовался Штабъ. Началась эра дѣятельной борьбы за возрожденіе.

Въ основаніе ея легла судостроительная программа, которой до сей поры вовсе не существовало. Постройка судовъ шла безъ всякаго плана и доходила до абсурдовъ — строили не тотъ корабль, который былъ нуженъ, а тотъ, который соотвѣтствовалъ размѣрамъ даннаго кредита. Получались какіе-то фантастическіе, никчемные корабли...

Но для обоснованія программы необходимо было прежде всего изучить военно-политическую обстановку. Этой важной работой и занялся штабъ.

Изученіе было длительнымъ и тщательнымъ, и уже въ 1907 году мы пришли къ совершенно ясному и опредѣленному выводу — о неизбѣжности большой Европейской войны. **Мы даже категорически установили и начало ея — въ 1915 году.**

Въ связи съ этимъ нужно было рѣшить, какъ реагировать на это. Было очевиднымъ, что противникомъ нашимъ будетъ союзъ срединныхъ имперій и что союза съ Германіей заключать нельзя. Въ изученіи этого вопроса мы шли рука въ руку съ сухопутнымъ Генеральнымъ Штабомъ и пришли къ одинаковымъ выводамъ. Однако, была довольно значительная группа, несогласная съ этой точкой зрѣнія и требовавшая союза съ Германіей, но реальная политическая обстановка диктовала другое.

Такимъ образомъ, эта война была вполнѣ предвидѣна и предусмотрѣна, и въ отношеніи начала ея мы ошиблись всего на ½ года. Нѣмцы сами признаютъ, что начали ее раньше, чѣмъ предполагали.

Въ связи съ этой ситуаціей и была разработана

судостроительная программа, съ расчетомъ закончить ее въ 1914 г., т. е. къ началу войны.

Программа въ срочномъ порядкѣ была представлена Думѣ. Но тутъ выросли неожиданныя препятствія, и съ той стороны, откуда мы ихъ никакъ не ждали.

Нужно замѣтить — въ то время у насъ и у сухопутнаго штаба была тенденція, для большей активности работы, создать, подобно германской военной организаціи, независимость генеральныхъ штабовъ отъ подлежащихъ министерствъ, съ подчиненіемъ ихъ начальниковъ непосредственно Верховной власти. Это привело къ печальнымъ результатамъ: генералъ Палицынъ былъ смѣщенъ и та же участь грозила Брусилову. Но онъ заболѣлъ и умеръ...

Новый морской министръ, адм. Воеводскій, повелъ совершенно непонятную и недальновидную борьбу съ Государственной Думой **и именно на почвѣ этой судостроительной программы.** Онъ по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ всячески старался затормозить ее и это въ то время, когда дѣло уже почти наладилось. Между тѣмъ, время не ждало, и программу нужно было спѣшно проводить въ жизнь.

На всѣхъ тѣхъ, для которыхъ это дѣло являлось цѣлью и смысломъ существованія, и въ томъ числѣ на меня, подобная политика министра произвела ужасающее впечатлѣніе. Какія усилія ни прилагалъ я, чтобы сдвинуть ее съ мертвой точки, — рѣшительно ничего не выходило. Тогда я сказалъ себѣ — разъ изъ-за подобной склоки гибнетъ все дѣло, мнѣ нечего дѣлать въ штабѣ. Я рѣшилъ уйти. Я принялъ предложеніе Главнаго Гидрографическаго Управленія организовать экспедицію по изслѣдованію Сѣверо-Восточнаго Морского пути вдоль береговъ Сибири и покинулъ Штабъ».

Въ 1910 году начальникъ Морского Генеральнаго Штаба св. кн. Ливенъ вызвалъ изъ Владивостока Колчака и предложилъ ему вновь занять прежнее мѣсто въ Штабѣ.

Но въ 1912 году адмиралъ Эссенъ потребовалъ его въ дѣйствующій флотъ, куда Колчакъ съ большой охотой и ушелъ, и гдѣ вскорѣ получилъ отвѣтственный постъ флагъ-капитана оперативной части.

Предвидѣнная имъ война надвигалась.

2. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

Лѣтомъ 1914 г. Колчакъ отправился инспектировать Балтійскій портъ, когда, вдругъ, 16 іюля, получилъ срочную депешу Эссена — немедленно прибыть въ Ревель.

— Александръ Васильевичъ! — Разрывъ съ Германіей неизбѣженъ. Надо осуществлять нашъ планъ...

Онъ заключался въ постановкѣ сильнаго миннаго поля въ наиболѣе узкой части Финскаго залива, между Паркалаутомъ и Наргеномъ. Это поле должно было защищаться наличными силами флота. Увы! силы эти были слишкомъ слабыми по сравненію съ германскимъ флотомъ, а судостроительная программа изъ-за недальновидности Воеводскаго далеко еще не была осуществлена, хотя новый министръ, адмиралъ И. К. Григоровичъ, смѣнившій Воеводскаго, и энергично принялся за нее. Поэтому вся тяжесть обороны падала, главнымъ образомъ, на миноносцы и подводныя лодки, долженствовавшія, пользуясь Балтійскимъ плацдармомъ, атаковывать непріятеля и мѣшать его операціямъ.

Атмосфера все болѣе сгущалась... На флотѣ наросталъ огромный подъемъ... На «Рюрикѣ» — флагманскомъ кораблѣ Эссена — кипѣла работа... Колчакъ не ѣлъ и не спалъ. По его собственнымъ словамъ, это были лучшіе дни его службы...

Адмиралъ Эссенъ волновался... Онъ боялся опоздать... Ему все казалось, что непріятель готовитъ прорывъ... Слабость наличныхъ силъ и отсутствіе миннаго поля создавали угрожающую обстановку. **Петербургъ не давалъ согласія на его постановку.** Колчакъ вполнѣ раздѣлялъ опасенія своего адмирала и, наконецъ, рѣшительно заявилъ: «надо ставить заграждeніе, даже и безъ санкціи свыше. Разрывъ ясенъ. Мы должны взять эту отвѣтственность на себя»...

Адмиралъ Эссенъ согласился съ нимъ и далъ флоту приказъ — приготовиться къ походу. У Паркалаута спѣшно сосредоточился отрядъ заградителей съ 6.000 минъ на борту. У Наргена — флотъ. По плану онъ долженъ былъ выйти отъ Наргена, развернуться и прикрыть операцію. Заградители же — поставить восемь

линій загражденія. Послѣ этого флотъ возвращается въ Ревель. Заградители — въ шхеры.

Въ назначеный часъ, на «Рюрикѣ» взвился сигналъ: — «Начать постановку». Флотъ развернулся... Показались дымы заградителей... Хлюпнула первая мина...

Командующему подали депешу. Въ ней стояло всего одно слово: **«огонь».** Это — условный знакъ войны.

* *
*

Дѣятельность Балтійскаго флота, по мѣрѣ роста его силъ, становилась все болѣе активной. Его операціи уже не ограничивались защитой Рижскаго залива, а значительно расширили радіусъ своихъ дѣйствій, захвативъ и тѣ районы, которые, какъ напримѣръ, Ботническій заливъ, по первоначальному плану отдавались нѣмцамъ. Тутъ оказалось, что мы имѣемъ возможность еще болѣе продвинуться на западъ. **Съ наступленіемъ зимы Эссенъ перешелъ къ операціямъ въ самихъ германскихъ водахъ.**

Вотъ объ одной изъ такихъ операцій, произведенной по иниціативѣ и плану Колчака и подъ личнымъ его руководствомъ, я и хочу разсказать.

3. Загражденіе Данцига.

Стояла суровая зима 1915 г.

Дивизіонъ эскадренныхъ миноносцевъ **особаго** назначенія: «Генералъ Кондратенко» (к-ръ, кап. II ранга Шевелевъ), «Сибирскій Стрѣлокъ» (кап. II ранга Вилькинъ I-ый), «Охотникъ» (кап. II ранга Гельмерсенъ) и «Пограничникъ» (кап. II-го ранга Рудневъ) находились въ Ревельской гавани, 4-хъ часовой готовности...

Это былъ лучшій дивизіонъ. Лихіе капитаны, великолѣпно сплававшіеся. Отважнѣйшіе офицеры и матросы. Онъ и назывался «Особымъ», потому что Эссенъ посылалъ его только въ особо важныя операціи и притомъ особо опасныя. Эти люди весело ходили на смерть.

Вотъ почему въ одно прекрасное утро, а именно

28 января, неожиданно изъ Гельсингфорса прибылъ Колчакъ и прямо прослѣдовалъ на дивизіонъ.

Собрались капитаны. Разложили карту...

— Господа! — отрывисто и какъ всегда энергически началъ Колчакъ. — Намъ дана задача заградить Данцигъ. Я самъ буду командовать операціей и подыму свой брейдъ-вымпелъ на «Кондратенкѣ»...

Онъ объяснилъ, что въ штабѣ командующаго получилось свѣдѣніе, что нѣмцы обнаружили и протралили наше прошлогоднее загражденіе, и даже обставили его вѣхами, о чемъ отдали секретный приказъ по своему флоту. Поэтому является необходимымъ его возобновить и усилить. Объяснилъ и планъ операціи.

Заключался онъ въ слѣдующемъ:

1) 29-го дивизіону идти въ Балтійскій портъ, гдѣ съ ледокола принять мины по 45 штукъ на каждый миноносецъ.

2) 30 — этапами двинуться на Данцигъ съ расчетомъ придти туда въ ночь съ 31 на 1 февраля и поставить загражденіе въ 220 минъ.

3) Въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ — мины выбросить и дѣйствовать по усмотрѣнію.

4) Въ случаѣ отрыва II, III и IV миноносцевъ отъ головного — послѣдній сворачиваетъ и ставитъ мины у Мемеля. Остальные — продолжаютъ операцію.

5) Въ случаѣ отрыва III IV — они идутъ къ Мемелю. Остальные — въ Данцигъ. То же, — въ случаѣ отрыва концевого.

— Вотъ наша задача!...

Обсудивъ еще нѣкоторыя детали похода, командиры откланялись Колчаку...

* * *

Въ полночь Колчакъ поднялъ на «Кондратенкѣ» свой брейдъ-вымпелъ.

Съ ночи задулъ южный вѣтеръ, отодвинувъ къ сѣверу ледяной покровъ. Образовался, заполненный ледяной кашей и пловучими льдинами, болѣе или менѣе свободный проходъ.

На утро дивизіонъ снялся съ якоря и пошелъ въ Балтійскій портъ. Въ бухтѣ Рогревикъ его ожидалъ

ледоколъ «Царь Михаилъ Федоровичъ» съ запасомъ минъ. Немедленно приступили къ погрузкѣ.

За позднимъ временемъ, рѣшили заночевать.

Ночью шла безпрерывная борьба со льдами. Часто приходилось мѣнять мѣсто, спасаясь отъ надвигающихся торосовъ.

Съ разсвѣтомъ вышли въ походъ...

Вторымъ и послѣднимъ этапомъ была бухта Тагеляхта, въ 94-мильномъ разстояніи. Шли въ густой кашѣ мелкаго льда. По прежнему дулъ южный вѣтерокъ. Если бы задулъ нордъ — закрылъ бы путь къ возврату. Вечеромъ въ бухтѣ Тагеляхта стали на якорь. Вѣстовые быстро накрыли столъ, и офицерство собралось за ужиномъ и чаемъ. Пришелъ Колчакъ...

Увлекательный собесѣдникъ, онъ всегда объединялъ общество и поэтому не мудрено, что, несмотря на походъ и предстоящую безсонную и опасную ночь, и несмотря на то, что ужинъ давно былъ конченъ, офицерство «Кондратенки» не расходилось, и дежурному вѣстовому пришлось вторично разогрѣвать самоваръ.

Въ клубахъ дыма, уютнымъ тѣснымъ кольцомъ сидѣла каютъ-компанейская семья, пожирая разсказчика и уносясь вслѣдъ за нимъ то на далекія сопки Артура, то къ берегамъ Индіи на борту броненоснаго крейсера «Рюрикъ», то въ Тихій океанъ и кругосвѣтное путешествіе подъ парусами на крейсерѣ «Крейсеръ», то, наконецъ, въ мрачныя полярныя страны, туда, — къ Сѣверному полюсу — куда во дни своей юности такъ упорно стремился Колчакъ и куда, въ концѣ концовъ, попалъ съ экспедиціей барона Толя, такъ и оставшагося тамъ на вѣчныя времена.

— Но какъ случилась его гибель?

— Всѣ подробности мнѣ неизвѣстны... У Толя была идея о существованіи большого материка къ сѣверу отъ Сибирскихъ острововъ. Онъ хотѣлъ его разыскать, но въ томъ году состояніе льда было таково, что туда невозможно было пробраться. Тогда, въ виду истощенія нашихъ запасовъ, онъ приказалъ моей партіи отдѣлиться, пробраться къ землѣ Бенета и занять ее, а если это не удастся — идти къ устью Лены и, захвативъ коллекціи, черезъ Сибирь вернуться въ Петербургъ, чтобы снаряжать новую экспедицію. Самъ же

онъ разсчитывалъ вернуться на Н. Сибирскіе острова, гдѣ мы оставили склады.

Весной 1902 года мы разстались. Больше мы его не видѣли...

Въ декабрѣ, со своей партіей прибыли въ Питеръ, и на засѣданіи Академіи Наукъ я доложилъ общее положеніе экспедиціи и, въ частности, Толя. Его участь чрезвычайно встревожила Академію.

Тогда я поднялъ вопросъ объ организаціи его спасенія и предложилъ снарядить экспедицію на шлюпкахъ. Академія по началу сочла подобную экспедицію безумной, но, въ концѣ концовъ, согласилась со мной и предоставила мнѣ полную свободу дѣйствія и всѣ необходимыя средства. Я тотчасъ же поѣхалъ въ Архангельскъ, взявъ съ собой двухъ моихъ матросовъ, Баличева и Орлова.

Когда я пріѣхалъ на съѣздъ тюлене-промышленниковъ, они заинтересовались моимъ предпріятіемъ, выбрали мнѣ четырехъ охотниковъ, и съ ними, съ моими матросами, и еще съ четырьмя промышленниками въ декабрѣ 1903 года мы выѣхали въ Иркутскъ, чтобы тамъ подготовить все необходимое и немедленно отправиться въ походъ. По телеграфу я снесся съ Якутскомъ, прося моего знакомаго — политическаго ссыльнаго Оленьина — подготовить собакъ. Затѣмъ поѣхалъ въ Якутскъ, оттуда въ Верхоянскъ и далѣе вмѣстѣ съ Оленьинымъ — къ устью Тиксты. Тамъ раздобылъ хорошій китобойный вельботъ и въ началѣ мая со всѣми своими спутниками и съ 160 собаками вышелъ изъ Устьянска на островъ Котельниковъ.

Начиналась таль, разливъ рѣкъ. Пришлось ожидать вскрытія моря...

Въ іюлѣ мы добрались до острова Новая Сибирь и вышли въ открытый океанъ.

Въ противоположность прошлому году, мы встрѣтили совершенно свободную воду. Не было даже достаточно большой льдины, чтобы можно было вылѣзть и отдохнуть. Приходилось недѣлями сидѣть на шлюпкѣ. Все время дулъ свѣжій вѣтеръ...

Наконецъ, 6-го августа — на Преображенье, мы добрались до земли Бенета и вскорѣ напали на слѣды... Нашли груду камней и въ ней бутылку съ схематиче-

скимъ планомъ острова и съ указаніемъ мѣстонахожденія документовъ. Дѣйствительно, въ указанномъ мѣстѣ мы нашли коллекцію, геологическіе инструменты и краткую записку, **давшую послѣднія свѣдѣнія о судьбѣ Толя.** Она говорила, что Толь лѣтомъ прошлаго года добрался до Бенета и рѣшилъ на немъ зазимовать, добывая пропитаніе охотой. Повидимому, это ему не удалось и, опасаясь голодной смерти, онъ рѣшился на отчаянную попытку — идти на югъ въ то время, когда наступила полярная ночь, температура понизилась до 40 градусовъ, когда все море покрылось льдомъ и невозможно было двигаться ни пѣшкомъ, ни въ шлюпкахъ, ни на собакахъ. Несомнѣнно — вся его партія погибла...

Черезъ 42 дня плаванія (на шлюпкѣ) мы вернулись обратно, не потерявъ ни единаго человѣка, но я схватилъ ужаснѣйшій ревматизмъ [1]).

Колчакъ взглянулъ на часы.

— Однако, господа, уже часъ. Пора спать. Намъ всѣмъ нужно подкрѣпиться...

* * *

Въ 6 ч. 30 утра, въ полной темнотѣ, дивизіонъ снялся съ якоря...

Снова безграничное ледяное море, словно занесенная снѣгомъ пустыня... Черной лентой вьется узкій слѣдъ позади. Дуетъ зюйдъ-вестъ... Опредѣлившись по Церелю, миноносцы легли на Данцигъ. Ходъ — 22 узла. Колчаку подали шифрованную телеграмму командующаго флотомъ: — «показать свое мѣсто».

Колчакъ ничего не отвѣтилъ...

Обезпокоенный Эссенъ повторилъ запросъ. Тотъ же результатъ. Волненіе охватило штабъ... Получилось тревожное извѣстіе, что нѣмцы провѣдали о выходѣ дивизіона, но, не зная цѣли его, выслали на его поимку эскадру крейсеровъ. Адмиралъ далъ срочную депешу: — «немедленно возвратиться».

Колчакъ и ее оставилъ безъ отвѣта. Подобно тому,

---

[1]) За эту отважную экспедицію А. В. Колчакъ получилъ большую золотую медаль Академіи Наукъ а его сподвижникъ — политическій ссыльный Оленьинъ — амнистію.

какъ Нельсонъ на докладъ сигнальщика: — «сэръ! — Адмиралъ поднялъ сигналъ объ отступленіи» — отвѣтилъ, приставивъ подзорную трубу къ выбитому глазу: — «не вижу такого сигнала», и выигралъ бой, подобно этому Колчакъ сдѣлалъ видъ, что не можетъ расшифровать депешу (у него былъ особый, персонально-личный шифръ для сношенія съ командующимъ).

Зная характеръ Колчака, Эссенъ понялъ, что ничего не добьется, и предоставилъ миноносцы на волю судьбы...

Наступила темная ночь. Мѣстами небосклонъ покрылся звѣздами. Дивизіонъ уменьшилъ ходъ... Вражескій берегъ близокъ. Въ 11 вечера — бухта!!

Повернулъ головной. За нимъ — остальные. Благополучно миновали загражденія. Вышли въ заливъ...

На миноносцахъ все готово. Минные офицеры на мѣстахъ, съ секундомѣрами въ рукахъ...

Постановку должно начать съ концевого — «Пограничника». Высокая, сухая фигура его командира впилась въ чернѣющій силуэтъ передняго мателота. Носъ «Пограничника» «виситъ» надъ его кормой. Уши внимательно слушаютъ, когда голосомъ передадутъ по линіи: — «начать постановку»...

Но вотъ дивизіонъ подошелъ къ мѣсту. Еще мгновеніе и... «заметаетъ икру»...

Вдругъ, Рудневъ съ ужасомъ отпрянулъ и схватился за глаза. Протеръ... Но снова ничего не видитъ. **Рѣшительно ничего.** Словно пелена заволокла глаза.

— Ослѣпъ! — молніей прожгло мозгъ.

— Я ничего не вижу — крикнулъ онъ.

— Я тоже — отозвался голосъ...

Только тутъ сообразили, что попали въ туманъ, да еще — въ густѣйшій.

— Не потерять бы миноносца... Смотрѣть впередъ!

Прибавили ходъ, взявъ чуть вправо...

Скорѣй почувствовали, чѣмъ увидѣли «Охотника».

— На «Охотникѣ»! — Видите ли переднихъ?

— Нѣтъ!... **Оторвались** — послышался изъ тумана отвѣтъ.

— Что же дѣлать?!

— По инструкціи нужно идти на Мемель — крик-

нулъ Гельмерсенъ. — Но это невозможно! Вѣдь мы — у цѣли...

— Да, да, конечно. — Давай ставить мины.

— Хорошо... Начинай!

Чтобы не разлучиться, миноносцы открыли прожектора. Въ такомъ туманѣ не опасно.

Одна за другой захлюпали мины...

Окончили постановку и полнымъ ходомъ устремились изъ бухты...

Въ полдень 1-го февраля оба миноносца уже стояли въ точкѣ рандеву у Люзерорта и съ аппетитомъ завтракали, поджидая остальныхъ...

Колчакъ, убѣдившись, что концевые миноносцы оторвались, но зная Руднева и Гельмерсена, рѣшилъ, что «эти господа» не пойдутъ къ Мемелю, а здѣсь поставятъ загражденіе. Чтобы они не наскочили на мины передней пары, приказалъ описать петлю и нѣсколько въ сторонѣ поставили свои мины.

У Люзерорта дивизіонъ соединился и полнымъ ходомъ понесся домой. Задулъ сѣверный вѣтеръ...

Вдругъ, черная широкая полоса перерѣзала путь. **Слѣдъ непріятеля...** Онъ только что прошелъ здѣсь. Но куда?!...

Встрѣча съ нимъ была крайне опасной. Во льдахъ мины не пустишь...

Къ счастью, нашелъ туманъ.

4-го февраля, встрѣтивъ грозные массивы льда съ цѣлыми стадами тюленей, дивизіонъ черезъ Суропскій проливъ едва успѣлъ проскочить въ Ревель, какъ проходъ захлопнулся и весь заливъ затянулся толстымъ льдомъ...

* *
*

Эта операція имѣла для нѣмцевъ настолько серьезныя послѣдствія, что германскому флоту было запрещено выходить въ Балтійское море, впредь до его очистки отъ русскихъ минъ.

* *
*

Адмиралъ Эссенъ получилъ слѣдующую депешу:

«Верховный повелѣлъ передать его сердечную бла-

годарность капитану Колчаку и всему составу дивизіона за смѣлую работу, ном. 44. Янушкевичъ».

4. Назначеніе въ Черное море.

Осенью 1915 г. адмиралъ Трухачевъ, командовавшій минной дивизіей и успѣшно ликвидировавшій прорывъ германскаго флота въ Рижскій заливъ, внезапно заболѣлъ и слегъ. Колчакъ былъ назначенъ его замѣстителемъ.

Къ тому времени въ Рижскомъ заливѣ образовался отдѣльный отрядъ судовъ въ 50 вымпеловъ, во главѣ съ линейнымъ кораблемъ «Слава». Германская армія угрожала Ригѣ и вплотную подошла къ рижскому штранду.

Назначеніе Колчака совпало какъ разъ съ моментомъ возникновенія здѣсь крупныхъ операцій, направленныхъ къ захвату Риги. Поэтому, онъ немедленно отправился къ командующему XII арміей, генералу Радко-Дмитріеву, и предложилъ ему совмѣстный планъ дѣйствій.

Германская армія перешла въ наступленіе ... Палъ Кеммернъ ... Нашъ фронтъ отступилъ ... Нѣмцы установили сильнѣйшія батареи ...

Нужно было во что бы то ни стало, сбить ихъ и отобрать Кеммернъ. Колчакъ со всѣми своими силами устремился въ южную часть залива и вступилъ въ бой съ батареями.

Въ горячей схваткѣ палъ доблестный командиръ «Славы», капитанъ I ранга Вяземскій. Нѣмецкія батареи были приведены къ молчанію. Колчакъ произвелъ десантъ въ тылъ непріятеля и на-голову разбилъ его лѣвый флангъ. Врагъ дрогнулъ. Былъ выбитъ изъ Кеммерна и съ огромными потерями отступилъ. Рига была спасена ...

За эту блестящую операцію Колчакъ получилъ Георгіевскій крестъ и чинъ контръ-адмирала.

Подъ его флагомъ Минная дивизія произвела рядъ лихихъ набѣговъ на вражескіе берега. Послѣднимъ «дѣломъ» Колчака въ Балтійскихъ водахъ былъ разгромъ германскаго каравана весной 1916 года на пути изъ Стокгольма къ своимъ берегамъ. Освѣдомившись

о выходѣ каравана съ грузомъ руды подъ охраной вспомогательнаго крейсера, Колчакъ съ лучшими своими миноносцами бросился къ шведскимъ берегамъ, обнаружилъ караванъ, разметалъ его и потопилъ конвоирующій крейсеръ.

28 іюня, находясь въ Моонзундѣ, онъ получилъ депешу съ персональнымъ вызовомъ въ Ревель. Здѣсь его ждалъ сюрпризъ — назначеніе на высокій и отвѣтственный постъ командующаго Черноморскимъ флотомъ съ производствомъ въ вице-адмиралы и съ приказаніемъ явиться въ Ставку.

Сдавъ Минную дивизію вновь назначенному ея начальнику, свиты контръ-адмиралу М. А. Кедрову, Колчакъ отбылъ въ Могилевъ...

Причиной столь внезапнаго назначенія оказался предположенный въ 1917 году захватъ Константинополя русскими войсками. Государь прямо сказалъ Колчаку, что считаетъ его наиболѣе подходящимъ для выполненія этой исторической задачи, и что если обстановка на южномъ и юго-западномъ фронтахъ позволитъ, эта операція должна быть выполнена весной.

* *
*

Небезынтересно вспомнить, какъ въ первый же годъ царствованія покойнаго государя, возникла та же мысль о захватѣ Константинополя и какъ тогда предполагалось осуществить ее.

Еще послѣ Турецкой кампаніи Александръ II поручилъ графу Тотлебену разработать планъ овладѣнія Босфоромъ, избѣгая похода черезъ Болгарію и Балканы, въ виду тѣхъ громадныхъ жертвъ, которыя тогда, въ этомъ походѣ, понесла Россія. Въ концѣ 70-хъ годовъ въ военныхъ канцеляріяхъ разрабатывался этотъ планъ и даже для этой цѣли были приготовлены въ Одессѣ около ста орудій — такъ называемый «особый запасъ». Но со смертью Александра II работы комиссіи прекратились.

Въ 1895 году, подъ вліяніемъ политическихъ интригъ Турціи и грандіозной рѣзни армянъ, вновь вернулись къ оставленному плану. По Высочайшему повелѣнію была образована секретная комиссія изъ высшихъ начальниковъ для разработки новаго плана **вне-**

запнаго, безъ объявленія войны, захвата Константинополя. Предсѣдателемъ ея былъ назначенъ начальникъ главнаго штаба, генералъ Обручевъ.

Первоначальный планъ былъ слѣдующій:

Россія, подъ видомъ учебнаго сбора, производитъ дессантные маневры, якобы перевозя изъ Одессы на Кавказъ нѣсколько дивизій. Черноморскій флотъ прикрываетъ перевозку. Помимо войскъ и обоза, на транспорта грузятся орудія и мортиры съ платформами — «особый запасъ».

Въ назначенный моментъ, когда флотъ и транспорта будутъ въ открытомъ морѣ, прерываются всѣ телеграфные провода Черноморскаго побережья съ Европой, а флотъ и транспорты сворачиваютъ въ Босфоръ. Эскадра ночью форсируетъ проливъ, врывается въ него и становится на якорь въ Буюкъ-Дере. Захваченныя врасплохъ турецкія батареи не успѣваютъ развить огонь, дѣйствующій только въ направленіи моря. Эскадра же громитъ ихъ съ тыла.

Тѣмъ временемъ входятъ транспорта, выбрасываютъ дессантный корпусъ, который въ рукопашную овладѣваетъ фортами и устанавливаетъ свои орудія на высотахъ Бейкоса, господствующихъ надъ западной частью Босфора. Считалось, что внезапность гарантируетъ успѣхъ.

Но... черезъ 72 часа съ Мальты, на помощь султану, подойдетъ британскій Средиземный флотъ изъ 12 броненосцевъ. Какъ отразить его?

Комиссія рѣшила такъ: мы минируемъ Босфоръ, а установленныя на высотахъ 9-ти дюймовыя мортиры и эскадра открываютъ по наступающему флоту ураганный огонь. Градъ снарядовъ сверху и мины снизу приведутъ къ гибели непріятельскіе корабли.

Въ обсужденіи этого плана представители флота не участвовали, а потому, для провѣрки его, комиссія постановила пригласить морскихъ экспертовъ.

Эксперты разбили весь планъ комиссіи, съ цифрами въ рукахъ доказавъ, что срокъ прохожденія британскаго флота, равно какъ и процентъ попаданія въ него и разрушительная сила мортиръ будутъ столь незначительны, что не успѣютъ вывести изъ строя ни одного броненосца. Съ другой стороны, мины, благодаря

своей незначительной плавучести, не смогутъ противостоять сильному теченію въ этихъ мѣстахъ, лягутъ или будутъ раскиданы по всему Босфору, угрожая своимъ.

Это неожиданное заключеніе морскихъ экспертовъ было принято комиссіей съ недовѣріемъ. Диспуты продолжались въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій, и обѣ стороны — сухопутная и морская — остались при своемъ. И только неожиданное обстоятельство положило конецъ этимъ спорамъ. Въ австрійскомъ военномъ журналѣ, назыв. «Militärs Nachrichten», подъ длиннымъ заголовкомъ «Можетъ ли Россія отважиться захватить Босфоръ, не проходя черезъ Болгарію?» полковникъ австро-венгерскаго генеральнаго штаба помѣстилъ статью, въ которой съ протокольной точностью привелъ весь «секретный» планъ комиссіи, причемъ съ нескрываемой ироніей разбивалъ его, называя «сплошной авантюрой».

Тогда былъ предложенъ другой планъ (не менѣе наивный): освободившіеся отъ дессанта транспорта (30—40 штукъ) становятся въ двѣ линіи на якорь, поперекъ Босфора, съ трюмами, набитыми пустыми бочками (для большей плавучести). Получается барражъ, подъ защитой нашего огня. За ними скрываются 20—30 миноносцевъ.

По мысли комиссіи, англійскій флотъ будетъ подъ нашимъ огнемъ таранить барражъ, завязнетъ въ немъ, и тогда миноносцы его атакуютъ [1]).

5. Подготовка Босфорской операціи.

По прибытіи въ Севастополь, адмиралъ Колчакъ съ большой энергіей продолжалъ дѣло своего предшественника, адмирала Эбергарда.

Для выполненія операціи по захвату Босфора въ его распоряженіе была прислана изъ ставки сухопутная дивизія ударнаго типа подъ начальствомъ одного изъ выдающихся офицеровъ генеральнаго штаба генерала Свѣчина. Начальникомъ штаба дивизіи состоялъ ген. штаба полковникъ Верховскій [2]), тотъ са-

[1]) Разсказъ одного изъ экспертовъ, отставного адмирала Цывинскаго въ его книгѣ «50 лѣтъ въ императорскомъ флотѣ».

[2]) Впослѣдствіи военный министръ въ кабинетѣ Керенскаго.

мый, который въ свое время, будучи камеръ-пажемъ и находясь въ числѣ другихъ пажей своего корпуса во внутреннемъ караулѣ дворца, подбросилъ въ кабинетъ государя записку: — «Ваше Величество, введите конституцію», за что вольноопредѣляющимся былъ посланъ въ Манчжурію, въ батарею, гдѣ отличился, получилъ Георгіевскій крестъ и чинъ прапорщика. Впослѣдствіи окончилъ Академію Генеральнаго Штаба, сталъ ярымъ карьеристомъ и во время войны состоялъ при Ставкѣ Государя...

Работы по подготовкѣ операціи должны были закончиться въ мартѣ 1917 года. Къ этому времени, въ силу неудачъ на румынскомъ фронтѣ, стало очевиднымъ, что первый варіантъ операціи отпадаетъ, и можетъ быть осуществленъ только второй — самостоятельный десантъ и форсированіе пролива флотомъ.

Вотъ какъ командиръ VII морского полка, полк. Кришевскій, вспоминаетъ эту сторону дѣятельности адмирала Колчака:

— «Однажды по служебнымъ дѣламъ, я тогда временно замѣнялъ Верховскаго, случилось мнѣ быть на «Георгіи Побѣдоносцѣ»[1]) у начальника штаба флота, когда открылась дверь, и въ каюту вошелъ молодой адмиралъ. Это былъ Колчакъ.

Узнавъ о чемъ идетъ рѣчь, адмиралъ сказалъ: — I полкъ мы назовемъ Царьградскимъ, II — Нахимовскимъ, III — Корниловскимъ, IV-й — Истоминскимъ... I полкъ — наша идея, а славныя имена остальныхъ дадутъ дивизіи былыя Севастопольскія традиціи... Морскіе знаменные флаги будутъ вашими знаменами... Мы создадимъ настоящую морскую пѣхоту, лихую и знающую десантное дѣло...

— Лишь бы скорѣй началось формированіе, — замѣтилъ я.

— Да, этотъ вопросъ скоро получитъ окончательное разрѣшеніе. По соглашенію со Ставкой, мнѣ будутъ присланы 15.000 гвардейцевъ, японское оружіе, пулеметы, бомбометы и траншейныя орудія. Севастопольская крѣпость снабдитъ васъ осадной артиллеріей. Боевое крещеніе я дамъ сперва на флангѣ Кавказской

---

1) Штабъ-квартира командующаго флотомъ.

арміи, гдѣ огнемъ флота мы подготовимъ вамъ плацдармъ, а затѣмъ... наша дивизія соединится съ Балтійской, образуетъ морской дессантный корпусъ. Онъ и откроетъ намъ двери Царьграда.

Адмиралъ пожалъ мнѣ руку и вышелъ изъ каюты».

Увы! сбыться этимъ словамъ не удалось.

Вспыхнула революція.

6. Революція.

Въ 20-хъ числахъ февраля адм. Колчакъ получилъ депешу главнокомандующаго Кавказской арміей, великаго князя Николая Николаевича, съ вызовомъ въ Батумъ для свиданія съ нимъ. Колчакъ тотчасъ же перенесъ свой флагъ на миноносецъ и вышелъ въ море.

Въ вагонѣ великаго князя Николай Николаевичъ, Колчакъ и Янушкевичъ обсуждали вопросъ объ устройствѣ портовъ вдоль захваченнаго Анатолійскаго побережья, въ частности — Трапезундскаго порта, какъ главнаго центра снабженія Кавказской арміи. Совѣщаніе продолжалось и весь слѣдующій день. Вечеромъ второго дня, когда адм. Колчакъ вернулся къ себѣ на миноносецъ, ему подали шифрованную телеграмму морскаго министра, адм. Григоровича. Новость была потрясающая. Возстаніе войскъ въ столицѣ. Полная дезорганизація власти. Образованіе Думскаго комитета. «Въ настоящее время волненіе утихаетъ» — такъ заканчивалась депеша.

Колчакъ немедленно отправился къ Янушкевичу. Оказалось, послѣдній никакихъ свѣдѣній о событіяхъ не получилъ. Тогда адмиралъ просилъ его доложить великому князю, что онъ долженъ незамедлительно вернуться въ Севастополь. Николай Николаевичъ вызвалъ Колчака и попросилъ показать телеграмму. Прочелъ. Пожалъ плечами и сказалъ, что ему рѣшительно ничего неизвѣстно, но такъ какъ потребности арміи сообщены адмиралу, онъ болѣе не задерживаетъ его.

Колчакъ отбылъ въ Севастополь.

По пути было перехвачено открытое радіо мощной Константинопольской станціи, рисовавшее полную

анархію въ Петроградѣ. «Улицы столицы залиты кровью» и т. п. Радіо давалось съ явно-провокаціонной цѣлью на русскомъ языкѣ, съ болгарскими оборотами.

По прибытіи въ Севастополь получилась телеграмма отъ Родзянки съ извѣщеніемъ, что старое правительство пало, образовалось временное, и что онъ проситъ соблюдать полное спокойствіе.

Цѣлыми днями Константинопольская станція слала на русскомъ языкѣ одну депешу ужаснѣе другой: о развалѣ фронта, Кронштадскихъ убійствахъ, побѣдоносномъ продвиженіи германскихъ войскъ.

Наконецъ, совершенно неожиданно получилась телеграмма Алексѣева съ текстомъ обращенія къ Государю главнокомандующихъ. О всѣхъ полученныхъ извѣстіяхъ адмиралъ тотчасъ же оповѣщалъ весь флотъ и въ своемъ горячемъ приказѣ просилъ вѣрить только ему и не вѣрить германскимъ радіо.

* * *

Событія росли, какъ снѣжный комъ. Фронтъ разваливался. Разваливался и Балтійскій флотъ. И только одни черноморскіе моряки среди этого бушующаго океана сохраняли еще спокойствіе и дисциплину.

Чтобы показать врагу, что революція — революціей, а война — войной, весь флотъ, подъ флагомъ самого командующаго, вышелъ къ Босфору въ крейсерство у европейскихъ и азіатскихъ береговъ. Какъ обычно, гремѣла музыка. Неслись отвѣтные клики.

Наступило 1-е марта.

Внушительный митингъ матросовъ и солдатъ собрался выслушать чразвычайно взволновавшую всѣхъ телеграмму Царскосельской радіо-станціи.

— Товарищи! — Вниманіе...

— Приказъ Петроградскаго Совѣта Р. и С. депутатовъ.

Воцарилась напряженнѣйшая тишина.

— «Всѣмъ солдатамъ гвардіи, арміи, артиллеріи и флота для немедленнаго и точнаго исполненія.

«Совѣтъ Р. и С. депутатовъ постановилъ:

«Во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, на судахъ флота

немедленно выбрать комитеты изъ выборныхъ представителей отъ нижнихъ чиновъ» . . . . . .

. . . . . .

Затаивъ дыханіе, съ горящими глазами толпа слушала знаменитый приказъ № 1. Одна за другой гремѣли страстныя рѣчи, мутившія разсудокъ.

Послышался гудокъ автомобиля. Къ митингу подкатилъ лимузинъ. Вышелъ адмиралъ Колчакъ.

Толпа насторожилась... Задорно разбирало любопытство, что скажетъ «онъ». Еще сильно было «его» обаяніе.

Сквозь разступившіеся ряды Колчакъ прошелъ на самую середину. Митингъ безмолствовалъ. Тысячи глазъ устремились на него.

Твердымъ, отчетливымъ голосомъ адмиралъ сказалъ:

— Этотъ приказъ для меня не приказъ. Это не законъ и не актъ, который слѣдуетъ выполнять. Онъ не санкціонированъ Временнымъ Правительствомъ... Въ силу настоящаго положенія, Совѣты Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ могутъ возникать въ любомъ мѣстѣ, въ любомъ городѣ, — почему, въ такомъ случаѣ, приказъ Петроградскаго Совѣта является обязательнымъ, а не обязателенъ приказъ Одесскаго Совѣта или всякаго другого. Во всякомъ случаѣ, — тутъ голосъ Колчака возвысился, — я буду выполнять только тѣ приказы, которые буду получать либо отъ правительства, либо отъ Ставки.

* *
*

Въ серединѣ апрѣля кн. Львовъ[1]) вызвалъ Колчака въ Петроградъ для доклада.

Передъ отъѣздомъ Колчакъ собралъ всѣ команды, объявилъ о своемъ временномъ отъѣздѣ и спросилъ, имѣются ли какія пожеланія для передачи правительству. Никакихъ пожеланій не оказалось.

20-го апрѣля Колчакъ прибылъ въ Петроградъ и первымъ долгомъ явился военному и морскому министру А. И. Гучкову. Министръ былъ боленъ и принялъ адмирала въ постели.

---

[1]) Глава Временнаго правительства.

— Вотъ что, Александръ Васильевичъ, — сказалъ Гучковъ. — Положеніе Балтійскаго флота отчаянное. Тамъ наростаетъ возможность новыхъ эксцессовъ. Дѣятельность адм. Максимова носитъ явно преступный характеръ... Необходимо убрать его. Иначе къ веснѣ флотъ перестанетъ существовать. Правительство рѣшило предложить вамъ вступить въ командованіе Балтійскимъ флотомъ. Каково ваше мнѣніе?

Адмиралъ Колчакъ отвѣтилъ такъ:

— Съ моей точки зрѣнія, главная причина развала Балтійскаго флота есть результатъ работы германскихъ агентовъ. Вынужденное базированіе флота на Гельсингфорсъ создаетъ весьма удобную почву для этой работы, ибо контроль надъ иностранцами тамъ страшно затрудненъ. Гельсингфорсъ всегда кипѣлъ шпіонами... Разница въ настроеніяхъ Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ не находится въ зависимости отъ состава офицеровъ, а объясняется исключительно тѣмъ, что въ изолированномъ Черноморскомъ флотѣ событія идутъ замедленнымъ темпомъ. Тутъ еще играетъ роль то обстоятельство, что Черноморскій флотъ находится въ постоянномъ плаваніи, въ то время какъ Балтійскій, въ зимніе мѣсяцы, тѣсно связанъ съ берегомъ. Во всякомъ случаѣ, если такова воля правительства, я сейчасъ же поѣду въ Гельсингфорсъ и подыму свой флагъ, но врядъ ли чѣмъ смогу помочь.

Министръ отвѣтилъ, что подумаетъ, и пригласилъ адмирала прибыть къ нему на засѣданіе правительства на завтра. Прощаясь, добавилъ: — «Вѣдь вы не откажетесь принять это назначеніе?»

— Я привыкъ исполнять приказанія и готовъ хоть сейчасъ ѣхать въ Гельсингфорсъ.

Отъ Гучкова Колчакъ поѣхалъ къ Родзянкѣ. Послѣдній высказалъ оптимическій взглядъ на положеніе въ Черномъ морѣ. Колчакъ объяснилъ ему дѣйствительное положеніе вещей.

— Я предвижу, — добавилъ онъ, — развалъ моего флота и не знаю, къ кому обратиться, гдѣ искать помощи?

— Повидайтесь съ Плехановымъ... Вы еще не обращались къ нему? — Ну, такъ попросите его при-

слать вамъ опытныхъ работниковъ для борьбы съ разлагающей пропагандой.

Хотя и сознавая, что эта мѣра — палліативъ, Колчакъ все же поѣхалъ къ Плеханову.

— Вы правы, адмиралъ... Въ вашемъ положеніи это единственный путь. Но этотъ методъ, въ данномъ случаѣ, ненадеженъ, — сказалъ Плехановъ. — Знаете ли вы, что сегодня должно состояться выступленіе войскъ съ требованіемъ смѣны части правительства? Я лично думаю, что событія принимаютъ столь стихійный характеръ, что отдѣльныя лица и группы могутъ только нѣсколько задержать ихъ, но не предотвратить. Вѣдь выступленіе противъ Милюкова и Гучкова основывается, главнымъ образомъ, на ихъ, такъ называемой, имперіалистической политикѣ — стремленіи владѣть проливами. Народъ не понимаетъ, что отказаться отъ нихъ все одно, что жить съ горломъ, зажатымъ чужими руками.

Вечеромъ послѣ засѣданія правительства, происходившаго на Мойкѣ, на квартирѣ больного Гучкова, въ то время какъ толпа бушевала передъ пустымъ Маріинскимъ дворцомъ, Колчакъ уѣхалъ во Псковъ, на засѣданіе главнокомандующихъ.

Картина, выяснившаяся на этомъ засѣданіи, превзошла всѣ худшія ожиданія адмирала. Шелъ полнѣйшій развалъ фронта... Братаніе съ непріятелемъ. Продажа ему оружія. Солдаты стихійно покидали фронтъ. И не было возможности остановить это. Совѣщаніе только констатировало фактъ развала, но не выработало никакихъ мѣръ борьбы съ нимъ. Было признано необходимымъ продолжать войну, во что бы то ни стало, въ силу нашихъ обязательствъ передъ союзниками. Такъ это совѣщаніе и кончилось ничѣмъ. Колчакъ вернулся въ Петроградъ.

При новомъ свиданіи съ Гучковымъ вопросъ о назначеніи его въ Балтійскій флотъ отпалъ окончательно. Керенскій и Плехановъ обѣщали Колчаку прислать своихъ людей для борьбы съ пропагандой.

Въ угнетенномъ душевномъ состояніи сѣлъ адмиралъ въ севастопольскій поѣздъ.

Впослѣдствіи онъ такъ вспоминалъ дни своего пребыванія въ Петроградѣ:

— Я убѣдился, что Временное Правительство состоитъ изъ людей искреннихъ и честныхъ, желающихъ принести возможно больше блага родинѣ. Никого изъ нихъ я не могъ подозрѣвать въ преслѣдованіи личныхъ и корыстныхъ цѣлей. Они искренно стремились спасти положеніе. Но... почва ихъ была шаткой. Для меня стало очевиднымъ, что единственный органъ, опирающійся на силу — Петроградскій Совѣтъ Р. и С. депутатовъ, — ведетъ разрушительную работу, и правительство безсильно передъ нимъ.

* * *

По возвращеніи въ Севастополь, къ адмиралу явилась депутація отъ солдатъ гарнизона во главѣ съ унтеръ-офицеромъ Киселевымъ.

Разсказъ Колчака обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ произвелъ столь потрясающее впечатлѣніе, что Киселевъ воскликнулъ:

— Я самъ былъ убѣжденный революціонеръ, но я вижу — путь, по которому пошла революція, погубилъ Россію. Необходимо тутъ, въ Севастополѣ, и повсюду, передъ всѣмъ народомъ открыто это сказать.

Эта мысль понравилась Колчаку, и онъ приказалъ на слѣдующій день собрать въ циркѣ делегатское собраніе отъ всего флота и гарнизона.

7. Черноморская делегація.

Вѣсть о томъ, что командующій флотомъ намѣренъ дать публичный отчетъ о своей поѣздкѣ, собрала въ циркѣ и вокругъ него весь флотъ, весь гарнизонъ, все населеніе города. Тысячныя толпы не попавшихъ въ циркъ запрудили всѣ прилегающія улицы и площадь. Циркъ буквально трещалъ подъ напоромъ осаждавшихъ его людей.

Мѣста оркестра занялъ президіумъ Совѣта Р. и С. депутатовъ. Проходы, галерки, цирковой кругъ, коридоры — все было сплошь набито жаркой, волнующейся толпой. Циркъ гудѣлъ, какъ встревоженный улей.

Вдругъ, произошло общее движеніе. Смолкло все... Въ ложу вошелъ адмиралъ Колчакъ.

Предсѣдатель президіума Кантаровичъ: — «Слово предоставляется командующему флотомъ, адмиралу Колчаку».

Опираясь на барьеръ, поднялся Колчакъ. Громъ апплодисментовъ. Затѣмъ мертвая тишина.

Адм. Колчакъ: — «Тяжелыя вѣсти привезъ я вамъ. Грозный призракъ нависъ надъ Россіей. Наша родина гибнетъ. Идетъ поголовный развалъ. Позоръ, раздѣлъ русской земли и рабство — вотъ, что намъ угрожаетъ. Фронтъ бросаетъ оружіе, продаетъ его врагу и стихійно бѣжитъ. По всему лицу русской земли носятся разбитые поѣзда, захваченные дезертирами. Они нарушаютъ транспортъ, обрекаютъ на голодъ армію и города, вѣшаютъ желѣзнодорожниковъ за малѣйшую попытку спасти желѣзнодорожное достояніе. По всѣмъ путямъ идетъ грабежъ. Россія охвачена пожаромъ, покрывается позоромъ. Дезертиры и негодяи, продавшіеся врагу, ведутъ насъ въ рабство нѣмцамъ»...

Горячая рѣчь Колчака дышала такой искренностью, такимъ страданіемъ, что невольно западала въ душу. Его смѣлыя, страстныя слова, напоминаніе о **забытой** Россіи, униженной и оскорбленной, захватили циркъ. Глаза и уши пожирали его. Напряженіе нервовъ достигло апогея.

Когда же Колчакъ, въ концѣ своей рѣчи, обратился къ Черноморскому флоту съ призывомъ подняться, какъ одинъ, **за Россію,** — весь циркъ вскочилъ. Поднялось нѣчто невообразимое. Все бросились къ ложѣ Колчака...

— Да здравствуетъ Россія! На фронтъ! На фронтъ!

Потрясая зданіе, ревѣлъ, стоналъ митингъ, ревѣла толпа и снаружи его.

На трибуну вскочилъ с.-р. Фундаминскій.

— Товарищи! Не выдадимъ Россію. **Война до побѣднаго конца!** Долой дезертировъ!

— Долой! Долой! Война до побѣднаго конца.

Толпа впервые въ Севастополѣ подхватила этотъ лозунгъ.

Колчака на рукахъ вынесли изъ цирка.

Тотчасъ же открылась запись въ Черноморскую

делегацію на фронтъ, подымать его. Въ ту же ночь пятитысячный отрядъ матросовъ произвелъ облаву на дезертировъ, хваталъ ихъ и арестовывалъ.

Въ торжественной обстановкѣ весь флотъ и городъ провожалъ триста черноморскихъ моряковъ — офицеровъ и матросовъ — на фронтъ, въ окопы. Царилъ необычайный подъемъ. Появленіе Колчака повсюду встрѣчалось восторженнымъ ура.

* * *

Эта знаменитая Черноморская делегація, которую впослѣдствіи большевики не могли простить Колчаку и его офицерамъ, сдѣлала большое дѣло. Появленіе въ окопахъ невѣдомыхъ и невиданныхъ доселѣ солдатами фронта людей въ синихъ воротникахъ и георгіевскихъ лентахъ на фуражкахъ, произвело ошеломляющее впечатлѣніе. Забытое имя — **Россія** понеслось по окопамъ. Порывъ іюньскаго наступленія обязанъ имъ. Съ винтовками въ рукахъ, они бросились въ первую голову, увлекая остальныхъ. Огромный процентъ ихъ погибъ въ этихъ бояхъ.

Увы! Потеря этихъ людей оказалась гибельной для Черноморскаго флота. Лишенный своего лучшаго кадра, онъ уже не могъ противостоять нахлынувшимъ на него демагогамъ и покатился въ бездну.

8. Начало конца.

Уже черезъ недѣлю послѣ отъѣзда черноморской делегаціи во флотѣ наступила реакція... Наводнившія Севастополь неизвѣстныя личности, пріѣхавшія вмѣстѣ съ кронштадтскими матросами, повели яростную агитацію противъ Колчака.

Началось съ того, что команда эскадреннаго миноносца «Жаркій» отказалась выполнить боевое заданіе и предъявила требованіе о смѣнѣ командира, старшаго лейтенанта Веселаго. Это былъ молодой и храбрый офицеръ. Вотъ эту-то храбрость команда и поставила ему въ вину, утверждая, что онъ слишкомъ смѣло дѣйствуетъ у непріятельскихъ береговъ и ставитъ миноносецъ въ опасныя положенія.

Колчакъ наотрѣзъ отказался его смѣнить. Команда настаивала и перенесла «дѣло» въ совдепъ. Хотя тотъ и всталъ на сторону Колчака, но подѣлать ничего не могъ. Къ тому времени вліяніе его уже упало, и большевиками велась яростная агитація за его переизбраніе. Тогда командующій приказалъ миноносцу окончить кампанію и спустить вымпелъ.

Одновременно произошелъ слѣдующій случай. Подъ вліяніемъ той же пропаганды, рабочіе порта возвели, какъ оказалось, совершенно вздорное и ни на чемъ не основанное обвиненіе на старшаго помощника командира порта, флота генерала-майора Петрова, въ злоупотребленіи кожами и потребовали его немедленнаго ареста.

Когда делегація отъ Совѣта Р. и С. депутатовъ явилась къ командующему флотомъ, Колчакъ вышелъ къ ней, выслушалъ и сказалъ: — «Изъ вашего доклада я не вижу ясно, въ чемъ, собственно, обвиняется генералъ, а потому приказа объ его арестѣ дать не могу. Пусть главный прокуроръ разберется въ этомъ дѣлѣ»...

Совдепъ все же арестовалъ генерала. Это привело Колчака въ ярость. Онъ рѣшительно потребовалъ освобожденія арестованнаго и добился этого.

Этотъ случай, исторія съ «Жаркимъ» и другіе подобнаго же рода убѣдили адмирала, что развалъ флота принимаетъ угрожающія формы, что т. к. новое правительство (Керенскаго) не находитъ возможнымъ ввести смертную казнь за отказъ выполнять боевыя задания, то онъ, Колчакъ, не можетъ долѣе оставаться на своемъ посту, и въ Петербургъ была послана телеграмма объ отставкѣ. Въ отвѣтъ Колчакъ получилъ депешу съ отклоненіемъ его ходатайства и извѣщеніемъ, что самъ Керенскій на дняхъ прибудетъ въ Севастополь.

9. Послѣдняя операція.

Между тѣмъ врагъ не дремалъ. Взамѣнъ четырехъ подводныхъ лодокъ, погибшихъ на нашихъ Варненскихъ загражденіяхъ, изъ Германіи прибыли новыя и, несмотря на поставленныя въ самомъ Босфорѣ мины, продолжали проникать въ Черное море, угрожая нашимъ транспортамъ. Выяснилось, что онѣ, не теряя

времени на протраливанія фарватера, проходятъ по узкому «коридору», вдоль самой конфигураціи берега, огибая такимъ образомъ поставленное загражденіе.

Тогда адмиралъ Колчакъ рѣшилъ засыпать минами этотъ проходъ. Но эту операцію можно было произвести только со шлюпокъ, пользуясь особымъ типомъ цилиндрическихъ минъ «рыбокъ». Такъ какъ операція была чрезвычайно опасной, — набитыя минами шлюпки должны были ночью проникнуть въ самое горло Босфора и поставить загражденіе вплотную къ берегу, подъ носомъ кинжальныхъ батарей, — адмиралъ рѣшилъ кликнуть кличъ охотникамъ. Къ тому же, послѣ исторіи съ «Жаркимъ» у него не было увѣренности, что и на этотъ разъ не послѣдуетъ отказа.

И вотъ тутъ-то и выяснилось, что не оскудѣлъ еще Черноморскій флотъ людьми, сознающими свой военный долгъ. На зовъ Колчака откликнулось такое количество охотниковъ — я уже не говорю объ офицерахъ — что оно превзошло потребное число. Кинули жребій.

Начальникомъ операціи былъ назначенъ лихой офицеръ — командующій подъ брейдъ-вымпеломъ отрядомъ крейсеровъ капитанъ I ранга Леонидъ Ивановъ. На своемъ флагманскомъ крейсерѣ «Память Меркурія» онъ долженъ былъ руководить операціей и доставить къ Босфору четыре баркаса и быстроходный моторный катеръ, на буксирѣ котораго эти шлюпки должны были проникнуть въ проливъ.

Непосредственными исполнителями операціи были назначены слѣдующіе офицеры-охотники: стар. лейт. **А. Рыбалтовскій** — начальникомъ экспедиціи, лейт. **Моисеевъ** к-ромъ баркаса съ «Памяти Меркурія»; мичманъ **Псіолъ** — к-ромъ баркаса съ лин. кор. «Іоаннъ Златоустъ»; мичманъ **Брикке** съ лин. кор. «Ростиславъ»; мичманъ **Кушинскій** — съ дредноута «Свободная Россія» (б. «Екатерина»); прапорщикъ **Садовскій** к-ромъ «быстрохода» и прапорщикъ **Мельниковъ** — его механикомъ. Кромѣ того, субалтернъ-офицерами пошли мичмана **Старченко** («Меркурій») и **Пасвикъ** («Іоаннъ Златоустъ»).

* * *

11 мая 4 ч. 10 м. пополуночи экспедиціонный отрядъ подъ брейдъ-вымпеломъ кап. I ранга Иванова въ составѣ: крейсера «Память Меркурія», эскадренныхъ миноносцевъ «Пронзительный» и «Гнѣвный» вышелъ въ море, взявъ курсъ на Босфоръ.

Къ вечеру отрядъ подошелъ къ непріятельскимъ берегамъ и въ 19 ч. 26 м. на границѣ 100-саженной глубины, въ точкѣ «Глаголь 195», въ 12 миляхъ къ норду отъ Анатоли-Фенаръ, застопорилъ машины. «Меркурій» спустилъ на воду баркасы и «быстроходъ». Шлюпки подошли къ «Пронзительному», приняли съ него мины и стали къ нему на буксиръ.

Въ полночь, выждавъ захода луны, тронулись къ Босфору.

Около часу ночи, въ 7 миляхъ отъ входа, миноносецъ отдалъ буксиръ, и шлюпки подъ своими моторами самостоятельно направились въ проливъ. Впереди — «Меркурьевскій» баркасъ, за нимъ — «Златоустовскій», «Ростиславскій» и концевымъ баркасъ со «Свободной Россіи».

Состояніе неба ясное. Вѣтеръ — 1 баллъ. Въ морѣ — штиль...

Штурмана руководствуются звѣздами. Наличіе минъ не позволяетъ пользоваться компасомъ. Подъ банкой (скамейкой) разложена карта. Лучъ потайного фонаря освѣщаетъ ее... Берегъ во мглѣ. Смутно виднѣются не то тучи, не то очертанія скалъ.

Прямо на носу блеснула полоса. Проливъ!!! Берегъ совсѣмъ близко.

Явственнѣй сталъ стукъ моторовъ. Казалось, разбудитъ берегъ. Но «тамъ» все тихо пока. Ни звука.

Безмолвно, сосредоточенно сидятъ люди. Нервы натянуты. Уши улавливаютъ малѣйшій звукъ.

Въ 1 ч. 15 м. измѣрили глубину. 30 саженей. Показалась бухточка. Въ 1 ч. 50 м. снова взяли глубину, 20 саженей. Разстояніе до берега стало ужасающе близкимъ. Надъ самой головой нависли скалы. Вотъ-вотъ сверкнетъ выстрѣлъ. Вспыхнутъ прожектора. Загрохочетъ, зареветъ Босфоръ.

Прямо на носу что-то зачернѣло. Напряженно вытянулись шеи. Руки схватились за револьверы.

— Что это?! Катеръ?! Охрана?!

— Бочка!!

— А-а... бочка сторожевого судна... Гдѣ-то бродитъ здѣсь... Смотрѣть хорошенько!

Обогнули бочку. Потянуло одуряющимъ ароматомъ цвѣтовъ.

— Начать постановку! П—о—с—т—а—н—о—в—к—у... встревоженнымъ удаляющимся эхомъ прокатилось по линіи.

Послышался характерный звукъ хлюпнувшей мины.

Въ 2 ч. 15 м. постановка закончилась. Подошелъ «быстроходъ» и, взявъ на буксиры баркасы, полнымъ ходомъ повелъ изъ пролива.

Только на просторѣ моря вздохнули. Возбужденно загалдѣли. Почувствовался голодъ.

Повытаскивали ножи изъ за голенищъ. Изъ мѣшковъ хлѣбъ и сало. Стали закусывать. Къ разсвѣту были на «Меркуріи».

Первая ночь прошла. Наступала вторая и послѣдняя ночь — вторая половина операціи. Для многихъ она оказалась роковой.

10. Керенскій и Колчакъ

Пока черноморскіе моряки на своей собственной крови воздвигали въ Босфорѣ смертоносныя баррикады, Керенскій прибылъ въ Одессу и вызвалъ туда Колчака.

Изъ Одессы на миноносцахъ адмиралъ съ Керенскимъ прослѣдовали въ Севастополь.

Почти всю ночь оба не смыкали глазъ. Спорили. Убѣждали другъ друга. Горячились.

— Я, въ концѣ концовъ, отказываюсь понимать васъ, Александръ Федоровичъ. Для республики, въ военное время, нужна вооруженная сила. Я прилагалъ всѣ усилія сохранить ее. Писалъ и докладывалъ о тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя считалъ и считаю необходимыми. Если это не соотвѣтствуетъ видамъ правительства, оно сдѣлаетъ лучше, уволивъ меня. Я могу оставаться на своемъ посту только при извѣстныхъ условіяхъ, и разъ они непріемлемы — безсмысленно продолжать работать...

— Нѣтъ, Александръ Васильевичъ, вы не правы. Правительство цѣнитъ вашу работу и прекрасно понимаетъ ваши затрудненія. Оно, какъ и правительство прежняго состава, признательно вамъ за сохраненіе боеспособности Черноморскаго флота и считаетъ вашу замѣну нежелательной. Но вы сами понимаете, — мы переживаемъ тяжелое время броженія, и волей-неволей съ этимъ приходится считаться.

— Все это такъ, — возразилъ Колчакъ, — но вооруженная сила не можетъ существовать безъ дисциплины, безъ полнаго и нерушимаго повиновенія приказу. Какой бы вы ни взяли уставъ — нашъ или американскій — вы найдете одно и то же. Никакой разницы по существу. Вашъ же примѣръ партійной дисциплины тутъ неприложимъ. Партійная дисциплина не создается регламентомъ, а воспитаніемъ и развитіемъ въ себѣ чувства долга. Такая дисциплина можетъ быть у васъ, у меня, у отдѣльныхъ лицъ, но въ массахъ ея не существуетъ, и опираться на нее нельзя.

— Да, но вы забываете тотъ величайшій принципъ абсолютной цѣнности человѣческой жизни, который выдвинула революція. И правительство революціи должно первымъ преклониться передъ нимъ, первымъ должно исключить изъ своего обихода всякое убійство, всякое насиліе. Кровь имѣетъ свое особое очарованіе надъ человѣкомъ. Кровь порождаетъ кровь. Вы требуете отъ правительства невозможнаго. Если мы вновь вызовемъ къ жизни смертную казнь, послѣдствія ея будутъ неисчислимы. Въ условіяхъ нынѣшней анархіи она возродитъ кошмаръ французской революціи — гильотину.

— Мы съ вами говоримъ на разныхъ языкахъ. Вы говорите о революціи. Я — о войнѣ. Революція рождена войной. Разъ правительство вынуждено продолжать ее и считаетъ войну своей первоочередной задачей, оно должно считаться и со всей неумолимостью законовъ войны. Надо смѣло смотрѣть дѣйствительности въ глаза. Иначе лучше просто распустить команду и прекратить дѣятельность флота. Въ то время какъ мы съ вами здѣсь говоримъ, тамъ — у Босфора — идетъ опаснѣйшая и важнѣйшая операція. Она должна обезпечить намъ свободу плаванія и питанія

фронта. Но знаете ли вы, чтобы выполнить ее, я принужденъ былъ вызвать охотниковъ? Я долженъ былъ рисковать оглаской. У командованія нѣтъ больше увѣренности, что боевые приказы будутъ выполняться. При такихъ условіяхъ воевать нельзя. Быть же безмолвнымъ свидѣтелемъ развала и позора выше моихъ силъ. Подобное положеніе ведетъ насъ къ сепаратному миру и измѣнѣ общему дѣлу.

— Вы слишкомъ, адмиралъ, трагично смотрите на вещи. Вѣдь вотъ же — возьму вашъ примѣръ, — нашли же вы пути къ выполненію операціи. Конечно, тяжело, трудно, но что же подѣлаешь. Въ настоящихъ условіяхъ нѣтъ другого выхода, какъ обращаться къ совѣсти и разуму русскаго народа; будить его; вдохновлять. Что же касается сепаратнаго мира — правительство никогда и ни при какихъ условіяхъ не заключитъ его. Революція — именно она — отодвинула отъ насъ этотъ позоръ. Это старый режимъ, быть можетъ, стихійно и безсознательно, велъ насъ къ нему. Посудите сами — что мы получили въ наслѣдство отъ него. Полнѣйшій хаосъ и кризисъ въ транспортѣ. Продовольственную разруху, голодъ, отчаяніе массъ. Все усиливавшееся закрытіе фабрично-заводскихъ предпріятій, работающихъ на оборону. Сокращеніе добычи угля. Быстрое уменьшеніе количества дѣйствующихъ доменныхъ печей. И, наконецъ, несмотря на вашъ институтъ смертной казни — невѣроятное паденіе дисциплины и угрожающій ростъ дезертирства. Извѣстно ли вамъ, что къ 1 января 1917 г., т. е. за мѣсяцъ до революціи, въ арміи числилось въ бѣгахъ 1.200.000 солдатъ. Какъ видите, и смертная казнь здѣсь не помогала. Вотъ вамъ подлинная картина положенія Россіи зимой 1916 г. Картина, которую весь міръ съ тревогой наблюдалъ. Передъ страной стоялъ роковой вопросъ: или сепаратнымъ миромъ спасти себя отъ ужасовъ надвигающейся анархіи, забывъ о союзникахъ, или, рискуя всѣмъ, продолжать войну во имя великихъ общихъ міровыхъ задачъ. И я вамъ опредѣленно говорю — правительство Протопопова и Ко стояло именно на первой точкѣ зрѣнія. Оно вело насъ къ сепаратному миру во имя спасенія самодержавія.

— Но позвольте, — горячо воскликнулъ Колчакъ.

— А что же мы видимъ теперь? . . Развѣ сейчасъ мы не полнымъ ходомъ уже не идемъ, а прямо бѣжимъ къ этому позору? Совѣщаніе во Псковѣ пришло къ единодушному заключенію, что мы сражаться больше не можемъ. Армія бѣжитъ. Только суровыя мѣры, диктуемыя обстановкой, могутъ еще спасти фронтъ.

— Я повторяю, адмиралъ, — да, положеніе угрожающее, но не безнадежное. Смертная казнь насъ не спасетъ, какъ не спасла она и старый режимъ. Что же касается нашего общаго дѣла съ союзниками — революція въ значительной степени помогла ему. Уже одинъ фактъ паденія самодержавія создаетъ, какъ мы это видимъ теперь, возможность вступленія въ войну Соед. Штатовъ, ибо цѣли войны — цѣли демократическія, и самодержавію онѣ были не по пути. Уничтоживъ опасность сепаратнаго выхода Россіи изъ войны, революція тѣмъ самымъ создаетъ неизбѣжность пораженія германскаго имперіализма . . .

— Простите, но я долженъ откровенно сказать, Вы слишкомъ увлекаетесь революціей. Слишкомъ вѣрите въ силу слова и убѣжденія. Я самъ привѣтствовалъ переворотъ. Для меня было ясно, что дореволюціонное правительство не въ состояніи справиться съ задачами войны, что оно крайне непопулярно въ странѣ. Къ этой власти я относился вполнѣ отрицательно, считая, что изъ всѣхъ ея представителей работаетъ только одинъ — Григоровичъ. Я видѣлъ, что положеніе на фронтѣ становится все болѣе угрожаемымъ. Мое отношеніе къ революціи и опредѣлялось именно увѣренностью, что нужна какая-то радикальная перемѣна. Я надѣялся, что она и дастъ намъ возможность побѣдоносно закончить войну, т. е. то дѣло, которое я считалъ и считаю самымъ важнымъ, самымъ главнымъ, стоящимъ выше всего — и образа правленія, и политическихъ соображеній. Поэтому всѣ усилія наши и должны направиться исключительно въ эту сторону. Но война требуетъ жертвъ. Безъ нихъ не побѣдишь. И не только свою жизнь и кровь мы должны нести на алтарь отечества, но и направленныя къ нашему благу завоеванія революціи. Война прежде всего есть война. Рано или поздно она потребуетъ своего. Берегитесь только не опоздать.

До самой зари длился споръ. Каждый остался при своемъ. На утро прибыли въ Севастополь. Торжественная встрѣча. Громъ Марсельезы. Толпы людей...

Керенскій и Колчакъ объѣзжали корабли. Казалось, все идетъ по хорошему.

— Вотъ видете, Александръ Васильевичъ, — все улажено. Команда обѣщала мнѣ исполнить свой долгъ... Итакъ, адмиралъ, правительство надѣется, что вы останетесь на своемъ посту.

— Хорошо, попытаюсь...

11. Вторая ночь.

«Меркурій» подошелъ къ тому же мѣсту. Спустили баркасы. Посадили людей.

На этотъ разъ было сыро и холодно. Дулъ рѣзкій вѣтеръ.

Принявъ съ «Гнѣвнаго» мины, на буксирѣ «быстрохода» шлюпки тронулись въ проливъ. Но такъ какъ луна еще не зашла, пришлось выжидать.

Наконецъ, въ густой темнотѣ вошли въ Босфоръ. Та же грозная тишина. Дулъ встрѣчный вѣтеръ. Несмотря на парусиновый обвѣсъ, волны захлестываютъ баркасы. Обдаютъ брызгами мины и людей.

Загражденіе надо поставить въ бухточкѣ у маяка Анатоли-Фенаръ, подъ самыми батареями. Туда и направилась экспедиція.

Вотъ и маякъ...

Подошли вплотную. Легли вдоль берега. А вѣтеръ все крѣпчаетъ. Сильнѣе обдаютъ брызги. Опасно. Чеки вынуты. Между зажимовъ вставленъ сахаръ, какъ предохранитель отъ замыканія и взрыва. Если сахаръ растаетъ раньше времени — малѣйшій толчокъ можетъ взорвать мину. Вотъ почему опасны брызги. Отъ нихъ сахаръ становится вохкимъ и быстрѣе таетъ.

Началась постановка.

Первымъ поставилъ мины баркасъ «Свободной Россіи», вторымъ долженъ былъ ставить «Ростиславъ», когда возбужденный голосъ командира сосѣдняго — «Златоустовскаго» баркаса закричалъ — «уступите очередь. Меня заливаетъ»... «Ростиславъ» уступилъ.

Сталъ ставить «Златоустъ». Кончилъ. Началъ «Ростиславъ».

Въ зловѣщей тишинѣ послышался металлическій звукъ мины по рельсамъ и затѣмъ хлюпанье. Обостренность чувствъ не пропускала ни единаго звука, ни единаго шороха. Но на берегу попрежнему тихо. По временамъ доносился отдаленный лай собакъ, лязгъ сцѣпляющихся вагоновъ...

На кормѣ «Ростиславскаго» баркаса мичманъ Брикке съ секундомѣромъ въ рукѣ командовалъ постановкой... На груди, освѣщая секундомѣръ тончайшимъ игольчатымъ лучомъ, виситъ потайной фонарь, наглухо заклеенный непроницаемой бумагой съ булавочной дырочкой для луча. Одна за другой скатываются мины...

Вдругъ, на сосѣднемъ «Меркурьевскомъ» баркасѣ послышалось встревоженное движеніе и взволнованный голосъ Моисеева — «мѣняю сахаръ»... Почти въ тотъ же мигъ блеснуло ослѣпительное пламя и, потрясая окрестность, грохнулъ чудовищный ударъ.

На «Ростиславскомъ» баркасѣ всѣхъ смело съ ногъ... Раздались отчаянные вопли. Крики: — «руби концы» — «батареи открыли огонь»...

Въ первый моментъ ничего нельзя было понять. Оглушенные и ослѣпленные люди метались по шлюпкамъ. Неслись стоны. Все кричало. Командовало... Казалось батарея стрѣляетъ въ упоръ...

Но это была не батарея. Это былъ взрывъ мины на «Меркурьевскомъ» баркасѣ. Сахаръ растаялъ раньше времени. Командиръ только что хотѣлъ его замѣнить, какъ отъ нечаяннаго толчка на качкѣ послѣдовалъ взрывъ.

Освѣщенныя заревомъ пожара шлюпки обрубили концы, т. к. согласно инструкціи, въ случаѣ тревоги, всѣ рубятъ концы и спасаются самостоятельно.

На «Ростисловскомъ» баркасѣ пластомъ и въ корчахъ лежали убитые и искалѣченные люди. Раненый штурманъ, лейтенантъ Алексѣевъ, бросился съ носа на корму.

— Гдѣ командиръ?

— Раненъ!... Убитъ!...

Кругомъ слышались стоны. Столбъ пламени свер-

калъ надъ поверхностью воды. Горѣлъ бакъ съ бензиномъ.

Взрывъ сосѣда залилъ «Ростиславскій» баркасъ, разбилъ бортъ, повредилъ дейдвудную трубу, руль. Изъ за борта неслись отчаянные крики. То былъ сброшенный взрывомъ мотористъ Калиниченко. Его вытащили и положили на дно. Онъ безумно стоналъ.

Алексѣевъ бросился къ нему и въ темнотѣ нащупалъ какія-то мокрыя лохмотья. Ноги не оказалось. Было вырвано и плечо. Толстымъ шкертомъ скрутилъ заплечье и обрубокъ ноги, чтобы остановить хлеставшую кровь.

Раненый въ ногу, съ разбитымъ бедромъ мичманъ Брикке, стоя на колѣняхъ вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими минерами, успѣлъ все же сбросить еще двѣ мины, какъ, привлеченные взрывами, вспыхнули вражескіе прожектора.

Сверкающіе щупальцы зарыскали по проливу. Близко мелькали отъ баркасовъ, но, къ счастью, не задѣвали ихъ. Одинъ — нижнимъ краемъ, было, задѣлъ, но, не замѣтивъ, соскользнулъ.

Въ довершеніе бѣды застопорился моторъ... Увы! Единственный спеціалистъ-мотористъ умиралъ въ страшныхъ мукахъ... Все же, изъ послѣднихъ силъ, собравъ угасающее сознаніе, приподнялся и прошепталъ: — «свѣчи! Осмотрите свѣчи»! — и повалился ничкомъ.

Матросы выкачивали воду. Изъ 19 человѣкъ команды — 17 было ранено и оба офицера. Одинъ лежалъ съ вырванной рукой. Моторъ не дѣйствовалъ. Прожектора усиленно рыскали, но все мимо. Каждую секунду могли накрыть...

Алексѣевъ приказалъ сѣсть въ весла. Но только четверо могли грести. И то у одного на лѣвой рукѣ были оторваны всѣ пальцы, у другого глазъ болтался по щекѣ.

Между тѣмъ тяжелая трагедія происходила на «Меркурьевскомъ» баркасѣ. Командиръ лейтенантъ Моисеевъ лежалъ съ оторванными конечностями. Мичманъ Старченко, одѣтый въ тяжелое ватное пальто и высокіе сапоги, тонулъ въ кромѣшной тьмѣ. Хорошій пловецъ, онъ уже выбивался изъ силъ. Перекрутив-

шіеся ремни бинокля душили горло... Къ счастью, его замѣтили съ «Златоуста» и вытащили.

Съ оторванной кормой, послѣ послѣдовавшихъ сряду двухъ взрывовъ, «Меркурьевскій» баркасъ пошелъ ко дну, увлекая за собой и всѣхъ перебитыхъ, но еще живыхъ людей. Отъ ихъ душураздирающихъ криковъ содрогались сердца. Но въ хаосѣ взрывовъ, пожаровъ, слѣпящихъ лучей прожекторовъ, панически метавшихся по проливу, среди плавающихъ, оторвавшихся минъ и страшнаго нервнаго потрясенія, не было возможности обнаружить ихъ и спасти. Теченіе быстро уносило тонущій баркасъ...

Погибъ и «Златоустъ». Только благодаря исключительной доблести и хладнокровію промокшаго и контуженнаго мичмана Старченко (за что онъ и получилъ Георгіевскій крестъ) всѣ люди, включая тяжело раненыхъ, были спасены.

Въ 1 ч. 50 мин. пополуночи уцѣлѣвшіе баркасы подошли въ точку рандеву съ миноносцемъ «Пронзительный». Раненыхъ разложили по каютамъ, и миноносецъ полнымъ ходомъ понесся въ Севастополь, прямо къ госпитальному судну «Петръ Великій».

Неизмѣнныя, самоотверженныя сестры милосердія, г-жи Каськова, Евдокимова, Монастырева, съ безконечной заботливостью окружили носилки. Раненыхъ перенесли въ операціонный залъ.

Съ засученными рукавами, въ бѣлыхъ фартукахъ вошли наши знаменитые хирурги, д-ра Бильвейсъ и Муджири. Закипѣла работа...

Прибыли Керенскій и Колчакъ... Раненые матросы были тутъ же награждены Георгіевскими крестами. Вошли въ каюту офицеровъ.

— Благодарю васъ, господа! — Я завтра же соберу Георгіевскую Думу. — Всѣхъ васъ представляю къ ордену Св. Георгія 4-й степени — и адмиралъ каждому пожалъ руку.

Керенскій, замѣтивъ букетъ красныхъ розъ въ рукахъ одного изъ своей свиты, схватилъ его и сталъ разрывать. Букетъ не поддавался. Адмиралъ Васильковскій протянулъ ему кортикъ. Разорвавъ букетъ, Керенскій осыпалъ раненыхъ цвѣтами...

Эта операція была послѣдней вспышкой героизма

Черноморскихъ моряковъ. Лебединой пѣсней славнаго флота подъ сѣнью Андреевскаго флага. Кровавая волна большевизма захлестнула его.

* *
*

Баркасами было поставлено 66 минъ. Взрывомъ убиты: лейтенантъ **Моисеевъ,** Мичмана: **Псіолъ** и **Пасвикъ,** кадетъ Морского училища **Хрущовъ** и 11 матросовъ. Ранены: Лейтенантъ **Алексѣевъ,** Мичмана: **Брикке** и **Старченко** и 26 матросовъ. Много было контуженныхъ...

12. На «Свободной Россіи».

Керенскій уѣхалъ... Его пребываніе въ Севастополѣ и многословныя рѣчи не оставили по себѣ никакого впечатлѣнія на команды. Большевистская демагогія все болѣе захватывала ихъ. Но для окончательнаго завладѣнія массами необходимо было разрушить довѣріе къ командному составу и въ первую очередь къ Колчаку. Поэтому былъ пущенъ провокаціонный слухъ о якобы подготовляющемся офицерами «контръ-революціонномъ» выступленіи.

Несмотря на пропаганду, флотъ попрежнему продолжалъ выполнять боевыя заданія, и самъ командующій не разъ выходилъ въ море на своемъ флагманскомъ кораблѣ «Свободная Россія».

* *
*

Мощный силуэтъ дредноута, окруженный охранными миноносцами, величественно темнѣетъ въ пожарѣ вечерней зари. Горнисты протрубили «спускъ флага»...

На мостикѣ адмиралъ, окруженный «малымъ» походнымъ штабомъ. **Операція окончена.** «Свободная Россія» сворачиваетъ отъ Босфора...

Въ прошломъ году, въ этотъ самый день наши морскіе летчики бомбардировали Константинополь. Особенно отличился тогда мичманъ Сергѣевъ. Гидрокрейсеръ «Николай I-й» доставилъ его и другихъ летчиковъ въ ту же точку. Аппараты исчезли надъ Бос-

форомъ... «Николай I-й», въ ожиданіи ихъ возвращенія, крейсировалъ въ отдаленьи...

Наконецъ, всѣ аппараты вернулись, за исключеніемъ одного. Безрезультатно прождавъ его и рѣшивъ, что мичманъ Сергѣевъ погибъ, гидро-крейсеръ ушелъ...

Прошло нѣсколько дней. О летчикѣ ни слуха, ни духа. Однажды телефонъ изъ Акъ-Мечети вызываетъ штабъ флота.

— Кто говоритъ? — У аппарата дежурный флагъ-офицеръ.

— Такъ что жандармскій вахмистръ. — Поймали, ВВБ, шпіоновъ. Говорятъ по-русски. Одинъ называетъ себя флотскимъ офицеромъ.

— Подожди! Я сейчасъ доложу начальнику штаба.

Къ телефону подошелъ адмиралъ Погуляевъ.

— Такъ точно, Ваше Превосходительство, я и есть тотъ самый Сергѣевъ... Добрался на фелюгѣ... Жандармы арестовали...

Разговоръ убѣдилъ адмирала, что задержанный, дѣйствительно, мичманъ Сергѣевъ, и онъ тотчасъ же распорядился доставить его въ Севастополь.

Что же оказалось?

Когда Сергѣевъ бомбардировалъ порученный ему районъ, испортился моторъ. Пришлось снизиться. Турки, увидѣвъ вражескій аппаратъ, рѣшили его захватить и открыли ружейный огонь. Сергѣевъ не растерялся, и пока механикъ исправлялъ моторъ, энергично отстрѣливался изъ пулемета. Наконецъ, моторъ исправили и аппаратъ поднялся. Забравъ высоту, полетѣлъ къ гидро-крейсеру. Увы! его не оказалось. Покружилъ, поискалъ — нѣтъ крейсера. Что дѣлать?! Топливо на исходѣ, — до своихъ береговъ не долетишь.

На горизонтѣ показался парусъ. Полетѣлъ къ нему. Турецкая фелюга. Снизился и, открывъ пулеметный огонь, надъ самой водой, пошелъ въ атаку. Турки мгновенно спустили паруса и бросились въ шлюпку... Сергѣевъ сѣлъ на воду, перебрался съ механикомъ на шхуну, снялъ съ аппарата моторъ, аппаратъ уничтожилъ, поднялъ паруса и направился къ русскимъ берегамъ. Но... попалъ въ штилевую полосу. Голодъ и жажда, а ѣсть и пить нечего. Нашлась краюха чер-

ства хлѣба да полъ бутылки воды. Такъ и добрались до Акъ-Мечети.

* *
*

На мостикъ поднялся вѣстовой и доложилъ, что ужинъ поданъ. Адмиралъ и штабъ спустились въ салонъ.

Это было самое уютное помѣщеніе изъ всѣхъ салоновъ нашихъ флагманскихъ кораблей. Въ былое время, когда я состоялъ въ штабѣ адмирала Покровскаго, и мы ходили въ походы на «Екатеринѣ Великой» — такъ тогда называлась «Свободная Россія», мы — чины штаба — любили вечерами собираться здѣсь. Адмиралъ никогда не спускался съ мостика. Обѣдъ и ужинъ подавался ему туда. Мы же — свободные отъ штабной вахты — располагались въ глубочайшихъ, желтой кожи, креслахъ вокругъ горящаго камина, гдѣ «пылали» электрическіе дрова, создавая полную иллюзію до красна накаленныхъ полѣнъ. Появлялся сверкающій, замысловатый кофейникъ, тушились люстры, и такъ, въ пламени камина, мы любили помолчать. Охватывало особое, недоступное на сушѣ, бодрствующее полузабытье, навѣваемое заглушеннымъ шумомъ винтовъ, едва замѣтнымъ убаюкиваньемъ кормы и сознаніемъ покоя на пороховомъ погребѣ, когда ухо каждую секунду готово воспринять грохотъ подводнаго взрыва или сигналъ тревоги и звонъ боевыхъ колоколовъ...

* *
*

Адмиралу подали шифрованную депешу. Колчакъ взялъ ее и вышелъ изъ за стола. Всѣ поднялись за нимъ...

Депеша была тревожная. Севастополь доносилъ объ усилившихся волненіяхъ командъ и зловѣщихъ слухахъ о массовыхъ обыскахъ и намѣреніяхъ Совдепа разоружить офицеровъ.

— Передайте командиру — идти въ Севастополь, — распорядился Колчакъ.

13. Разоруженіе офицеровъ.

Внушительный митингъ въ 15.000 человѣкъ собрался на обширномъ экипажскомъ дворѣ. Яблоку

негдѣ упасть. Ораторы-большевики смѣнялись одинъ другимъ. Поносили Колчака, офицеровъ. Обвиняли его, Гучкова и Милюкова въ корыстныхъ стремленіяхъ захватить проливы, чтобы дешевле вывозить хлѣбъ. Рѣчи пылали ненавистью и местью.

Чтобы легче бороться съ личнымъ обаяніемъ Колчака и его умѣніемъ владѣть массами, большевики избрали иную тактику — тактику неожиданныхъ летучихъ митинговъ, одновременно собираемыхъ въ разныхъ мѣстахъ. Одному человѣку борьба съ подобной тактикой была физически невозможной, и результаты ея быстро сказались. Помимо воли огромнаго большинства командъ, Совдепъ, опираясь на всегда болѣе активное меньшинство, рѣшилъ устранить Колчака и даже арестовать его. Но затаилъ до поры до времени это рѣшеніе.

* *
*

Однажды командующій флотомъ получилъ приглашеніе новаго состава президіума Совдепа прибыть на вечернее соединенное засѣданіе Совѣта Р. и С. Депутатовъ и судовыхъ комитетовъ. Въ тотъ же день къ адмиралу явился унтеръ-офицеръ Киселевъ и сообщилъ, что засѣданіе будетъ боевымъ, такъ какъ на повѣстку дня поставленъ вопросъ о разоруженіи офицеровъ. Киселевъ былъ въ подавленномъ настроеніи и, будучи искреннимъ и преданнымъ другомъ Колчака, убѣждалъ его не ѣздить въ Совѣтъ.

Колчакъ все же поѣхалъ...

Прослушавъ рядъ неистовыхъ рѣчей о «контръреволюціи» офицеровъ и т. д., адмиралъ почувствовалъ такое отвращеніе ко всему этому сборищу, что не выдержалъ:

— Если ко мнѣ нѣтъ никакихъ вопросовъ, мнѣ незачѣмъ здѣсь терять время. Въ случаѣ нужды, можете вызвать меня, — обратился онъ къ предсѣдателю и, получивъ отвѣтъ, что пока никакихъ вопросовъ не поступало, уѣхалъ на корабль.

Поздно ночью пришелъ Киселевъ.

— Плохо дѣло! — Совѣтъ постановилъ разоружить офицеровъ. Хотя никакихъ данныхъ о заговорѣ

не обнаружилось, настроеніе командъ таково, что рѣшено завтра же разоружить всѣхъ.

* *
*

Наступило утро. День начался своимъ обычнымъ порядкомъ. Въ Севастополь прибыла американская морская миссія. Въ 4 часа дня адмиралъ долженъ былъ принять ее.

Но въ 3 часа съ одного изъ линейныхъ кораблей послѣдовало радіо, въ формѣ приказа: — **«разоружить офицеровъ и обыскать квартиры».**

Колчакъ немедленно приказалъ вызвать наверхъ всю команду своего флагманскаго корабля. Когда она собралась, вышелъ къ ней.

— Ваше требованіе безумно, — рѣзкимъ голосомъ началъ онъ. — Провокаторы толкаютъ васъ въ пропасть. Это они нашептываютъ вамъ о контръ-революціи офицеровъ. Но вы прекрасно знаете, что это ложь. Дѣятельность офицерскаго союза у всѣхъ на виду. Команды постоянно присутствуютъ на его собраніяхъ. И я самъ не допустилъ бы никакихъ выступленій, такъ какъ это только приблизило бы насъ къ окончательной гибели... Но ваше требованіе еще и преступно. Передъ лицомъ врага оно разрушаетъ мощь флота. Его я разсматриваю, какъ прямое оскорбленіе прежде всего мнѣ, и болѣе не желаю командовать вами, о чемъ сейчасъ же телеграфирую правительству.

Я приказалъ офицерамъ сдать оружіе судовымъ комитетамъ, но самъ своей сабли вамъ не отдамъ. Ее я заслужилъ въ честныхъ бояхъ и передамъ ее находящемуся здѣсь американскому адмиралу — доблестному представителю союзнаго народа. Съ этими словами Колчакъ пошелъ къ трапу и сталъ спускаться къ себѣ. Но на трапѣ онъ встрѣтилъ флагъ-офицера, выносившаго его золотую Георгіевскую саблю. Схвативъ ее, адмиралъ рѣзко повернулъ и снова вышелъ наверхъ. Команда продолжала стоять, словно окаменѣлся.

— Нѣтъ! — въ морѣ я ее заработалъ — морю ее и отдамъ.

Колчакъ поднялъ саблю и бросилъ за бортъ...

Задняя шеренга поддалась назадъ, заглянуть за

бортъ. По зеркальной глади рейда разбѣгались послѣдніе круги...

Въ тотъ же день, сдавъ командованіе флотомъ начальнику дивизіи линейныхъ кораблей, контръ-адмиралу Лукину и приказавъ спустить свой флагъ, Колчакъ отбылъ во дворецъ. Онъ отказался принять американскую миссію, передавъ ей, что болѣе не командуетъ флотомъ. Миссія, увидѣвъ происходящее, рѣшила немедленно вернуться въ Петроградъ.

Вечеромъ, около 8 часовъ, во дворецъ явилась делегація отъ Совдепа съ резолюціей объ устраненіи адмирала Колчака и предъявила ордеръ на обыскъ дворца. Позже получилось извѣстіе о рѣшеніи Совѣта арестовать Колчака. Не желая быть арестованнымъ въ присутствіи жены и сына, адмиралъ уѣхалъ ночевать на корабль.

Въ 3 часа ночи пришла телеграмма Керенскаго. Она также была адресована Совдепу и всѣмъ кораблямъ.

«Правительство разсматриваетъ происшедшее событіе, какъ актъ, враждебный революціи и родинѣ, и требуетъ немедленнаго прекращенія подобныхъ самоуправствъ. Вернуть оружіе офицерамъ. Адмиралу Колчаку, временно сдавъ командованіе старшему по себѣ, прибыть въ Петроградъ для личнаго доклада».

На слѣдующую ночь Колчакъ навсегда покинулъ Севастополь...

* * *

По прибытіи адмирала въ Петроградъ, особая депутація отъ Петроградскаго союза офицеровъ арміи и флота, во главѣ съ предсѣдателемъ его, полк. Новосильцевымъ, поднесла ему золотой Георгіевскій кортикъ съ надписью: **«Рыцарю чести адмиралу Колчаку отъ Союза офицеровъ арміи и флота».**

14. Въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ первыхъ числахъ іюня того же 1917 года къ Колчаку явился представитель американской миссіи и передалъ ему, что глава миссіи, адмиралъ Гленонъ, желалъ бы переговорить съ нимъ. Колчакъ предложилъ назначить день свиданія. Оно состоялось на слѣдующій день въ Зимнемъ дворцѣ.

— Цѣль моей миссіи, во-первыхъ, визитъ вашему

флоту. Затѣмъ насъ интересуютъ нѣкоторые вопросы по минному дѣлу и борьбѣ съ подводными лодками. Намъ извѣстно, что оно образцово было поставлено у васъ. Также интересуютъ насъ и ваши оперативныя предположенія, касающіяся Босфора. Не могли ли бы вы посвятить насъ въ нихъ.

Въ отвѣтъ на выраженіе согласія, американскій адмиралъ всталъ, подошелъ къ двери, заглянулъ за нее, плотно прикрылъ и, словно заговорщикъ, близко подсѣлъ къ Колчаку.

— Вотъ что, адмиралъ. То, что я сейчасъ скажу вамъ — глубочайшая тайна. Она должна оставаться между нами. Даже своему правительству я прошу васъ ничего не говорить. Дѣло въ слѣдующемъ. Мое правительство, заинтересованное быстрымъ окончаніемъ войны, намѣрено силами своего флота возобновить Дарданелльскую операцію, такъ какъ считаетъ, что пораженіе турокъ и захватъ проливовъ вѣрнѣе всего ликвидируютъ войну. Какъ бы отнеслись вы къ предложенію моего правительства принять непосредственное, личное участіе въ разработкѣ и осуществленіи этой операціи.

— Я къ нему отнесусь вполнѣ сочувственно, — отвѣтилъ Колчакъ. — Тѣмъ болѣе, сейчасъ я не у дѣлъ и пока не нашелъ себѣ никакого примѣненія.

— Отлично! Благодарю васъ.... Въ такомъ случаѣ я сейчасъ же телеграфирую моему правительству о вашемъ согласіи и съ вашего разрѣшенія возбужу ходатайство передъ вашимъ о командированіи васъ въ С. Штаты, подъ предлогомъ реорганизаціи у насъ миннаго дѣла.

На этомъ и порѣшили.

Правительство согласилось на командировку, и Колчакъ сталъ энергично готовиться къ ней и подбирать матеріалы. Онъ пригласилъ ѣхать съ собой 4-хъ офицеровъ-спеціалистовъ: лейтенантовъ Колечицкаго, Мезенцева, Безуара и Вуича. Но невозможно было поймать Керенскаго, чтобы подписать необходимыя для миссіи бумаги и визы. Въ эти дни Керенскій буквально разрывался на части и только урывками бывалъ въ морскомъ министерствѣ.

Наконецъ, Колчакъ узналъ, что Керенскій 4 іюля,

въ день, назначенный для выступленія большевиковъ, тайно уѣзжаетъ изъ Петрограда съ Царскосельскаго вокзала. Онъ поѣхалъ на вокзалъ, сѣлъ въ поѣздъ Керенскаго и сталъ его ждать... До прибытія въ Царское Село, всѣ бумаги были подписаны, и изъ Царскаго Колчакъ вернулся въ Петроградъ.

Нужны были еще и британскія визы. Бьюкененъ убѣдилъ Колчака ѣхать въ Англію подъ чужой фамиліей, — «вокругъ вашей миссіи много шума, и нѣмцы смогутъ перехватить васъ».

Адмиралъ согласился и хорошо сдѣлалъ. Тотъ пароходъ, на которомъ миссія должна была слѣдовать изъ Христіаніи въ Англію, но на который не поспѣла, былъ задержанъ въ Нѣмецкомъ морѣ германской подводной лодкой и миноносцами. Нѣмцы по списку вызывали русскаго адмирала Колчака, лейтенанта Безуара, Мезенцева и друг...

* * *

Въ послѣднихъ числахъ августа миссія покинула Лондонъ и на борту огромнаго транспорта «Карменія», конвоируемая эскадрой миноносцевъ, вышла въ океанъ... Черезъ десять дней прибыла въ Галифаксъ, гдѣ адмиралъ Колчакъ былъ встрѣченъ нашимъ морскимъ агентомъ, кап. 1 ранга Миштовтомъ и представителями американскаго флота. Для адмирала былъ поданъ вагонъ-салонъ, въ которомъ онъ, какъ почетный гость націи, отбылъ въ Нью-Іоркъ и въ Вашингтонъ.

Въ Бѣломъ Домѣ президентъ принялъ адмирала въ продолжительной аудіенціи. Разспрашивалъ о русскихъ дѣлахъ. Интересовался военными операціями, особенно рижской (нашъ флотъ тогда былъ вытѣсненъ изъ Рижскаго залива).

— Скажите, были ли подавляющими силы германскаго флота, и какъ тамъ обстояло дѣло раньше? — спросилъ Вильсонъ.

— Я былъ тамъ до 1916 года, когда получилъ назначеніе въ Черное море. Тамъ была произведена грандіозная оборонительная работа, была поставлена масса новѣйшихъ орудій. Позиція была неприступной. Но моральное состояніе командъ сейчасъ таково, что сражаться съ ними невозможно.

— Да! Вѣроятно, это и есть единственное объясненіе.

На этомъ аудіенція закончилась.

Колчакъ получилъ приглашеніе присутствовать на большихъ маневрахъ американскаго флота. Это было величественное зрѣлище. Послѣ маневровъ флотъ дефилировалъ мимо флагманскаго корабля «Пенсильванія», на мостикѣ котораго, рядомъ съ главнокомандующимъ адмираломъ, стоялъ русскій адмиралъ.

Вскорѣ, однако, выяснилось, что планъ Дарданелльскихъ операцій отставляется, въ виду необходимости перебросить на французскій фронтъ значительное количество войскъ. Миссія занялась чисто академической работой, при морской академіи.

Съ окончаніемъ работъ, въ виду отпаденія вопроса о дессантныхъ операціяхъ, Колчакъ рѣшилъ вернуться на родину. Къ тому же общественное мнѣніе С. Штатовъ становилось все болѣе враждебнымъ Россіи. Оттуда шли зловѣщія извѣстія о полномъ развалѣ фронта, о захватѣ власти большевиками и Брестъ-Литовскихъ переговорахъ. Колчакъ уѣхалъ.

Въ Санъ-Франциско, передъ самымъ отходомъ парохода, онъ получилъ телеграмму кадетской партіи, предлагавшей ему выставить свою кандидатуру въ Учредительное Собраніе по Балтійскому и Черноморскому флотамъ. Колчакъ немедленно отвѣтилъ согласіемъ, и на пароходѣ «Карно-Мару», черезъ Гавай, отбылъ въ Іокогаму. Въ Токіо британскій посолъ, сэръ Гринъ, отъ имени короля, передалъ адмиралу блестящее предложеніе въ индійскую армію на мессопотамскій фронтъ, но въ Шанхаѣ, куда по пути въ Бомбей прибылъ Колчакъ, получилась срочная депеша отъ нашего посланника въ Пекинѣ, князя Кудашева: «Великобританское правительство, въ виду положенія на Дальнемъ Востокѣ, выражаетъ пожеланіе, чтобы, въ интересахъ обще-союзническаго дѣла, вы слѣдовали на Востокъ. Прошу предварительно заѣхать въ Пекинъ для переговоровъ».

Эта депеша рѣшила участь Колчака. Онъ поѣхалъ на Дальній Востокъ...

15. Конецъ.

Наступилъ 1920 годъ... Кошмарный, памятный русскимъ людямъ. Царство смерти, голода и сыпняка...

Морскіе офицеры попрежнему стремились въ Сибирь, къ Колчаку. Преодолѣвая тысячи препятствій и смертельныхъ опасностей, они просачивались къ нему. Такъ, сѣверными путями проникла въ Сибирь послѣдняя небольшая группа офицеровъ вмѣстѣ съ кап. 2 ранга Р. — сослуживцемъ Колчака по генеральному штабу. Сквозь тундры, льды и снѣга добралась до Иртыша, и въ Тобольскѣ, со вскрытіемъ рѣки, на какомъ то пароходишкѣ тронулась къ Омску.

Разнеслась вѣсть, что внизъ по рѣкѣ идетъ правитель. Всѣмъ судамъ приказано было задержаться у береговъ... Вскорѣ показался большой пароходъ, слѣдовавшій посединѣ рѣки. На гротъ-мачтѣ развѣвался родной Андреевскій флагъ съ гюйсомъ въ серединѣ — флагъ главнокомандующаго...

Пароходъ приблизился... На верху, окруженный генералитетомъ и штабомъ, стоялъ Верховный правитель. Въ походномъ френчѣ, орлахъ и казачьей шашкѣ съ георіевскимъ темляковъ. Увидѣвъ его, офицеры замахали фуражками. Вспыхнуло ура. Колчакъ приказалъ остановить пароходъ и принялъ офицеровъ.

. . . . . .

Наступила ночь. Погасли огни. Генералитетъ разошелся по каютамъ. Правитель остался одинъ. Вызвалъ къ себѣ пріѣхавшихъ моряковъ.

— Я радъ васъ видѣть, господа, но не во время вы пріѣхали, — среди своихъ друзей адмиралъ не боялся быть откровеннымъ. — Васъ интересуетъ положеніе дѣлъ. Оно не важно. У меня всего 30.000 войскъ. Нѣтъ силъ бороться съ большевистской лавой. Они сейчасъ готовятъ прорывъ. Фронтъ можетъ быть прорванъ въ любой моментъ. Но мы будемъ бороться до конца. Я завтра произведу смотръ войскамъ. Вы же отправляйтесь въ Омскъ, — тамъ получите назначеніе...

Больше этимъ офицерамъ не суждено было увидѣть Колчака.

Армія отступила. Въ тылу вспыхнуло возстаніе. Остальное извѣстно...

* *
*

Когда въ Москву пришла вѣсть объ убіеніи Колчака, и на одномъ изъ собраній кто-то сталъ поносить его, матросы оборвали говорившаго:

— Вы не смѣете такъ отзываться о Колчакѣ. Онъ дрался противъ насъ и долженъ былъ быть казненъ, но онъ герой и молодчина...

Письмо адмирала фонъ Эссена.

Съ объявленіемъ Германіей войны Россіи, въ Швеціи вспыхнулъ цѣлый рядъ массовыхъ демонстрацій, направленныхъ противъ насъ. Шведское правительство, несмотря на объявленный нейтралитетъ, заняло позицію, явно угрожающую Россіи. Оно всячески содѣйствовало Германіи, способствовало устроенію тайныхъ базъ для ея подводныхъ лодокъ, укрывало подъ своими берегами ея надводный военный и торговый флотъ, снабжало Германію металлами и зерномъ, спеціально для этого закупавшимся въ Россіи и на шведскихъ караванахъ доставлявшимся въ Германію и, наконецъ, при посредствѣ своихъ тайныхъ и явныхъ агентовъ, яростно агитировало въ Финляндіи, провоцируя ее на отдѣленіе отъ Россіи и присоединеніе къ Швеціи.

Такое поведеніе Швеціи создавало немалую угрозу для Россіи и въ значительной степени осложняло положеніе нашего Верховнаго командованія возможностью появленія новаго фронта. Въ еще большей степени оно отражалось на дѣятельности нашего Балтійскаго флота, ибо наличіе въ Швеціи довольно сильнаго шхернаго флота изъ полутора десятка броненосцевъ обороны, мониторовъ, флотиліи миноносцевъ и нѣсколькихъ подводныхъ лодокъ создавало крайнюю напряженность на флангѣ нашего морского театра и видоизмѣняло весь дѣйствующій планъ обороны Балтійскаго моря.

Все это очень волновало адмирала Эссена. Считая, по всему ходу событій, выступленіе Швеціи на сторонѣ Центральныхъ державъ, неизбѣжнымъ, и это тѣмъ бо-

лѣе, что планъ войны такое выступленіе предусматривалъ, онъ рѣшилъ преудпредитъ его.

Флагъ-капитанъ оперативной части, капитанъ 1-го ранга Колчакъ, разработалъ операцію, и 27 іюля 1914 г. Балтійскій флотъ, въ полномъ составѣ, вышелъ въ море съ намѣреніемъ развернуться для неожиданной атаки шведскаго флота, демонстративно сосредоточеннаго въ сѣверной части Готланда.

Передъ выходомъ въ море, было. послано въ Петроградъ донесеніе главнокомандующему VI арміи, которому Балтійскій флотъ былъ подчиненъ. Въ этомъ донесеніи адмиралъ Эссенъ просилъ разрѣшенія, при встрѣчѣ съ шведскимъ флотомъ, предъявить ему ультиматумъ объ оставленіи послѣднимъ, на все время войны, сѣверной части Балтійскаго моря, угрожая въ противномъ случаѣ уничтожить его. Къ донесенію была приложена копія письма, которое адмиралъ Эссенъ намѣревался передать при этой встрѣчѣ шведскому адмиралу.

Вотъ это письмо:

«Ваше Превосходительство.

Хотя въ настоящей войнѣ между Россіей и Германіей шведское правительство и объявило нейтралитетъ, и ничто, повидимому, не нарушаетъ дружескихъ отношеній между нашими государствами, я все же не могу не обратить Вашего вниманія на то, что въ періодъ, ближайшій передъ началомъ войны, на родинѣ Вашей былъ цѣлый рядъ манифестацій въ пользу вооруженія для борьбы съ Россіей. Учитывая это обстоятельство, а также принимая во вниманіе трудность своевременнаго полученія точныхъ извѣстій объ истинныхъ намѣреніяхъ Швеціи и ея вооруженныхъ силъ, я обращаюсь къ Вамъ, Милостивый Государь, съ предложеніемъ провести весь шведскій флотъ въ Карлскрону, съ покорнѣйшей просьбой не выходить оттуда во все время продолженія войны Россіи съ Германіей.

Какъ военный, Вы поймете мое распоряженіе моимъ кораблямъ при встрѣчѣ съ какимъ бы то ни было военнымъ судномъ въ предѣлахъ Балтійскаго моря и его заливовъ — немедленно его уничтожить.

Прошу считать, адмиралъ, это мое заявленіе дружественнымъ актомъ, устраняющимъ печальную воз-

можность возникновенія случайныхъ военныхъ дѣйствій между нашими флотами и націями.

Примите, Милостивый Государь, мои увѣренія въ отличномъ уваженіи»...

Отправивъ донесеніе, адмиралъ Эссенъ просилъ Главнокомандующаго условнымъ знакомъ телеграфировать отвѣтъ въ Гельсингфорсъ, откуда онъ будетъ немедленно переданъ въ квадратъ сосредоточенія русскаго флота.

Оставивъ на «Аріаднѣ», на прямомъ проводѣ съ Петроградомъ, флагъ-капитана распорядительной части своего штаба, капитана 2-го ранга Руденскаго, адмиралъ Эссенъ вышелъ въ море во главѣ своего флота...

Условной депеши не получалось...

Наконецъ, пришелъ запретительный отвѣтъ съ приказаніемъ флоту немедленно вернуться въ базу.

На этомъ все дѣло и закончилось.

Рижская операція.

Зима 1914—1915 г. кончилась довольно печально для германской эскадры Балтійскаго моря. Пользуясь длинными ночами и непогодой, русскіе корабли засыпали минами германскія воды, вплоть до Киля, и принудили нѣмцевъ перенести свою базу изъ Данцига въ Свинемюнде. Непріятель потерялъ на минахъ цѣлый рядъ боевыхъ кораблей и транспортовъ, и нѣмцамъ пришлось серьезно считаться съ возможностью нападенія на самый Киль.

Но на сухопутномъ фронтѣ усилія Гинденбурга увѣнчались успѣхомъ — русская армія была принуждена отступить за государственную границу. Флангъ германской арміи уперся въ Рижскій заливъ...

31 іюля германскій морской постъ у Михайловскаго маяка донесъ своему штабу, что въ Рижскій заливъ вошелъ русскій линейный корабль «Слава», котораго до Цереля сопровождали два дредноута: «Гангутъ» и «Петропавловскъ». Это показывало, что русскіе намѣрены серьезно оборонять заливъ. Положеніе фланга германской арміи становилось критическимъ. Нѣмцы тотчасъ же начали усиленную воздушную развѣдку

надъ заливомъ. Однако, развѣдка эта мало что дала. Цеппелинъ L 5 былъ скоро сбитъ нашимъ огнемъ...

Приходъ «Славы» и намѣреніе германской арміи занять Ригу дали толчокъ къ ихъ крупной морской операціи противъ Рижскаго залива. Во главѣ всѣхъ морскихъ силъ, дѣйствовавшихъ противъ него, былъ поставленъ адмиралъ Шмидтъ. Съ германской стороны въ операціи приняли участіе: 8 дредноутовъ, 3 крейсера-дредноута, 7 броненосцевъ, 11 крейсеровъ, 69 миноносцевъ, 4 подводныхъ лодки и 48 тральщиковъ. Чтобы не спутать свои миноносцы съ русскими, заднія трубы нѣмецкихъ миноносцевъ были выкрашены въ желтый цвѣтъ.

8 августа германскіе тральщики приступили къ работѣ. Наши канонерки «Храбрый» и «Грозящій» и около 20-ти миноносцевъ, по выраженію нѣмцевъ, **«прекрасно пристрѣлявшись»,** — усиленно мѣшали ихъ продвиженію. Наконецъ, «Бременъ» ихъ отогналъ. Но подошла «Слава» и отбросила «Бременъ». Тогда противъ нея двинулись два броненосца и, послѣ перестрѣлки, заставили уйти «Славу».

9-го германскіе тральщики все еще не могли справиться съ миннымъ полемъ, **хотя уже понесли чувствительныя потери.** На этомъ и закончилась первая наступательная попытка противъ Ирбенской позиціи. Адмиралъ Шмидтъ донесъ: — **«операція прервана, такъ какъ минная защита очень сильна. Обнаружено нѣсколько рядовъ загражденія».**

Неудача вызвала оживленный обмѣнъ мнѣній въ германскихъ штабахъ. Адмиралъ Шмидтъ считалъ, что операція возможна и необходима, но съ большимъ количествомъ тральщиковъ. Генералъ Фалькенгайнъ предупреждалъ, что армія пока не собирается брать Ригу. Принцъ Генрихъ Прусскій, командовавшій всѣми морскими силами, дѣйствовавшими противъ Россіи, былъ за немедленное продолженіе операцій — «изъ стратегическихъ, военныхъ и моральныхъ соображеній». Кайзеръ пребывалъ въ нерѣшительности. Опасаясь за флангъ своей арміи, онъ требовалъ уничтоженія «Славы», но не рискуя морскими силами. Адмиралъ же Тирпицъ былъ категорически противъ операціи. — «Я нахожу ее опасной и необоснованной безъ

одновременнаго наступленія арміи на Ригу. **Безъ ея участія придется очистить заливъ, что Россія сочтетъ за свой успѣхъ...»**

Тѣмъ не менѣе, было рѣшено повторить операцію, чтобы не обнаруживать передъ русскими своей слабости.

Адмиралъ Шмидтъ поднялъ свой флагъ на дредноутѣ «Позенъ», и 16-го августа операція возобновилась. Тральщики приступили къ траленію, и тотчасъ же одинъ изъ нихъ взлетѣлъ на воздухъ. Остальные продолжали продвигаться впередъ подъ прикрытіемъ крейсеровъ...

Вдали, за загражденіемъ, виднѣлись «Слава», канонерка «Храбрый», «Новикъ» и миноносцы...

17 августа тральщики продолжали свою работу. Германскіе дредноуты вступили въ бой со «Славой». Получивъ три пробойны «Слава» отошла.

Тральщики телеграфировали о все возростающихъ трудностяхъ — «большія и малыя мины, поставленныя на разныхъ глубинахъ и по разнымъ направленіямъ, мѣшаютъ всякой систематической работѣ».

18 августа, наконецъ, была осилена послѣдняя преграда.

19-го — въ Рижскій заливъ осторожно потянулась длинная колонна германскихъ кораблей. Впереди тральщики, за ними 2 крейсера, далѣе 2 дредноута, заградитель, опять 2 дредноута и т. д. — всѣ окруженные флотиліями миноносцевъ. Надъ заливомъ лежала мгла...

Въ полдень крейсеръ и миноносцы разсыпались вѣеромъ въ завѣсу.

Въ 5 ч. 30 м. германскій флотъ подошелъ ко входу въ Моонзундъ...

Гибель „Сивуча“ [1]).

Съ проникновеніемъ крупныхъ вражескихъ силъ въ Рижскій заливъ охранявшіе его русскіе корабли — «Слава», «Храбрый», «Грозный», — и миноносцы вошли въ Моонзундъ. Канонерки «Сивучъ» и «Кореецъ»

[1]) По матеріаламъ лейтенанта Бердяева.

остались въ Ригѣ для бомбардировки нѣмецкихъ береговыхъ позицій. Отъ своего ближайшаго начальника, капитана 1-го ранга Трухачева, они получили извѣщеніе, что Рижскій заливъ занятъ непріятелемъ и что имъ предписывается оставаться въ Ригѣ и, въ крайнемъ случаѣ, подыматься по Двинѣ. Но почти одновременно получилась депеша отъ командующаго флотомъ адмирала Канина съ приказаніемъ немедленно идти въ Моонзундъ, на соединеніе съ минной дивизіей.

Въ силу этого распоряженія, канонерки покинули Ригу и, взявъ курсъ на Моонзундъ, пошли на-перегонку залива...

Стоялъ густой туманъ. Кругомъ — сплошное-молоко. Рѣдко-рѣдко появлялись просвѣты...

Канонерки, слѣдуя въ кильватеръ одна за другой, медленно и осторожно продвигались впередъ...

При подходѣ къ мысу Кунъ туманъ полегчалъ. Въ его облакахъ появился какой-то силуэтъ... Не успѣли пробить «тревогу», какъ изъ тумана выплылъ германскій крейсеръ «Аугсбургъ», какъ выяснилось впослѣдствіи, шедшій изъ Пернова на присоединеніе къ своимъ главнымъ силамъ.

Завязался бой... Продолжался онъ нѣсколько мгновеній, т. к. новая волна тумана разъединила враговъ.

Канонерки продолжали свой путь на Моонзундъ... Въ теченіе получаса сплошное молоко опять окружило ихъ, когда, вдругъ, туманъ порѣдѣлъ и длинная колонна силуэтовъ показалась близко, слѣва отъ нихъ.

Это шли главныя германскія силы...

Разстояніе до нихъ было всего 5—6 кабельтовъ...

Какъ потомъ выяснилось, нѣмцы сперва увидѣли только одинъ силуэтъ. Благодаря извращенію тумана приняли его за «Славу». Мгновенно вспыхнули прожектора, и всѣ дредноуты, во главѣ съ флагманскимъ «Позеномъ», открыли по «Сивучу» ураганный огонь...

Но почти моментально туманъ снова сгустился... Старшій изъ командировъ, командиръ «Сивуча», сдѣлалъ прожекторомъ сигналъ «Корейцу» — «идти по способности въ Моонзундъ», а самъ легъ на него.

Туманъ опять порѣдѣлъ. Засвѣтились германскіе прожектора. Дредноуты возобновили огонь...

Сознавая неминуемую гибель обѣихъ канонерокъ, капитанъ 2-го ранга Черкасовъ повернулъ своего «Сивуча» прямо на врага, съ цѣлью принять на себя всю силу его огня и тѣмъ дать время «Корейцу» скрыться во мглѣ...

Открывъ огонь по головному дредноуту, — «Сивучъ» самоотверженно пошелъ на смерть...

Среди грохота пальбы, водяныхъ смерчей, дыма, огня, лохмотьевъ тумана шелъ «Сивучъ» на врага...

Въ потокахъ обрушившихся на него фонтановъ воды, въ облакахъ пара изъ разбитыхъ трубъ, съ зіяющими пробоинами и свернутымъ носомъ, онъ мужественно стрѣлялъ изъ всѣхъ своихъ орудій.

— Крѣпись, Петръ Нилычъ! — кричалъ старый боцманъ на мостикѣ своему командиру...

...Бѣшеный залповый огонь дредноутовъ рваль «Сивучъ» въ клочья... Мостикъ и надстройка рухнули... Командиръ убитъ... Почти всѣ офицеры перебиты... Палуба усѣяна трупами матросовъ... Но корабль все идетъ впередъ...

Это былъ уже не «Сивучъ», а безформенный, плавущій въ буромъ дыму, остовъ.

Объятый пламенемъ, съ раскаленными, шипящими отъ вливающейся воды, бортами, онъ продолжалъ огонь изъ уцѣлѣвшихъ орудій, но... силы его слабѣли... слабѣлъ его ходъ...

Полузатопленный, исковерканный, съ ушедшимъ подъ воду развороченнымъ носомъ, горящій, залитый кровью, гибнущій въ дыму и чаду, но еще державшійся на водѣ, «Сивучъ» остановился... Онъ уже былъ не въ силахъ двигаться ни впередъ ни назадъ...

А дредноуты, мощные, со сверкающими прожекторами, бронированные великаны продолжали распинать его... Съ ураганнымъ воемъ неслись въ истекающій «Сивучъ» ихъ ужасные залпы за залпами...

Накаленная температура раскаленной стали, ядовитые газы разрывовъ душили и расшвыривали послѣднихъ бойцовъ, ноги скользили въ крови, обжигались въ огнѣ... **Но дважды сбитый и дважды замѣненный кормовой флагъ продолжалъ развѣваться** на немъ, а протянутая рука послѣдняго оставшагося въ живыхъ офицера, тяжело раненаго мичмана Мурзина указы-

вала послѣднему комендору у послѣдней пушки — **стрѣлять.**

Наконецъ, нѣмцы опомнились... На «Позенѣ» зажегся сигнальный огонь, и дивизіонъ изъ пяти эскадренныхъ миноносцевъ бросился въ атаку...

...Вспыхнуло бѣлое зарево взрыва и одновременно желтый огонь послѣдняго выстрѣла послѣдняго комендора...

Не стало «Сивуча»...

Только облачко пара, словно его отлетѣвшая душа, на мгновенье колыхнулось надъ могилой и исчезло во мглѣ...

Вотъ тѣ нѣсколько строкъ, которыя нѣмцы удѣлили, въ упомянутомъ трудѣ, геройской гибели «Сивуча».

«...Черезъ нѣсколько минутъ русскій корабль, окруженный фонтанами взрывовъ 11-дюймовыхъ снарядовъ, весь въ огнѣ и храбро отстрѣливаясь изъ всѣхъ своихъ орудій, опрокинулся и затонулъ, послѣ произведенной на него 5-ю миноносцами атаки. Было спасено нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ нѣкоторые скончались отъ полученныхъ ранъ»...

* * *

...На германскомъ дредноутѣ «Нассау» команда и офицеры выстроены во фронтъ...

Осторожно подымается шлюпка съ израненными, выловленными нѣмцами изъ воды четырнадцатью героями «Сивуча»... Среди мертвой тишины торжественно несутся звуки... **русскаго гимна...** Они не смолкаютъ во все время, пока вдоль выстроенныхъ шпалеръ тянется на перевязочный пунктъ вереница носилокъ съ искалѣченными бойцами... Самъ командиръ встрѣчаетъ ихъ и пожимаетъ руку мичману Мурзину и инженеру-механику Огурешникову...

* * *

На слѣдующій день адмиралъ Шмидтъ неожиданно рѣшилъ прекратить операцію и уйти изъ залива...

Нѣмцы объясняютъ свой уходъ неблагопріятной погодой и опасностью атакъ нашихъ подводныхъ ло-

докъ. Проникнутый наступательнымъ духомъ принцъ Генрихъ и тотъ согласился съ этимъ соображеніемъ своего адмирала.

21-го августа германскій флотъ удалился... Погибли крейсеръ «Тетисъ» и пять миноносцевъ. Атаками подводныхъ лодокъ выведены изъ строя крейсера-дредноуты «Мольтке» и «Фонъ-деръ-Таннъ», повреждены артиллерійскимъ огнемъ крейсеръ «Аугсбургъ» и четыре миноносца... Какъ предсказывалъ Тирпицъ — **нападеніе на Рижскій заливъ окончилось успѣхомъ русскихъ...**

Нѣмцамъ оставалось утѣшать себя мыслью, что англичане никакъ не помогли своему союзнику, **хотя половина германскаго флота открытаго моря дѣйствовала противъ насъ.** Между тѣмъ, одна лишь угроза англійскаго флота Гельголанду сорвала бы всю операцію. Къ счастью для нѣмцевъ, британское адмиралтейство не проявило рѣшительно никакой активности...

Дѣло на банкѣ „Споунъ".

Благодаря поразительной организаціи нашей службы связи, не только Балтійскій флотъ и верховное командованіе, но и всѣ наши союзники всегда освѣдомлялись нами о всѣхъ передвиженіяхъ непріятельскихъ кораблей.

Любопытно, что значительную помощь въ этомъ дѣлѣ оказали сами нѣмцы своей пунктуальной аккуратностью и методичностью. Такъ, напримѣръ: нѣмцы всегда ставили дату и часы вначалѣ телеграммъ и всегда въ точно установленное время методично телеграфировали о разныхъ обстоятельствахъ плаванья, указывали свои мѣста, рапортовали о благополучіи и проч. При незаурядной талантливости, прекрасномъ знаніи языка и нѣмецкой психологіи, стоявшему во главѣ шифровальнаго дѣла капитану 2-го ранга Пржеленскому не стоило большого труда, при непрерывномъ наблюденіи за дѣйствіями германцевъ, установить криптографъ и составить, первоначально въ грубыхъ чертахъ, германскій кодъ. Уже къ веснѣ 1915 года эта работа была закончена, и Балтійскій флотъ былъ освѣдомленъ

о всѣхъ движеніяхъ, нѣмцевъ. Благодаря этому мы всегда во-время могли предупредить союзниковъ о планахъ противника.

Что касается до опредѣленія по радіо мѣстъ вражескихъ кораблей, то и въ этомъ отношеніи союзники всецѣло обязаны намъ. Благодаря особымъ приборамъ, — изобрѣтеннымъ капитаномъ 1 ранга Ковальскимъ — **радіо-пеленгаторамъ,** мы были всегда въ курсѣ передвиженія непріятельскихъ судовъ. Установленные капитаномъ 1 ранга Постриганевымъ пять этихъ приборовъ по нашему побережью давали намъ точное мѣсто всякаго, говорящаго по радіо, корабля.

Для наглядной иллюстраціи сказаннаго привожу слѣдующій эпизодъ.

Вскорѣ послѣ Рижской операціи служба связи телеграфировала командующему минной дивизіей кап. 1 ранга Колчаку: — **«нѣмцы выслали на ночь къ банкѣ «Споунъ»** (въ 30-ти миляхъ на нордъ-вестъ отъ Виндавы) **вооруженное сторожевое судно съ предписаніемъ въ полночь зажечь на мачтѣ огонь для оріентировки идущаго изъ Швеціи германскаго каравана».**

Колчакъ съ «Новикомъ» и пятью миноносцами тотчасъ же вышелъ въ море, взявъ курсъ на банку...

Скрытые ночной темнотой миноносцы приближались въ строѣ кильваторной колонны, имѣя «Новикъ» на правомъ траверзѣ головного...

Вдругъ, сигнальный унтеръ-офицеръ «Новика», знаменитый своимъ зрѣніемъ Косовъ, видѣвшій ночью лучше совы, замѣтилъ сперва по носу какой-то силуэтъ.

— ВВБ! Силуэтъ! — Только не понять, что оно..

Но никто, кромѣ Косова, рѣшительно ничего не видѣлъ...

Наконецъ, командиръ разобралъ, что дѣйствительно вдали какъ будто что-то чернѣетъ...

На мостикъ доставили депешу... Служба связи телеграфировала: «даю обстановку двѣ точки въ районѣ банки Споунъ наша подлодка «Вепрь».

Мостикъ насторожился... А вдругъ это наша лодка?!... Косовъ видѣлъ возвышеніе посерединѣ — быть можетъ, ея рубка...

Передали «ратьеромъ» Колчаку на миноносцы — «видимъ силуэтъ».

Отвѣтъ — «осмотрите».

Вдругъ изъ силуэта повалилъ дымъ...

А-а, стало быть, не лодка...

Опредѣлили свое мѣсто — банка.

Въ этотъ моментъ надъ ней засвѣтился огонекъ. Взглянули на часы — полночь. **Все, какъ предсказывала служба связи.**

Сомнѣній не было...

Донесли «маракіей»[1]), Колчаку — «видимъ сторожевое судно»...

Не шумя, словно тѣнь, «Новикъ» подкрадывается къ нему... Врагъ ничего не замѣчаетъ... На его мачтѣ продолжаетъ свѣтиться огонекъ...

Разомъ грохнули четыре орудія «Новика».

Какъ свѣча среди ночи, вспыхнулъ «силуэтъ».

— Бѣглый огонь!

На мостикъ влетѣлъ телеграфистъ съ перехваченной нѣмецкой депешей: «...насъ обстрѣливаютъ»... На этомъ депеша обрывалась.

Вдругъ, откуда-то, съ противоположной стороны, посыпались снаряды. Рядъ всплесковъ поднялся кругомъ «Новика»... Между тѣмъ сторожевое судно не стрѣляло. Кто-то другой стрѣлялъ изъ за него...

Дали полный ходъ, чтобы заглянуть, кто скрывается позади. Едва отошли, — увидѣли длинную полосу огненныхъ вспышекъ...

— ВВБ! — раздался радостный крикъ артиллерійскаго кондуктора:

— Это наши — свѣтящіеся.

Дѣйствительно, снаряды летали, какъ падающія кометы. Такіе были только у насъ. Вѣроятно, Колчакъ зашелъ по другую сторону и взялъ непріятеля въ два огня.

Ничего не оставалось, какъ отойти.

Костеръ все больше разгорался... Вдругъ ярко вспыхнулъ и погасъ.

Миноносецъ бросился спасать людей.

Обнаружили шлюпки. Въ ней оказались командиръ — нѣмецкій лейтенантъ резерва и боцманъ. Поднявшись на миноносецъ, командиръ сталъ упрашивать

---

[1]) Слабое радіо.

Колчака поскорѣй уходить, такъ какъ онъ успѣлъ вызвать подмогу.

— Достаточно съ меня этихъ авантюръ. Я уже два раза тонулъ. Предпочитаю теперь отдохнуть въ плѣну...

Колчакъ приказалъ обслѣдовать районъ...

Вдругъ, на «Страшномъ» услышали доносившееся изъ темноты хоровое пѣніе. Прислушались... Порывы вѣтра ясно доносили хоръ нѣсколькихъ голосовъ, пѣвшихъ по русски одно слово — **«спасите».**

Миноносецъ повернулъ... Вскорѣ зачернѣла шлюпка, наполненная людьми. Одинъ, стоя посрединѣ, дирижировалъ хоромъ... Оказался нѣмецкій полякъ, знавшій немного по-русски. Отчаявшись спастись, чтобы быть услышаннымъ, организовалъ хоровое «спасите».

Принявъ къ себѣ всѣхъ людей, отрядъ пошелъ на Моонзундъ...

Такъ, благодаря замѣчательной организаціи службы связи, германское сторожевое судно, изображавшее собой пловучій маякъ, было «снято», а нѣмецкій караванъ, не получивъ условленной оріентаціи, не рискнулъ идти дальше и повернулъ обратно къ шведскимъ берегамъ...

Гибель „Магдебурга".

Въ ночь съ 12 на 13 авг. 1914. г. весь Балтійскій флотъ стоялъ на Ревельскомъ рейдѣ, имѣя по мередіану Дагерорта завѣсу изъ двухъ крейсеровъ («Богатырь» и «Паллада») и миноносцевъ 2-го дивизіона.

Въ 2 часа пополуночи на стоявшемъ у набережной миноносцѣ службы связи «Лейтенантъ Бураковъ» зазвонилъ телефонъ. Къ аппарату подошелъ дежурный офицеръ, лейтенантъ графъ Гамильтонъ.

— Кто у телефона?

— Начальникъ службы связи. — Позовите командира.

Подошелъ командиръ.

— Сейчасъ же вмѣстѣ съ «Рьянымъ» приготовь-

тесь къ походу. Получено донесеніе, что вблизи Оденсхольма [1]) появились непріятельскія суда...

Черезъ нѣсколько минутъ прибылъ капитанъ 1-го ранга Непенинъ [2]), и миноносцы вышли въ море. Глухая ночь. Туманъ, какъ молоко.

Изъ штаба командующаго флотомъ сообщили, что, кромѣ дозора и завѣсы, другихъ русскихъ кораблей въ морѣ нѣтъ, и нѣтъ опасности неожиданной встрѣчи со своими. Поэтому всякое замѣченное судно должно разсматриваться, какъ непріятельское.

Взявъ курсъ на Оденсхольмъ, миноносцы дали полный ходъ. Туманъ такой, что съ мостика не видно собственной кормы.

Въ пути съ острова все время поступали радіо-донесенія:

... «Непріятель близко, слышимъ нѣмецкую рѣчь»... «Временами видимъ силуэты 4-хъ трубнаго корабля и миноносца...»

На мостикѣ возбужденіе. Обсуждается вопросъ, кто бы это могъ быть? Рѣшаютъ, что, вѣроятно, «Роонъ» (сильный германскій крейсеръ). Наличіе при немъ еще и миноносца создаетъ утрожающую обстановку. Тѣмъ не менѣе, Непенинъ продолжаетъ путь.

Наконецъ, по времени опредѣляютъ, что островъ проскочили, не замѣтивъ его въ туманѣ. Миноносцы поворачиваютъ.

— Островъ!!..

Обнаруживаются какія-то неясныя очертанія. Миноносцы удачно попадаютъ какъ разъ въ проходъ между нимъ и материкомъ.

Вдругъ, сотрясая туманъ, по морю прокатился гулъ одинокаго выстрѣла. Высокій, пѣнистый столбъ поднялся передъ головнымъ миноносцемъ. Второй. Третій...

— Тревога...

Но невозможно было опредѣлить, откуда идетъ стрѣльба. Слышалась канонада, но вспышекъ выстрѣловъ не было видно. Однимъ казалось, что стрѣляютъ справа, другимъ — слѣва.

Съ приближеніемъ къ серединѣ Оденсхольма, ту-

---

[1]) Островъ и маякъ на немъ въ 50 миляхъ отъ Ревеля.

[2]) Впослѣдствіи командующій Балтійскимъ флотомъ.

манъ окрасился въ огненно-золотистый цвѣтъ. Словно пламя колыхалось надъ островомъ. Впослѣдствіи оказалось, что это былъ пожаръ зажженныхъ непріятельскими снарядами зданій.

Миноносцы завернули за островъ и, развивая максимальный ходъ, пошли вдоль его восточнаго берега.

— Силуэтъ...

Всѣ бинокли и трубы направились на него. Что-то расплывчатое темнѣло въ туманѣ.

— Приготовиться къ минной атакѣ...

Вдругъ головной миноносецъ шарахнулся въ сторону. Концевой послѣдовалъ за нимъ.

Изъ тумана выплыли два большихъ силуэта.

— Атака...

— Товсь...

— Пли...

Мины вылетали изъ аппаратовъ.

Въ этотъ самый моментъ таинственные корабли развернулись, и миноносцы съ ужасомъ узнали... «Палладу» и «Богатыря»... Но... было поздно. Всѣ замерли въ оцѣпенѣніи. Еще двѣ-три секунды и послѣдуетъ взрывъ.

Оба крейсера опоясались огненнымъ кольцомъ. Загрохоталъ ураганный огонь. Къ счастью, мины пронесло (крейсера успѣли увильнуть), но стальной дождь посыпался на миноносцы.

— Позывныя... — Дайте по радіо опознательный... — кричалъ Непенинъ, кричали командиръ и офицеры.

А гитантскіе смерчи скакали кругомъ, обдавая миноносцы осколками и каскадами воды.

Черезъ минуту огонь прекратился. Крейсера распознали, что это свои...

Миноносцы пошли на сближеніе. Между Непенинымъ и Криницкимъ (старшимъ изъ командировъ крейсеровъ) произошла отчаянная перебранка...

Оказалось, что крейсера, перехвативъ донесеніе маяка, пошли къ нему ловить непріятеля, и, обнаруживъ его, открыли по немъ огонь. Ложившіеся перелетомъ черезъ островъ снаряды и подымали тѣ столбы, на которые въ проходѣ и напоролись миноносцы.

Въ это время туманъ полегчалъ, разсвѣло, и гла-

замъ представилось зрѣлище выскочившаго на камни германскаго корабля. Онъ только что прекратилъ бой.

Миноносцы направились къ нему...

Крейсеръ сидѣлъ носомъ. По внѣшнему виду на немъ какъ будто все было исправно. Орудія смотрѣли на приближающіеся миноносцы.

«Бураковъ» и «Рьяный», сблизившись на два кабельтова, застопорили машины. По условію съ крейсерами, если нѣмецъ откроетъ огонь, миноносцы должны отойти, чтобы не мѣшать крейсерамъ разстрѣлять его.

Но непріятель молчалъ...

На «Бураковѣ» спустили вельботъ. Лейтенантъ Гамильтонъ съ сигнальщикомъ отправились на него. Подошли къ болтавшемуся за кормой штормъ-трапу.

— Шабашъ! — скомандовалъ лейтенантъ и схватился за трапъ.

— Возьмите винтовки на изготовку — приказалъ онъ гребцамъ, а самъ, съ револьверомъ на шнурѣ, полѣзъ наверхъ. Тутъ онъ прочелъ названіе крейсера — **«Магдебургъ».** Сигнальщикъ послѣдовалъ за офицеромъ.

Лишь только голова лейтенанта поравнялась съ уровнемъ палубы, кучка нѣмецкихъ матросовъ бросилась къ нему. Но они не успѣли подбѣжать, какъ Гамильтонъ вскочилъ на палубу и поднялъ револьверъ. Матросы остановились.

Прекрасно владѣя французскимъ и англійскимъ языками, Гамильтонъ плохо говорилъ по-нѣмецки.

— Кто изъ васъ понимаетъ по-англійски или по-французски, — спросилъ онъ.

Изъ толпы отдѣлился кондукторъ. Это былъ эльзасецъ.

— Скажите вашимъ людямъ, что они всѣ должны сейчасъ же перейти на миноносцы.

Въ этотъ моментъ съ «Буракова» замахали флажки.

— Флагъ! — послѣдовало лаконическое приказаніе.

Гамильтонъ взгянулъ наверхъ и увидѣлъ развѣвающійся на гафелѣ германскій флагъ.

— Какъ-то отнесутся «они» къ спуску своего флага — съ нѣкоторой опаской взглянулъ онъ на окружающихъ нѣмцевъ. — Насъ вѣдь только двое...

— Послушайте, — обратился онъ къ эльзасцу, указывая на флагъ. — Онъ сейчасъ уже ни къ чему. Надо его спустить.

— Вы правы, господинъ лейтенантъ. — Таковъ законъ войны...

Гамильтонъ поднялся на кормовой мостикъ и спустилъ германскій флагъ. Но никакъ не могъ отвязать его, такъ какъ отъ тумана фаны отсырѣли и разбухли. Одинъ изъ нѣмецкихъ матросовъ услужливо принесъ большой кухонный ножъ. Флагъ отрѣзали и вмѣсто германскаго подняли Андреевскій. На миноносцахъ и крейсерахъ вспыхнуло ура...

Нѣмецкая команда отнеслась къ этому совершенно безучастно. Сказывалось физическое переутомленіе и моральное потрясеніе.

— Ну, а теперь садитесь въ шлюпку.

— Но позвольте, господинъ лейтенантъ, доложить, что здѣсь находится командиръ.

— Какъ такъ!? — Гдѣ же онъ?

— У себя, въ салонѣ.

— Такъ доложите ему, что я желаю его видѣть.

Черезъ минуту кондукторъ вернулся.

— Командиръ проситъ васъ.

Гамильтонъ спустился въ командирское помѣщеніе. Это была обширная, прекрасно обставленная каюта. У закрытаго бюро стоялъ командиръ. Средняго роста, плотный, съ черной съ просѣдью бородой. Его симпатичное лицо выражало всю муку его душевныхъ переживаній.

Лейтенантъ представился. Командиръ протянулъ ему руку.

На французскомъ языкѣ Гамильтонъ предложилъ ему перейти на миноносецъ. Капитанъ ничего не отвѣтилъ. Лейтенантъ по-англійски повторилъ предложеніе Но и этого языка не понималъ командиръ. Тогда, собравъ всѣ свои познанія въ нѣмецкомъ, Гамильтонъ сказалъ:

— Воленъ-зи нахъ **торпедо** гейнъ? — и для большей убѣдительности указалъ рукой на виднѣющіеся въ иллюминаторъ миноносцы.

Несмотря на всю драматичность минуты, командиръ улыбнулся.

— Хорошо. Можно ли мнѣ взять что-нибудь со мной?

— Пожалуйста.

Капитанъ осмотрѣлся кругомъ. Открылъ наполненное бумагами бюро. На минуту склонился надъ нимъ. Затѣмъ, безнадежно махнувъ рукой, захлопнулъ его и рѣшительными шагами направился къ выходу.

У дверей на вѣшалкѣ висѣлъ его кортикъ. Командиръ снялъ его и молча протянулъ Гамильтону.

— Нѣтъ. Пока вы на своемъ кораблѣ, — пусть кортикъ будетъ при васъ, — какъ сумѣлъ, сказалъ лейтенантъ. Капитанъ понялъ и горячо пожалъ его руку.

Поднялись на верхъ. Ни на кого не глядя, командиръ прошелъ мимо своихъ людей и вслѣдъ за Гамильтономъ спустился въ шлюпку. По прибытіи на миноносецъ, вручилъ кортикъ Непенину и былъ отведенъ въ каютъ-компанію.

Между тѣмъ, съ острова доставили двухъ переправившихся вплавь офицеровъ: совсѣмъ еще молодого мичмана съ «Магдебурга», и другого, лѣтъ 30-ти, съ подошедшаго на помощь миноносца (онъ не успѣлъ спрыгнуть обратно, какъ миноносецъ ушелъ, замѣтивъ русскіе крейсера). Первый былъ въ одной рубашкѣ, штанахъ и сапогахъ; второй — въ кителѣ, нижнемъ бѣльѣ и безъ сапогъ. Оба совершенно вымокшіе и грязные. Имъ разрѣшили поѣхать за одеждой на «Магдебургъ».

Лейтенантъ Гамильтонъ отвезъ ихъ и далъ 5 минутъ на сборы. Самъ остался на верху.

Вся палуба была завалена всевозможнымъ имуществомъ. Все это собирались грузить на миноносецъ, когда подошли «Паллада» и «Богатырь». Чего тутъ только не было! Гамильтонъ сталъ разгуливать среди горъ этого добра, выискивая, нѣтъ ли чего интереснаго?

Вдругъ онъ замѣтилъ характерный парусиновый переплетъ.

— Ба! Никакъ сигнальная книга!..

Осторожно раздвинувъ ногой кучу, чтобы не замѣтили нѣмецкіе матросы, онъ дѣйствительно увидѣлъ сигнальную книгу. Не замѣтно сталъ подвигать ее къ

борту. За тѣмъ схватилъ, поднялъ и съ крикомъ «лови» — бросилъ въ вельботъ...

Впослѣдствіи эта книга дала возможность расшифровать всѣ радіо-сношенія германскихъ станцій, чего нѣмцы не подозрѣвали почти до самаго конца войны. Другая такая же книга была найдена нашими водолазами на утонувшемъ штурманѣ съ «Магдебурга».

Когда весь наличный составъ экипажа германскаго крейсера былъ перевезенъ на миноносцы, послѣдніе направились въ Балтійскій портъ. Къ завтраку командиръ «Магдебурга» и оба офицера были приглашены въ каютъ-компанію. Капитанъ почти не дотронулся до вина, но его офицеры съ большимъ удовольствіемъ пили все, особенно водку. Разговоръ поддерживалъ лейтенантъ Макаревичъ, прекрасно владѣвшій нѣмецкимъ языкомъ.

За завтракомъ германскій командиръ, фамилія котораго оказалась Хабенихтъ, произнесъ спичъ, въ которомъ благодарилъ за оказанное ему вниманіе и закончилъ его такъ: «... Я надѣюсь, что если вы когда-нибудь окажетесь въ такомъ же положеніи — вы будете такъ же встрѣчены и обласканы»...

Въ 2 часа пополудни миноносцы пришли въ Балтійскій портъ. Тамъ уже все было готово къ пріему плѣнныхъ. На берегу, въ пѣшемъ строю, выстроился взводъ казаковъ.

Увидя малиновые лампасы, нѣмцы, уже собравшіеся было сойти на берегъ, замялись. Когда же ихъ стали торопить, они наотрѣзъ отказались сойти.

— Тамъ казаки. Они насъ убьютъ...

Макаревичу пришлось употребить немало краснорѣчія, чтобы убѣдить ихъ, что казаки ихъ не тронутъ. Когда, наконецъ, они сошли и, съ опаской посматривая въ сторону лампасовъ, выстроились, къ Непенину подошелъ урядникъ.

— Какъ же, ВВБ., командовать ими? Они же меня не поймутъ.

— Ничего, «шпарь» по русски...

Урядникъ молодцевато подошелъ къ нѣмецкимъ шеренгамъ, выравнялъ ихъ, поставилъ въ затылокъ. Отошелъ на два шага и скомандовалъ:

— Смирр-на. — Напра-во. — Шагомъ аршъ...

Нѣмцы прекрасно поняли команду.

Когда германскіе матросы были разсажены въ вагоны, сошли ихъ офицеры. Для нихъ былъ приготовленъ отдѣльный вагонъ. Черезъ Ревель и Петроградъ плѣнниковъ доставили въ Хабаровскъ...

На слѣдующій день послѣ описаннаго событія, командующій флотомъ, адмиралъ Эссенъ, поручилъ своему флагъ-капитану по оперативной части — Колчаку и помощнику флагманскаго инженеръ-механика флота — Федорову обслѣдовать положеніе «Магдебурга» и выяснить, возможно ли снять его съ камней? Въ распоряженіе Колчака былъ предоставленъ миноносецъ «Войсковой».

Съ приближеніемъ къ «Магдебургу» Колчакъ приказалъ командиру на случай появленія непріятеля имѣть въ загребенныхъ котлахъ пары для полнаго хода и дать два условныхъ гудка. Самъ съ Федоровымъ и другими офицерами съѣхали на крейсеръ.

Тотчасъ же приступили къ детальному осмотру корабля и къ производству выемокъ документовъ изъ командирской и офицерскихъ каютъ. Уже осмотръ подходилъ къ концу, какъ два длинныхъ гудка встревожили всѣхъ. Колчакъ, Федоровъ и остальные немедленно бросились на миноносецъ. Въ морѣ виднѣлись четыре столба дыма.

Оказалось — германскіе миноносцы.

Колчакъ стоялъ на мостикѣ и въ бинокль разсматривалъ приближающагося непріятеля.

— Давайте полный ходъ. Ложитесь на нихъ, — отрывисто приказалъ онъ.

Всѣ были поражены подобнымъ распоряженіемъ. Преимущество силъ непріятеля было таково, что нужно было удирать и какъ можно скорѣе.

Выполняя приказаніе флагъ-капитана, миноносецъ пошелъ на врага. Началось быстрое сближеніе.

Германскіе миноносцы полнымъ ходомъ несутся навстрѣчу. Съ минуты на минуту вспыхнетъ неравный бой. Къ крайнему удивленію нѣмцевъ, русскій миноносецъ идетъ прямо на нихъ.

Напряженіе достигаетъ своего апогея. Прислуга у орудій и минныхъ аппаратовъ ждетъ приказаній. Колчакъ не отрываетъ бинокля отъ глазъ.

Вдругъ на головномъ миноносцѣ германской линіи взвился флажекъ. Миноносцы разомъ повернули на обратный курсъ.

— То-то, — только произнесъ Колчакъ и зашагалъ по мостику.

— Я хотѣлъ войти съ ними въ боевое соприкосновеніе, чтобы заманить на поставленную вчера здѣсь минную банку.

Вѣроятно, почуявъ, западню, нѣмцы не рѣшились своими сильнѣйшими миноносцами атаковать одинокаго «Войскового».

Послѣ доклада командующему флотомъ, рѣшено было попытаться стащить «Магдебургъ». Эту задачу адмиралъ Эссенъ возложилъ на инженеръ-механика Федорова.

Была сформирована особая экспедиція изъ водолазовъ и минеровъ при участіи корабельнаго инженера Швецова и миннаго офицера лейтенанта Котовскаго. Экспедиція отправилась на Оденсхольмъ.

На третьи сутки усиленной работы вся трюмная система «Магдебурга» была приведена въ исправность, и всѣ помѣщенія освобождены отъ воды. Оказалось, что нѣмцы, послѣ безуспѣшныхъ попытокъ сойти съ камней, взорвали носовую часть корабля. Она отвалилась и затонула, но соединенія съ килемъ остались въ цѣлости, благодаря чему утонувшій носъ какъ бы повисъ на отогнувшейся килевой балкѣ, образовавъ родъ мертваго якоря. Только освободившись отъ нея, можно было задѣлать поврежденіе и приступить къ работамъ по снятію корабля.

Тутъ обнаружилось другое затрудненіе. Въ затонувшемъ носу, въ миныхъ аппаратахъ, остались мины. Нельзя было начать подрывныя операціи, не удаливъ предварительно мины, что представляло собой весьма трудную и опасную работу. Наконецъ, преодолѣли и это затрудненіе... Но, тутъ неожиданно разыгрался сильнѣйшій штормъ. Въ одно мгновеніе вся окружность превратилась въ сплошную кипящую стихію. Вся партія въ сто человѣкъ оказалась отрѣзанной отъ всего внѣшняго міра. Сообщеніе съ островомъ, до котораго была добрая миля, стало невозможнымъ даже для спе-

ціальныхъ спасательныхъ баркасовъ. Люди остались безъ провизіи, воды и безъ теплой одежды.

Къ ночи штормъ достигъ силы урагана. Гигантскіе буруны смѣшали все, разбивали надстройки. Били о камни. Казалось, «Магдебургъ» вотъ-вотъ разлетится въ щепы. Въ ледяномъ оцѣпенѣніи, въ кромѣшной тьмѣ люди сгрудились въ одномъ изъ казематовъ.

Наступило утро... Ураганъ по прежнему ревѣлъ. Врывавшіяся волны съ грохотомъ и шипѣніемъ носились по палубамъ, смывая все на своемъ пути. Едва не унесло двухъ матросовъ. Ихъ съ такой силой хватило о бортъ, что переломало ребра. Ни корки хлѣба, ни капли воды. Хуже всего то, что не было ни щепотки табаку.

Всѣ попытки острова придти на помощь гибнувшимъ не увѣнчались успѣхомъ. Спасательные баркасы съ опытнѣйшими рыбаками не могли добраться до нихъ.

Наступила вторая ночь. Сила урагана достигла 11 балловъ.

На третьи сутки люди впали въ отчаяніе. Единственной мыслью начальника отряда было поддержать ихъ духъ. Чтобы согрѣться, пѣли хоровыя пѣсни. Особымъ успѣхомъ пользовалась:

«Сухой бы корочкой питалась,
Водицу бъ грязную пила...»

Наконецъ, штормъ какъ будто пошелъ на убыль. Нѣкоторые смѣльчаки вылѣзли на верхъ. Вдругъ радостные крики достигли каземата. На горизонтѣ показались дымы... Это была эскадра, подъ флагомъ самого Эссена, вышедшая для ихъ спасенія.

Судя по мачтамъ, корабли валяло во всю. Нѣсколько приблизившись къ острову, эскадра стала пускать на «Магдебургъ» спасательныя ракеты [1]). Но изъ за чрезвычайной силы вѣтра ни одна изъ ракетъ не достигла цѣли. Въ теченіе 5 часовъ эскадра стрѣляла ракетами, все съ тѣмъ же результатомъ. Наконецъ, ушла.

Это былъ ужасный моментъ. Рухнула послѣдняя надежда.

---

[1]) При ихъ посредствѣ устанавливается сообщеніе между гибнущимъ и спасающимъ кораблями.

Тогда начальнику экспедиціи пришла мысль соорудить плотъ и на немъ искать спасенія. Всѣ съ радостью и надеждой ухватились за нее.

Въ батарейной палубѣ лежало много бревенъ и досокъ. Немедленно приступили къ работѣ. Идея была слѣдующая: при помощи паруса спустить плотъ на концѣ по вѣтру къ острову и такимъ путемъ переправить людей.

Соорудили огромный плотъ, площадью въ нѣсколько комнатъ. Приспособили мачту. Сшили парусъ изъ мѣшковъ. Съ величайшимъ трудомъ все это сооруженіе спустили на воду.

Такъ какъ переправа (особенно первая), была сопряжена съ огромнымъ рискомъ, самъ начальникъ рѣшилъ испытать первый рейсъ. Въ помощь ему вызвался худощавый съ виду, щуплый матросъ, природный рыбакъ, по фамиліи также Рыбакъ. Но тутъ выступилъ лейтенантъ Воскресенскій. Обратившись къ своему начальнику, онъ сказалъ:

— Я моложе васъ и сильнѣе, къ тому же я хорошій пловецъ. Поэтому, мой долгъ первому испытать переправу.

Всѣ офицеры и матросы поддержали его. Федоровъ обнялъ его и благословилъ.

Обвязавшись концами, ежеминутно рискуя разбиться въ бурунахъ, Воскресенскій и Рыбакъ спустились на плотъ и привязались къ нему. Подхваченный штормомъ плотъ, съ надувшимся парусомъ, понесло къ острову. На «Магдебургѣ» едва успѣвали травить прикрѣпленный къ нему манильскій тросъ.

Съ замираніемъ сердца слѣдили люди, какъ швыряло плотъ, какъ онъ то взлеталъ надъ гребнями, то исчезалъ за ними. По семафору предупредили маякъ. Отважнѣйшіе рыбаки на спасательномъ баркасѣ вышли навстрѣчу ему.

Вдругъ вырвался всеобщій крикъ ужаса. Едва только плотъ достигъ прибрежныхъ буруновъ, какъ его, словно соломинку, швырнуло къ небу и опрокинуло. И плотъ и люди исчезли изъ глазъ.

Спустя нѣсколько минутъ онъ выплылъ, но людей не было на немъ. Въ волнахъ показались двѣ точки. Это были головы Воскресенскаго и Рыбака. Послѣ

отчаянной борьбы они добрались до плота и влѣзли на него. Но только-что они вскарабкались, какъ плотъ снова подбросило и перевернуло. Такъ повторилось нѣсколько разъ. Спасательный же баркасъ никакъ не могъ добраться до него.

Наконецъ, Воскресенскій впалъ въ такое отчаяніе, что отвязавшись отъ плота, бросился въ воду. Къ счастью, подхватившій его бурунъ, понесъ мимо баркаса, и рыбаки успѣли схватить и вытащить его. На плоту остался одинъ Рыбакъ.

Еще часа два бился, нырялъ и опрокидывался плотъ, безсильный преодолѣть барьеръ буруновъ. Рыбакъ, словно джигитъ на конѣ, крѣпко сидѣлъ на немъ.

Убѣдившись, наконецъ, что попытка не увѣнчается успѣхомъ, и баркасъ не въ состояніи добраться до плота, начальникъ приказалъ тянуть его обратно. Съ неимовѣрными усиліями подтянули плотъ.

Недвижная фигура Рыбака съ запрокинутой головой виднѣлась у мачты. Онъ былъ полумертвъ.

Когда люди спустились, чтобы вынести его, съ трудомъ разогнули его окоченѣвшія руки, обнимавшія осколокъ мачты. Понадобилось нѣсколько часовъ, чтобы, при помощи оттиранія и массажа, привести его въ чувство.

На слѣдующій день рѣшили пустить плотъ самостоятельно, безъ людей. Онъ опять застрялъ въ бурунахъ. Часа четыре бился онъ тамъ, когда, вдругъ, прокатилось радостное ура. Всѣ выбѣжали наверхъ. Плотъ перебросило черезъ буруны и спасательный баркасъ подошелъ къ нему.

Но тутъ постигло новое и послѣднее разочарованіе. Съ острова подали лаконическій семафоръ: «конецъ оборвался».

. . . . . .

Поздно вечеромъ маякъ передалъ на «Магдебургъ» семафоры командующаго флотомъ: — «Каково ваше положеніе? Возможна ли посылка спасательнаго парохода?»

Но чѣмъ могъ помочь пароходъ? Къ тому же штормъ снова усилился.

Послѣ мучительныхъ раздумій, не желая повлечь новыхъ жертвъ, Федоровъ отвѣтилъ:

— Наше положеніе безнадежно, пароходъ не высылайте.

Команда поняла отвѣтъ и молчаливо согласилась съ нимъ.

Безъ пищи, безъ питья, все время въ ледяной водѣ, люди стали замѣтно слабѣть. Они мысленно приготовились къ смерти. Горячо молились. И молитва ихъ была услышана...

Лихой, отважнѣйшій капитанъ спасательнаго парохода «Силачъ», несмотря ни на что, рѣшилъ идти на ихъ спасеніе.

Въ отчаянной схваткѣ съ ураганомъ, схватки не на жизнь, а на смерть, заливаемый волнами, съ проломанными бортами, «Силачъ» не сдавался и упорно продолжалъ пробиваться къ Оденсхольму... Наконецъ, на утро онъ пробился къ нему. Штормъ точно сняло рукой. Онъ столь же внезапно прекратился, какъ и начался.

Не трудно себѣ представить, что поднялось на «Магдебургѣ», когда погибающіе увидѣли своего спасителя. Увидѣли подошедшаго къ нимъ браваго «Силача» со сломанной мачтой и разбитой трубой. Обнажились головы, закрестились руки...

Не успѣлъ «Силачъ» дойти до Балтійскаго порта, какъ разыгрался новый штормъ. Онъ доканалъ «Магдебурга». Спасти его оказалось невозможнымъ.

Взрывъ „Паллады".

Ясный осенній день, настолько теплый, что окна Ревельскаго морского госпиталя настежь раскрыты. Старшій врачъ, д-ръ Радзиминскій, сопровождаемый ординаторомъ, старшимъ фельдшеромъ и сестрой, обходитъ палаты. Вбѣгаетъ матросъ.

— Командиръ порта срочно проситъ васъ къ телефону.

Черезъ нѣсколько минутъ Радзиминскій, поручивъ дальнѣйшій обходъ ординатору, мчался на пловучій госпиталь.

На набережной толпа. Невѣдомыми путями страшная вѣсть уже облетѣла городъ. Родные, близкіе моряковъ и просто любопытные устремились къ берегу.

Увидѣвъ сгруппировавшійся у пловучаго госпиталя медицинскій персоналъ и всѣ приготовленія, сбѣжавшіеся поняли, что дѣйствительно случилось несчастье.

Госпиталь отвалилъ...

На рейдѣ — сѣрая громада гордыхъ силуэтовъ: «Громобой», подъ флагомъ начальника I бригады крейсеровъ, контръ-адмирала Н. Н. Коломейцева, «Адмиралъ Макаровъ», минный заградитель «Амуръ»... Тамъ уже знаютъ правду. Адмиралъ и офицеры на верху.

Дымъ!.. Входитъ «Баянъ». **Одинъ!** Его вѣрнаго товарища — «Паллады» — нѣтъ...

* *
*

На германскомъ флагманскомъ крейсерѣ «Аугсбургъ» пробили вечернюю зорю. Въ штурманской рубкѣ адмиралъ фонъ-Беринъ [1]), командиръ капитанъ Іоганнъ Горнъ и начальникъ оперирующаго дивизіона подводныхъ лодокъ капитанъ-лейтенантъ Адамъ обсуждаютъ дальнѣйшій ходъ операціи. Въ кильватерѣ — крейсеръ «Любекъ» и XX флотилія эскадренныхъ миноносцевъ. Лодки «U — 23», «U — 25» и «U — 26» съ утра на позиціяхъ. Адмиралъ и штабъ съ нетерпѣніемъ ждутъ условленнаго часа, чтобы получить ихъ информацію.

На крейсерѣ тишина. Медленно сгущаются сумерки. Запѣла антенна... Депеша! флагъ-офицеръ нервно расшифровываетъ ее. «Берлинъ. Генеральный штабъ. — «Аугсбургъ». Адмиралу. Въ Россіи ожидаются шведскіе транспорты съ грузомъ электро-моторовъ. Перехватите ихъ».

Адмиралъ даетъ распоряженіе миноносцу начальника флотиліи приблизиться и принять секретный пакетъ. Пакетъ переданъ. «Капитану Эрхардту. На высотѣ Сэдерформа и Ландшера прослѣдить морскую торговлю изъ сѣвернаго выхода Стокгольмскихъ шхеръ въ Оланскрафъ и Ботническій заливъ. Также — выходъ изъ Балтійскаго моря: Зундъ».

Флотилія отдѣляется...

Получилась информація отъ «U — 23» и отъ «U — 25». Ничего новаго. Отъ «U — 26» извѣстій нѣтъ. Это

[1]) Начальникъ отдѣльнаго отряда судовъ Балтійскаго моря.

безпокоитъ адмирала. Полночь. Отъ «U — 26» по прежнему ничего.

Въ 2 ч. пополуночи шифрованная депеша. Мостикъ и самъ адмиралъ съ нетерпѣніемъ ждутъ окончанія расшифровки. Телеграфируетъ Эрхардтъ: **«Задержалъ голландскій корабль «Амелангъ». Капитанъ сообщилъ, что вчера въ 12 ч. 05 м. видѣлъ, какъ большой четырехтрубный военный корабль взлетѣлъ на воздухъ и въ три минуты пошелъ ко дну. При немъ былъ большой крейсеръ и два миноносца. Крейсеръ стрѣлялъ всѣмъ бортомъ и ушелъ курсомъ на Гангэ. Мѣсто происшествія: широта 59° 38' сѣверная долгота 22° 56' восточная».** Нанесли мѣсто на карту. Никакихъ сомнѣній — **позиція «*U* — 26».** О ней ни слуха, ни духа . . .

* *
*

Наканунѣ на Лапвикскомъ рейдѣ — «Паллада» и «Баянъ». Въ 6 ч. 45 мин. утра на «Палладѣ», какъ на старшей — сигналъ: «Сняться съ якоря», «слѣдовать за мной».

Со спускомъ его, «Паллада», держа шары на малый ходъ, проходитъ по лѣвому борту «Баяна». Выходитъ въ голову. На мостикѣ командиръ, кап. I ранга С. Р. Магнусъ, старшій офицеръ, кап. 2 ранга А. М. Романовъ, старшій штурманъ, лейтенантъ Ю. К. Быковъ, младшій штурманъ, лейтенантъ К. С. Бутомо и вахтенный начальникъ, мичманъ фонъ Петцъ. Крейсера ложатся на створъ. Впереди — форзейлемъ — миноносецъ «Стройный».

— Отраженіе минной атаки!

Заиграли горны . . .

Въ 7 ч. 48 м. на «Палладѣ» сигналъ: «Курсъ — 192°». Крейсера выходятъ на свободную воду. Сегодня послѣдній день дозора. Въ полдень — смѣна.

Дымъ! Оказывается, миноносецъ «Мощный». Присланъ для совмѣстной со «Стройнымъ» охраны крейсеровъ.

Въ 9 час. 30 мин. отрядъ продолжаетъ движеніе на югъ. Новый дымъ! На «Палладѣ» сигналъ: «Курсъ — 22°». Обрисовывается островъ Даго. Штурмана опре-

дѣляются по Верхнему Дагерорскому маяку. Вмѣсто одного дыма — два.

Съ марса крикъ: «Россія» и «Аврора». Смѣна!..

* *
*

Въ то же утро, 11 октября 1914 года, «U — 26» подошла къ позиціи. Командиръ, капитанъ-лейтенантъ фонъ Вергхейтъ взглянулъ на часы. 5 ч. 30 м.

— Гансъ! — Кофе! — весело скомандовалъ онъ, спустившись въ каютъ-компанію.

Вѣстовой внесъ подносъ съ большими дымящимися чашками, яичницей и поджаренными сухарями. Офицеры (кромѣ вахтеннаго) принялись за ѣду.

— Ну, вотъ — мы у русскихъ береговъ, — утоливъ первый голодъ, сказалъ командиръ. Въ прошлый разъ, когда я плавалъ на «U-9», мы едва не угробились тутъ.

«Намъ дана была задача взорвать «Макарова». Мы знали точное мѣсто его стоянки и свою операцію разсчитали такъ, чтобы подкрасться въ нему въ лучахъ заходящаго солнца, когда оно будетъ за нашей спиной.

Передъ самымъ заходомъ обогнули загражденіе и, чуть-чуть высовывая перископъ, вошли на рейдъ. Смотримъ, «Макарова» нѣтъ... Только повернули обратно, — силуэтъ. Подлодка!.. У борта шлюпка... Вѣроятно, для офицеровъ.

Приближаемся. Носовые аппараты на товсь. Высовываю перископъ и съ ужасомъ вижу, что русская подлодка идетъ прямо на насъ. Чтобы пустить мину, — нужно, съ дьявольской быстротой, перемѣнить позицію. — Лѣво на бортъ!

Рѣзкій толчокъ. Свѣтъ погасъ. Ужасающій скрежетъ...

Подводная скала! Стопорю машины, чтобы не поломать винты. Слава Богу, рули дѣйствуютъ.

Осторожно высовываю перископъ. Но только взглянулъ, какъ явственно увидѣлъ слѣдъ мины. Секунда показалась вѣчностью. Къ счастью, мина проскочила. Но еще одинъ томительный моментъ: можетъ взорваться о скалу. — Уже не помню, какъ и выбирались изъ этого проклятаго мѣста».

Часы показывали восемь съ четвертью, когда изъ рубки донесся тревожный возгласъ: «дымъ»! Въ одно

мгновеніе командиръ былъ у перископа. Въ сѣверной части горизонта виднѣлись четыре дыма. Они двигались на зюдъ-вестъ, въ сторону лодки. Русскіе крейсера!

Въ трехъ миляхъ отъ позиціи, корабли повернули и скрылись въ западномъ направленіи.

Предполагая, что это дозоръ, крейсирующій въ опредѣленномъ районѣ, фонъ Верхгеймъ рѣшилъ остаться и ждать. Разсчетъ оправдался. Въ 10 ч. 30 мин. перископъ уловилъ тѣ же силуэты.

* *
*

Въ 10 ч. 30 м., когда стало яснымъ, что «Россія» и «Аврора» идутъ на смѣну, — на «Палладѣ» подняли сигналъ о новомъ курсѣ. Проложенный параллельно 39-му квадрату, въ 7-мильномъ разстояніи, онъ шелъ сѣвернымъ фарватеромъ домой, въ Ревель. Со вступленіемъ въ него, «Паллада» отослала миноносцы въ охрану «Россіи» и «Авроры».

Крейсера въ «коридорѣ». Вотъ мѣсто, гдѣ вчера былъ атакованъ «Макаровъ», но счастливо избѣгъ гибели. Только что тутъ прошла смѣна. «Авось проскочимъ и мы».. Десятокъ биноклей и сотни глазъ «палладцевъ» и «баянцевъ» обшариваютъ горизонтъ.

Мѣшаетъ солнце и мѣшаетъ какъ разъ въ самыхъ опасныхъ секторахъ. Небольшая рябь, отражающая и преломляющая лучи, — лучшая защита для перископа.

Въ 11 ч. 37 м. на «Палладѣ» сигналъ: «ходъ 16 узловъ, дистанція 6 кабельтовыхъ».

Полдень. Смѣна вахтъ. На мостикъ «Баяна» взбѣгаетъ новый вахтенный начальникъ, лейтенантъ Селянинъ.

Лейтенантъ Лемишевскій сдаетъ вахту — мѣсто корабля: широта 59° 36' 30" нордъ, долгота 22" 37' 30° остъ; курсъ — 90 градусовъ; ходъ — 16 узловъ; разстояніе до головного — 7 каб.; котловъ подъ парами — 18; въ видимости горизонта — «Россія» и «Аврора»; приказаніе: особенно наблюдать за воднымъ пространствомъ праваго борта. Одновременно происходитъ смѣна рулевыхъ, сигнальщиковъ и дозорныхъ.

Лемишевскій спустился въ каютъ-компанію. Вѣстовые принесли обѣдъ.

Едва онъ принялся за супъ, какъ до слуха донесся звукъ словно револьвернаго выстрѣла. Послышались сбѣгающіе по трапу шаги, и въ каютъ-компанію влетѣлъ блѣдный унтеръ-офицеръ.

— «Паллада» взорвана...

* *
*

На «U — 26» напряженная тишина. Гудятъ моторы. Нервы и слухъ обострены до послѣдней степени.

Всѣ глаза устремлены въ сторону боевой рубки. Командиръ впился въ перископъ. Рядомъ — старшій офицеръ.

— Перископъ убрать!

Лодка идетъ по секундомѣру навстрѣчу возвращающимся крейсерамъ. Ея курсъ — чистый вестъ. Черезъ двѣ минуты провѣрка: — перископъ поднять!

Отлично! Корабли не измѣнили курса.

— Перископъ убрать!

Снова — въ темную, по секундомѣру. Верхгеймъ не спускаетъ со стрѣлки глазъ. Сердце стучитъ...

Время!

— Перископъ поднять! Пли!!!

Зловѣщій, удаляющійся звукъ. Два слѣда. Одинъ — прямо въ бортъ головного корабля.

Взрывъ! Валятся трубы мачты...

* *
*

Лемишевскій выскочилъ на палубу. Вотъ какъ передаетъ онъ свои впечатлѣнія.

«...Услышавъ звукъ, похожій на револьверный выстрѣлъ, и крикъ: «Паллада» взорвана! я бросился наверхъ. Для меня это было дѣломъ двухъ секундъ.

Подбѣжавъ къ 75 м.м. шкафутному орудію лѣваго борта, я увидѣлъ огромный столбъ дыма. Онъ былъ такой высоты и такого діаметра, что не было видно его праваго края. Столбъ доходилъ до самаго неба. Бураго цвѣта съ бѣлой шапкой паровъ. — «Петропавловскъ»! — мелькнула мысль.

Я стремился увидѣть хоть кусочекъ «Паллады», но дымъ застилалъ все. Съ этой надеждой бросился на мостикъ, но и здѣсь картина была та же.

Уже пять, семь минутъ виситъ этотъ чудовищный столбъ, и неизвѣстно, что творится тамъ, внутри него.

Между тѣмъ, «Баянъ» удалялся полнымъ заднимъ ходомъ. Каждую секунду та же участь могла постигнуть и насъ.

Наконецъ, столбъ сталъ медленно отдѣляться. Поднялся... Обнажилась гладкая, еще курящаяся поверхность воды. **«Паллады» — нѣтъ.**

Всплыло огромное темное пятно. Масло... Командиръ, офицеры, команда обнажили головы.

«Баянъ» продолжалъ двигаться назадъ. Глаза, словно притянутые магнитомъ, не могутъ оторваться отъ этого страшнаго пятна. Кажется, вотъ-вотъ кто-нибудь всплыветъ, вынырнетъ рука, голова. Трудно передать, что было пережито за эти минуты.

«Баянъ» развернулся. Въ этотъ моментъ внезапно появился искрящійся слѣдъ. Сверкнулъ перископъ. Загрохотала артиллерія.

Двѣ мины пронеслись подъ носомъ и за кормой. Вызванные по радіо, миноносцы спѣшили къ мѣсту гибели. Другіе окружили «Баянъ»...

* * *

Черезъ 20 минутъ полнаго хода подъ водой, «U—26» высунула перископъ. Нѣсколько миноносцевъ обшаривали мѣстность. На горизонтѣ виднѣлся быстро удаляющійся корабль. Строемъ фронта приближались двѣнадцать новѣйшихъ русскихъ миноносцевъ.

Всюду, — по носу, — справа, слѣва стали показываться дымы. Было очевидно, что идутъ поиски подводныхъ лодокъ. Нужно было уходить.

Верхгеймъ нырнулъ и только въ 4 часа пополудни высунулъ перископъ. Увидѣвъ, что три миноносца несутся къ нему, снова нырнулъ и въ 5 час. 30 мин. вышелъ изъ Финскаго залива.

12 октября, въ 9 час. 11 м. крейсеръ «Любекъ», посланный адмираломъ въ сторону позиціи «U—26», наконецъ, увидѣлъ ее, вступилъ въ связь и телеграфировалъ «Аугсбургу», что совмѣстно съ лодкой идетъ къ мѣсту рандеву. Встрѣча произошла въ 12 ч. 55 м.

Германскій отрядъ направился въ Данцигъ, куда и прибылъ 14-го послѣ полудня.

* * *

Открылся Суропскій маякъ. «Баянъ» ложится на Екатеринентальскіе створы и входитъ на Ревельскій рейдъ. Съ мостика «Громобоя» адмиралъ здоровается съ командой.

— Здравія желаемъ, ваше пре-ство! — дружно несется въ отвѣтъ.

Подошелъ госпиталь на буксирѣ портоваго катера. Доктора въ бѣлыхъ халатахъ, носилки...

— Сколько раненыхъ? — спрашиваетъ Радзиминскій.

— Ни раненыхъ, ни убитыхъ, ни живыхъ, — слѣдуетъ отвѣтъ съ «Баяна».

Госпиталь въ недоумѣніи. Радзиминскій повторяетъ вопросъ. Тотъ же отвѣтъ: — **никого!**

— А гдѣ же «Паллада»?

Молчаніе. Старшій офицеръ только махнулъ рукой...

* * *

Въ Данцигѣ ликованіе. Возбужденная толпа забила набережную. Представители власти, города...

«U—26» засыпана цвѣтами. Поздравительныя телеграммы со всѣхъ концовъ. «Глубоко обрадованъ успѣхомъ. Награждаю командира и весь экипажъ Желѣзными крестами II класса. Вильгельмъ, императоръ и король». «Съ особой радостью поздравляю браваго к-ра и его доблестный экипажъ. Желаю счастья и дальнѣйшихъ успѣховъ. Генрихъ, принцъ прусскій».

На береговой мачтѣ сигналъ: «U—26» ожидайте прибытія кронпринцессы...

Атака германской эскадры.

У русскихъ береговъ.

Продолжалось тяжелое отступленіе изъ Галиціи. Ни патроновъ, ни снарядовъ. 2 іюня [1]) былъ оставленъ Перемышль.

[1]) Всѣ даты — по новому стилю.

На сѣверномъ фронтѣ было не лучше. Занявъ Либаву, нѣмецкія войска продвигались къ сѣверу Курляндіи. На очередь сталъ захватъ Риги и подступовъ къ Петрограду. Вражескій флотъ получилъ директиву поддерживать это операцію и, буде окажется возможнымъ, сбросить десантный корпусъ въ тылъ нашимъ арміямъ.

Германская эскадра въ составѣ 10 линейныхъ кораблей, 5 бронированныхъ крейсеровъ, 4 — легкихъ, 1 — авіо-матки, 25 — эскадренныхъ миноносцевъ и каравана тральщиковъ, подъ флагомъ вице-адмирала Шмидта, 3 іюня 1915 года подошла къ русскимъ берегамъ. Адмиралъ приказалъ крейсерамъ, 13-ти миноносцамъ, авіо-маткѣ и подводнымъ лодкамъ занять мѣста по диспозиціи такимъ образомъ, чтобы стеречь русскія морскія силы у Дагерорта и у Ирбенскаго пролива. Самъ съ дивизіями линейныхъ кораблей и двѣнадцатью миноносцами охраны расположился на высотѣ Виндавы, противъ Рижскаго залива, внѣ видимости береговъ. Тралящій караванъ, подъ прикрытіемъ огня бронированныхъ крейсеровъ, долженъ былъ приступить къ очищенію прохода отъ русскихъ минъ.

Какъ разъ въ это время (въ ночь съ 3 на 4 іюня) предполагалась бомбардировка нашими миноносцами непріятельскихъ позицій у мызы Земпуненъ (сѣвернѣе Либавы). Для содѣйствія этой операціи подводныя лодки «Окунь» и «Минога» были высланы на позиціи.

Въ 4 часа 40 мин. пополудни «Окунь» подошелъ къ Михайловскому маяку [1]). Съ эскадреннаго миноносца «Эмиръ Бухарскій» ему передали пакетъ со слѣдующей инструкціей начальника минной дивизіи: «Вамъ надлежитъ выйти на параллель Люзерорта, въ 20 миляхъ отъ маяка. Держаться двое сутокъ, послѣ чего возвратиться въ Аренсбургъ. Проходя обратно Люзерортъ, дайте о себѣ знать. Капитанъ I ранга Трухачевъ».

«Миногѣ» была назначена позиція на нордъ-вестъ 65 градусовъ отъ Стейнордскаго маяка, въ 12 миляхъ отъ него.

— Нѣтъ! — рѣшилъ лейтенантъ Меркушевъ [2]). —

---

[1]) У входа въ Ирбенскій проливъ.

[2]) Командиръ «Окуня».

Здѣсь я никого не встрѣчу. Нѣмцы держатся далеко отъ береговъ. Пойду дальше...

И «Окунь» вышелъ въ открытое море.

— Держать нордъ-вестъ 80! — приказалъ командиръ.

Вдали, сѣвернѣе Петропавловской банки, показались дымы. Лодка направилась къ нимъ.

Маленькое суденышко въ 177 тоннъ водоизмѣщенія, длиной въ 110 фут., съ полнымъ ходомъ: въ надводномъ положеніи — 8 узловъ, въ подводномъ — 4 съ половиной; съ четырьмя минными аппаратами и съ экипажемъ всего въ 15 человѣкъ (при двухъ офицерахъ), — это старенькое, отслужившее всѣ сроки суденышко еще до-Цусимской постройки, — оказалось грозной боевой единицей въ рукахъ безстрашнаго, невозмутимо спокойнаго, опытнаго подводника Василія Александровича Меркушева.

Сама судьба подтолкнула его измѣнить данную ему директиву. Ни онъ, ни его экипажъ не подозрѣвали тѣхъ послѣдствій, къ какимъ приведетъ это самовольство.

«Мы, Божьей Милостью, Николай Второй, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій... Нашему лейтенанту, командиру подводной лодки «Окунь», Василію Меркушеву.

Утверждая опредѣленную по удостоенію Георгіевской Кавалерской Думы, командующимъ флотомъ Балтійскаго моря, по предоставленной ему отъ Насъ власти, награду за то, что 3 іюня, находясь съ лодкой въ Балтійскомъ морѣ и встрѣтивъ германскую эскадру въ составѣ 10 линейныхъ кораблей, охраняемыхъ миноносцами, вы...»

Такъ начиналась Высочайшая грамота, дарованная вмѣстѣ съ Георгіевскимъ крестомъ лейтенанту Меркушеву за его геройскій подвигъ, **сорвавшій всю операцію германскаго флота и принудившій его къ отступленію.**

Подвигъ Меркушева.

...Дымы продолжали расти. Обозначились мачты и трубы одного изъ непріятельскихъ крейсеровъ. За

первымъ показался второй. Крейсера описывали зигзаги. Вокругъ рыскали миноносцы.

«Окунь» застопорилъ дизель-моторы и рѣшилъ ждать.

Въ 5 час. пополудни Меркушевъ занялъ позицію. Команда оживленнымъ кольцомъ сгрудилась за ужиномъ. Завели граммофонъ.

Въ 7 ч. 15 мин. показался непріятельскій отрядъ изъ четырехъ крейсеровъ. Склонившееся къ горизонту солнце окрасило ихъ въ ослѣпительно бѣлый цвѣтъ. Борта сверкали, словно зеркала. Впереди — четырехтрубный бронированный крейсеръ «Роонъ».

— Тревога!

Лодка погрузилась.

Но крейсера, вдругъ, повернули и скрылись изъ виду.

Всплыли... Тишина безбрежной пустыни. Чуть колышется морская равнина.

Снова тревожный крикъ: — Дымъ!

За горизонтомъ обнаружилось большое черное облако. Снова погрузились. Дали ходъ.

Направленіе на дымъ было чистый зюйдъ; разстояніе — 16 миль; время — 8 ч. 10 мин. вечера.

Показался лѣсъ мачтъ, трубы. Стали выплывать корпуса...

— Глубина 15 фут.!

Черезъ 10 минутъ высунули перископъ. Отчетливо виднѣется непріятельская эскадра. Впереди миноносцы, какъ будто, съ тралами. Флотъ идетъ постояннымъ курсомъ нордъ, не дѣлая зигзаговъ.

— Посмотрите вы! — обратился командиръ къ мичману.

— Разъ, два, три... десять! — **Главныя силы!** — восторженно воскликнулъ тотъ.

— Ну, стало быть, «они», — какъ обычно спокойно возразилъ Меркушевъ, точно это была встрѣча самаго мирнаго времени.

— Вотъ только компасъ проклятый заѣдаетъ [1]). — Вѣчная исторія! — Придется атаковать съ высунутымъ перископомъ, — столь же спокойно высказалъ онъ свои соображенія.

---

[1]) Застаивается.

Мичманъ съ невольнымъ восхищеніемъ взглянулъ на командира.

Чтобы затруднить противнику возможность обнаружить себя, Меркушевъ рѣшилъ перерѣзать курсъ непріятеля, перейти на правую сторону приближающейся эскадры и занять позицію между солнцемъ и ею.

Въ 8 час. 50 мин. — «Окунь» вышелъ на створъ непріятельскихъ мачтъ. Теперь колонна двигалась прямо на него. Тутъ обнаружилось, что миноносцы не несутъ тралы, какъ то казалось раньше, а просто идутъ по сторонамъ эскадры, охраняя ее отъ подводныхъ атакъ. Разстояніе было 5 съ половиной миль.

Помня предупрежденіе, что германскіе миноносцы имѣютъ обыкновеніе буксировать за собой адскія машины для взрыва лодокъ, Меркушевъ рѣшилъ атаковать флотъ въ лобъ, чтобы, тѣмъ самымъ, избѣжать необходимости прорѣзывать строй охраняющихъ миноносцевъ и не наскочить на ихъ подрывные патроны. Такой способъ атаки изнутри непріятельскаго строя былъ удобенъ еще потому, что наблюденіе за водной поверхностью ведется на миноносцахъ, преимущественно, внѣ предѣловъ формаціи колоннъ, и врядъ ли кому могла придти въ голову мысль, что атакующая лодка займетъ позицію внутри строя, — между миноносцами и кораблями.

— Аппараты на носовой залъ! Вѣеръ пять градусовъ! — послѣдовалъ приказъ.

Мины были образца 1908 года. Зарядъ въ 6 пудовъ пироксилина.

— Пра-во!

Лодка повернула и легла на правый головной миноносецъ. Грозная колонна ощетинившихся махинъ темной массой надвигалась на нее...

Спокойный голосъ скомандовалъ:

— Аппараты товсь!

Рискъ чудовищный. Вслѣдствіе застоя компаса, — **атака идетъ съ поднятымъ забраломъ.** Перископъ на полъ-фута торчитъ надъ водой. Хотя его и заливаетъ, — каждое мгновеніе онъ можетъ быть обнаруженъ. Одна надежда — солнце.

Ходъ «Окуня» — 2 узла. Ходъ непріятеля — 14. Сближеніе — 16 узловъ (28 верстъ). Эскадра близка.

Желая оставить себѣ какъ можно больше мѣста для маневрированія внутри вражескихъ колоннъ, и не имѣя возможности точно опредѣлить разстояніе между ними, **— Меркушевъ рѣшилъ вплотную подойти къ головному миноносцу.** Онъ пошелъ на это потому, что взрывъ корабля на слишкомъ близкомъ разстояніи могъ погубить лодку.

Сближеніе продолжалось...

— Пра-во!.. Одерживай!.. Такъ держать!

Слухъ уловилъ отдаленный, словно подземный гулъ. Грузно работали винты большихъ кораблей. Звенѣли винты миноносцевъ.

— Господи помилуй и сохрани! Перекрестилась одна рука, закрестились остальныя. Перекрестился и старый боцманъ, и молодой мичманъ.

Командиръ смотрѣлъ въ перископъ. Темная туча дыма замела горизонтъ.

Плеснула волна. Бурунъ головного миноносца обдалъ перископъ.

— Вниманіе!

Миноносецъ промчался. Промелькнули носъ, мостики, трубы, люди, развѣвающійся флагъ Желѣзнаго Креста. Онъ прошелъ настолько близко, что Меркушевъ успѣлъ даже различить на палубѣ свинью. Большинство людей стояли спиной; тѣ же, кто стоялъ лицомъ, не замѣтили перископа.

Меркушевъ повернулъ окуляръ.

Къ величайшей досадѣ, головной корабль былъ еще далекъ. Предположеніе, что онъ идетъ вровень съ передней парой миноносцевъ (какъ то представлялось издалека), оказалось ошибочнымъ. При такой позиціи, нельзя было ложиться на боевой курсъ, чтобы не угодить подъ таранъ. Между тѣмъ, опредѣлилось, что разстояніе между кильватеромъ миноносцевъ и колонной кораблей всего 4 кабельтова (400 саженей), въ то время, какъ радіусъ циркуляціи лодки, — 2 кабельтова. Атаковать при такихъ условіяхъ было опасно. Ничего не оставалось, какъ выйти наружу, тамъ развернуться и тогда атаковать.

Мысль работала съ молніеносной быстротой. Только рѣшительный человѣкъ, хорошо владѣющій собой и знающій свое дѣло, могъ такъ, въ одно мгнове-

ніе, въ столь критическій моментъ — схватить обстановку.

Маневръ былъ крайне рискованъ. Нужно было прорѣзать строй миноносцевъ, а командиръ помнилъ предупрежденіе объ адскихъ машинахъ. Но и тутъ его холодный разсудокъ помогъ ему. Меркушевъ рѣшилъ, что въ эскадренномъ плаваніи подобная буксировка врядъ ли имѣетъ мѣсто, такъ какъ она опасна и стѣснительна при маневрированіи, и нѣмцы, вѣроятно, пользуются ими только при самостоятельномъ плаваніи миноносцевъ.

— Лѣво на бортъ!

Лодка повернула. Все это произошло на протяженіи нѣсколькихъ секундъ.

— Глубина 50 футъ! — Перископъ убрать! — чтобы нырнуть подъ миноносцы.

«Окунь» забралъ глубину.

Надъ головой прозвенѣли винты миноносца.

— Прямо руль!

Шумъ винтовъ удалился.

— Пра-во!.. Всплывай!.. Глубина 25 футъ!

Высунули перископъ.

— Странно! — мелькнула мысль. — Не слышно винтовъ третьяго миноносца... Меркушевъ взглянулъ въ перископъ.

— Ничего не могу понять! — съ сердцемъ воскликнулъ онъ.

Огромный пѣнистый бурунъ и выросшая у самаго носа глухая стѣна закрыла собой все поле зрѣнія. Казалось, навалилась какая-то громада, которая вотъ-вотъ, сейчасъ, сію минуту раздавитъ, сотретъ въ порошокъ.

— Ухъ-ухъ, ухъ-ухъ, — глуша и подавляя всѣ звуки, послышался грозный знакомый рокотъ.

Меркушевъ понялъ. Разсуждать было некогда. Только инстинктъ опытнаго командира могъ еще, быть можетъ, найти путь къ спасенію.

— Пли!!! — Право на бортъ! — Самый полный впередъ! — Погружайся! — Наполняй добавочную! — Какъ изъ пулемета, посыпалась громовая команда.

Онъ успѣлъ еще разъ взглянуть въ перископъ. Мелькнули фонтаны выпущенныхъ минъ, брызги и полный мракъ окуталъ все. Отчаянный грохотъ, скрежетъ,

сотрясеніе. Что-то ломалось, рвалось, лопалось надъ самой головой.

Корпусъ дрожалъ, лодка валилась на бокъ. Не успѣвшіе ухватиться, полетѣли внизъ. Вдребезги разлетѣлись колпаки фонарей, звонъ разбитой посуды, грохотъ тяжестей... Но электричество продолжало горѣть.

Всеобщее оцѣпенѣніе.

Лодка продолжала валиться. Казалось, вотъ-вотъ опрокинется. Каждый схватился за что попало. Минные машинисты, какъ дали залпъ, — такъ и повисли на ручкахъ боевыхъ клапановъ.

Къ счастью, всѣ приказанія командира были выполнены. Дали залпъ, положили право руля, дали полный впередъ, добавочная систерна наполнялась водой. Это спасло.

Благодаря полному ходу и положенному на бортъ рулю, «Окунь», попавъ подъ днище бросившагося на него гиганта, принялъ направленіе, прямо противоположное его курсу. Такое положеніе облегчило ему отрывъ отъ днища. А такъ какъ добавочная систерна продолжала наполняться водой, и горизонтальные рули были переложены на погруженіе, — лодка успѣла оторваться раньше, чѣмъ встрѣтилась съ гребными винтами таранившаго ее корабля.

Что особенно надо поставить въ заслугу командиру, — это его находчивость: дать самый полный впередъ. Неопытный капитанъ, движимый обще-человѣческимъ инстинктомъ, попятился бы, т. е. далъ бы задній ходъ. Потерявъ тогда поступательное движеніе (пока лодка забрала бы задній ходъ), онъ лишился бы возможности управлять рулями глубины (лодка не послушалась бы ихъ); подъ дѣйствіемъ же остаточной плавучести, всплыла бы и была бы разрѣзана.

Добавочная систерна наполнилась. «Окунь» оторвался отъ днища и сталъ тонуть.

Скрипъ и грохотъ прекратились. Наступила тишина.

Быстрота паденія увеличивалась. Это создавало новую угрозу. Глубина моря здѣсь 40 саженей, а на такое погруженіе корпусъ старой лодки не былъ разсчитанъ. Давленіе воды раздавило бы ее.

— Рули на всплытіе! — Продуть добавочную систерну!

Услышавъ знакомый голосъ командира, команда пришла въ себя. Повернули маховикъ.

Всѣ впились въ глубомѣръ.

70, 75, 80...

Лодка продолжаетъ тонуть...

Глубомѣръ остановился. Стрѣлка дрогнула и тронулась въ обратную. — Пошла.

Радостный вздохъ облегченія.

Вдругъ, чудовищный взрывъ, лязгъ желѣза, будто разрываются бортовые листы, вылетаютъ заклепки.

Мысль, что давленіе воды рветъ корпусъ, — сковала всѣхъ. Первый нашелся командиръ.

— Продуть все! — Осмотрѣть отсѣки!

Грохотъ прекратился. Поступаютъ донесенія, что все вездѣ благополучно, разрывовъ нѣтъ.

— Какъ на руляхъ?

— Хорошо, ВВБ!

Общее недоумѣніе...

Приказавъ держаться на глубинѣ 80 футъ, командиръ вышелъ изъ боевой рубки. Блѣдныя лица обступили его.

— ВВБ! Никакъ мы попали на минное загражденіе? — послѣдовалъ тревожный вопросъ.

— Ну, братъ, если мы попали на загражденія, — мы не разговаривали бы съ тобой, — улыбнулся командиръ.

Заулыбались, повеселѣли и лица матросовъ.

— Но, позвольте спросить, что же означаетъ этотъ взрывъ?

Выступилъ минно-машинный старшина.

— По моему, это означаетъ то, что мы не зря попали въ эту передрягу. Вотъ что!

— Онъ правъ! — сказалъ Меркушевъ. — И вотъ почему: съ момента, когда мы дали залпъ, и до взрыва, который мы только что слышали, прошло всего три минуты. Намъ онѣ показались вѣчностью, но, однако, это такъ. Въ одну минуту мина проходитъ пять кабельтовыхъ, слѣдовательно, одна изъ нашихъ минъ взорвала тотъ корабль, который былъ отъ насъ въ разстояніи 15 кабельтовыхъ.

Эти слова всколыхнули всѣхъ.

— Ура! Ура нашему командиру.

— Уррааа... — восторженно подхватила команда.

Командиръ поднялся въ рубку.

— Всплывай! Глубина 60 футъ!

Вдругъ, словно отрѣзало, — замерло все: — послышался отдаленный гулъ винтовъ.

— Ныряй! Глубина 80 футъ! — скомандовалъ командиръ.

Черезъ нѣсколько минутъ снова:

— Всплывай! Глубина 60 футъ! — Опять шумъ винтовъ наверху.

Снова нырнули. Такъ продолжалось нѣсколько разъ. По безпорядочному движенію кораблей и миноносцевъ, чувствовалось, что наверху хаосъ.

Командиръ рѣшилъ идти въ подводномъ положеніи къ своимъ берегамъ.

Обнаружилась течь. Протекалъ сальникъ перископа. Замотали вѣтошью. Пропускала воду и крыша систерны подводнаго якоря. Чтобы облегчить работу по поджатію гаекъ (уменьшить давленіе воды), — всплыли на глубину 40 футъ.

Отъ этихъ и другихъ поврежденій въ лодкѣ скопилась вода, а такъ какъ она продолжала просачиваться, — «Окунь» понемногу терялъ плавучесть. Выкачивать же воду было опасно, ибо она смѣшалась съ масломъ, и послѣднее, всплывъ на поверхность, дало бы хорошо видимый слѣдъ. Пришлось оставить воду въ трюмѣ и ограничиться постепеннымъ продуваніемъ добавочной систерны.

Въ 11 час. 30 мин. пополудни лодка осторожно всплыла. Стояла тихая, бѣлая ночь. . . . . .

. . . . . .

На слѣдующій день «Окунь», встрѣченный звуками марша и криками «ура», вернулся на Аренсбургскій рейдъ...

Эпилогъ.

Посмотримъ теперь, что творилось наверху, пока на глубинѣ происходила описанная трагедія.

3-го іюня 1915 года авангардъ германскихъ морскихъ силъ Балтійскаго моря, въ составѣ бронирован-

ныхъ крейсеровъ: «Принцъ Генрихъ», «Принцъ Адальбертъ», «Роонъ»; легкихъ крейсеровъ: «Гамбургъ», «Данцигъ», «Газелли», «Арконъ»; 12 эскадренныхъ миноносцевъ, гидро-матки и каравана тральщиковъ показался у маяка Люзерортъ. Авангардъ подошелъ къ кормѣ нашего миннаго заграждения. По ту сторону его находилась русская минная дивизія. Непріятельскія гидро вылетѣли на развѣдку.

Въ 8 час. 10 мин. веч. появились дымы главныхъ вражескихъ силъ, **имѣвшихъ задачу прорваться въ Рижскій заливъ.** «Окунь» атаковалъ ихъ, выпустивъ залпъ изъ четырехъ минъ.

За нѣсколько мгновеній до этого залпа, головной корабль «Брауншвейгъ», шедшій подъ флагомъ вице-адмирала Шмидта, увидѣлъ сверкнувшій перископъ. Онъ круто повернулъ и ринулся на таранный ударъ. Мины, успѣвъ забрать глубину, прошли подъ нимъ и вѣромъ направились на эскадру.

Охранные миноносцы увидѣли слѣдъ минъ. Завыли сирены. Въ тотъ же моментъ послѣдовалъ оглушительный взрывъ, и «Виттельсбахъ» — шестой корабль колонны исчезъ въ грандіозномъ столбѣ пламени и дыма.

На мостикѣ флагманскаго корабля произошло замѣшательство. Создалось впечатлѣніе, что эскадра попала въ западню, и со всѣхъ сторонъ атакована подводными лодками. Такое впечатлѣніе создалось потому, что на «Брауншвейгѣ» ясно ощутился ударъ тарана, и съ мостика видѣли пузыри [1]). **Слѣдовательно, ни у кого не было сомнѣній, что русская лодка потоплена.** Когда, вдругъ, завыли сирены миноносцевъ. Почему? Увидѣли лодку. **Стало быть, — вторая!** А черезъ три минуты грохнулъ взрывъ, и гдѣ? — въ хвостѣ колонны. **Несомнѣнно, — третья лодка...**

Этотъ ударъ, постигшій германскій флотъ, едва лишь онъ вступилъ въ русскія воды, настолько ошеломилъ его командованіе, что оно растерялось. Опасаясь дальнѣйшихъ атакъ, адмиралъ Шмидтъ далъ приказъ объ отступленіи. Флотъ повернулъ къ своимъ берегамъ. **Операція была сорвана.**

Подорванный «Виттельсбахъ», взятый было на бук-

---

1) Пузыри были отъ выпущенныхъ минъ.

сиръ, продолжалъ тонуть. Видя, что ему не добраться домой, онъ обрубилъ концы и выбросился на отмель.

Таковъ былъ результатъ встрѣчи нашей славной старушки съ германскимъ Голіафомъ.

Возстаніе Кронштадта.

1. Голгофа офицеровъ.

28 февраля 1917 г. въ минномъ офицерскомъ классѣ шелъ послѣдній экзаменъ... Въ полдень завѣдующій обученіемъ, контръ-адмиралъ Рейнъ, собралъ всѣхъ слушателей и объявилъ, что въ виду событій въ Петроградѣ и возможно возникновенія безпорядковъ въ Кронштадтѣ, приказано всѣхъ срочно расписать по кораблямъ и экипажамъ для усиленія офицерскаго состава. Адмиралъ тутъ же прочелъ приказъ о временныхъ назначеніяхъ.

Въ силу этого распоряженія, одинъ изъ слушателей, мичманъ съ дредноута «Гангутъ», Кравзъ-Тарнавскій, попалъ на транспортъ «Николаевъ», гдѣ помѣщался унтеръ-офицерскій классъ минеровъ. Въ 7 ч. вечера онъ явился къ своему новому командиру.

— Сегодня переночуйте на «Хопрѣ» [1]). Имѣйте наготовѣ оружіе. Ночью ожидаются выступленія береговыхъ командъ.

Откланявшись командиру, мичманъ прошелъ въ каютъ-компанію. Всѣ офицеры были въ сборѣ, сидѣли за вечернимъ чаемъ. По столамъ грудами лежали газеты, но свѣжихъ — Петроградскихъ не было. Почта не приходила.

Въ 10 час. вечера Тарнавскій распрощался и ушелъ къ себѣ. Не думалъ онъ, что въ послѣдній разъ видитъ этихъ офицеровъ.

Утомленный экзаменами, легъ спать и крѣпко заснулъ.

Раннимъ утромъ необычайный топотъ и шумъ въ каютъ-компаніи разбудилъ его. Распахнулась дверь, и

[1]) Минный заградитель, стоявшій рядомъ съ «Николаевымъ».

толпа вооруженныхъ матросовъ ворвалась въ каюту. Ихъ ленточки на фуражкахъ были перевернуты.

— Одѣвайтесь!

— Почему?! — Что случилось?

— Одѣвайтесь и идите за нами...

Мичманъ одѣлся. Вышли на палубу. Ни души... Зловѣщая тишина мутныхъ сумерекъ. Слышны отдѣльные выстрѣлы...

Спустились съ корабля и отправились къ Петровскому парку.

— Куда же вы меня ведете?

— А туда, гдѣ разстрѣливаемъ вашихъ товарищей-кровопійцъ.

Миновали домъ главнаго командира. Молча подошли къ Якорной площади. Здѣсь было людно, шумѣла толпа. Въ туманѣ колыхались, казавшіяся черными, полотнища красныхъ знаменъ.

Вступивъ на мостъ, перекинутый черезъ ровъ, мичманъ остановился, пораженный. По откосамъ рва и въ глубинѣ недвижными грудами и въ одиночку, съ раскинутыми руками, лежали трупы офицеровъ въ черныхъ пальто.

Сильный ударъ въ спину мотнулъ Тарнавскаго. Потерявъ равновѣсіе, онъ покатился подъ откосъ. Задержавшись за чей-то трупъ, сталъ подниматься, когда взоръ упалъ на золотой погонъ офицера, лежавшаго у его ногъ. На немъ красовались три орла. Это былъ убитый главный командиръ, адмиралъ Виренъ.

Мичманъ поднялся и оглянулся. Стоявшій на краю обрыва матросъ цѣлился въ него...

* * *

Въ Петроградѣ, въ квартирѣ, извѣстнаго всей Россіи своими протезами, профессора Тарнавскаго царила тревога. Изъ дома въ домъ ползли мрачные слухи о кронштадтскихъ убійствахъ. Жены офицеровъ, матери, отцы, родственники осаждали штабъ, бросались въ Думу, но никто и нигдѣ не зналъ ничего опредѣленнаго.

Всю ночь семья профессора не смыкала глазъ. Безпрерывно звонилъ телефонъ. Наводились справки. Но ничего достовѣрнаго и утѣшительнаго.

Настало утро. Предчувствіе чего-то страшнаго, не-

поправимаго, вдругъ, съ особой силой охватило несчастную мать. Никакія слова надеждъ, никакія завѣренія мужа, заботы старушки-матери — бабушки мичмана — не помогли. Рокъ, нависшій надъ ея сыномъ, невѣдомыми таинственными путями передался ей и охватилъ все ея существо. Бросилась въ опустѣлую комнату, гдѣ еще такъ недавно «онъ» былъ и ночевалъ. Подъ кроватью жалобно скулилъ его вѣрный песикъ «Малька».

На столѣ лежали забытые «имъ» часы. Дрожащей рукой мать взяла ихъ и машинально взглянула на циферблатъ. **Часы показывали 7 утра.** Только потомъ вспомнила она объ этомъ. Упавъ на колѣни передъ образомъ Спасителя, забилась въ страстной, отчаянной молитвѣ-мольбѣ...

2. Въ домѣ главнаго командира.

Наканунѣ, 27 февраля, адмиралъ Виренъ — главный командиръ и военный губернаторъ Кронштадта, какъ обычно, съ ранняго утра сидѣлъ за работой. До полудня совершилъ объѣздъ города и учрежденій и къ завтраку вернулся домой.

Въ большомъ залѣ шла усиленная работа бѣльевого склада, руководимаго супругой адмирала. Подготовлялась спѣшная отправка на фронтъ. Вечеромъ адмиральша выѣзжала въ городъ. Несмотря на событія въ Петроградѣ, въ Кронштадтѣ царило спокойствіе.

Въ 10-мъ часу, въ виду полнѣйшаго отсутствія свѣдѣній изъ столицы и отъ штаба командующаго флотомъ, у главнаго командира собрался военный совѣтъ. Присутствовали комендантъ крѣпости, вице-адмиралъ Курошъ, начальникъ штаба порта, контръ-адмиралъ Бутаковъ и др. лица.

Комендантъ привезъ только что полученную имъ депешу начальника штаба верховнаго главнокомандующаго съ высочайшимъ повелѣніемъ приготовить для отправки въ распоряженіе генералъ-адъютанта Иванова два артиллерійскихъ полка.

— Я отвѣтилъ, что не могу это выполнить, такъ

какъ не увѣренъ, что въ пути полки не измѣнятъ присягѣ.

Зазвонилъ телефонъ.

— Кто у аппарата?

— Членъ Государственной Думы Энгельгардтъ. — Мнѣ нужно переговорить съ комендантомъ крѣпости.

Адмиралъ Курошъ взялъ трубку.

— Скажите откровенно, адмиралъ, — вы за насъ или противъ.

— Ни за, ни противъ, — отвѣтилъ Курошъ. — Я охраняю ввѣренную мнѣ крѣпость.

— Пріѣзжайте немедленно въ Думу.

— Я не могу оставить свой постъ.

На этомъ разговоръ окончился.

Послѣ засѣданія, комендантъ и главный командиръ поѣхали на взморье. Вернулись къ двѣнадцатому часу ночи и прошли въ столовую пить чай. Оба были спокойны.

Ночью главный командиръ составилъ слѣдующее воззваніе: «Рабочіе Кронштадта и жители города! Вамъ уже, конечно, извѣстны событія въ Петроградѣ, и вы не можете не волноваться ими. Примите мой отеческій совѣтъ — продолжайте каждый свое дѣло, помня, что отъ этого зависитъ не только общее дѣло, но и личное благополучіе».

Утромъ главный командиръ былъ разбуженъ ординарцемъ. Въ порту вспыхнулъ пожаръ. Его удалось быстро ликвидировать, и адмиралъ, весь пропахшій гарью, вернулся къ себѣ. Доложили, что забастовала электрическая станція. Немедленно переодѣвшись, поѣхалъ туда. Рабочіе митинговали.

Адмиралъ долго убѣждалъ ихъ не прерывать работы, такъ какъ это отразится на выпечкѣ хлѣба.

— И затѣмъ я не вижу никакихъ поводовъ къ протестамъ. Кронштадтъ не испытываетъ ни малѣйшихъ затрудненій въ продовольствіи, и вы, и ваши семьи вполнѣ обезпечены всѣмъ необходимымъ.

— Ваша жена, небось, не стоитъ въ хвостахъ, — крикнулъ кто-то изъ заднихъ рядовъ; но адмиралу все же удалось убѣдить рабочихъ не бастовать.

Вернулся домой. Изъ Ораніенбаума доносили, что 13.000 солдатъ вышли изъ повиновенія, громятъ мага-

зины, хулиганятъ на вокзалѣ и пробираются къ продовольственнымъ вагонамъ, предназначеннымъ для Кронштадта.

— Ваше превосходительство! — У вокзала стоятъ три вагона съ толемъ для крѣпости. Не дай Богъ, пожаръ, — что прикажете съ ними дѣлать?

— Передайте начальнику стрѣлковой команды, ген. Петрову, мое приказаніе немедленно угнать ихъ къ Красной Горкѣ. Относительно продовольственныхъ вагоновъ сейчасъ командирую члена продовольственнаго комитета, Ящумова, принять мѣры къ охранѣ ихъ.

Одновременно адмиралъ приказалъ повсемѣстно уничтожить водку. Это была нелегкая задача, такъ какъ вся водка была въ мелкой посудѣ. Также отмѣнилъ онъ распоряженіе городовыхъ присутствовать на митингахъ и, желая оберечь ихъ, приказалъ снять оружіе.

Изъ Петрограда и отъ штаба командующаго флотомъ попрежнему не поступало никакихъ распоряженій. Въ эту тяжелую минуту Кронштадтъ былъ забытъ и предоставленъ самому себѣ.

Адмиралъ пытался связаться съ морскимъ министерствомъ, но ему сообщили, что министра нѣтъ, а подошедшій къ телефону адмиралъ Альтфатеръ не могъ сказать ничего опредѣленнаго.

Наступилъ вечеръ. Пришелъ чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, А. А. Щекинъ, чтобы взять на себя телефонныя записи.

По городу циркулировали самые невѣроятные и противорѣчивые слухи. Безпрерывно трещали звонки. То сообщали, что двинутыя изъ ставки войска подступаютъ къ столицѣ, и мятежники въ паникѣ бѣгутъ. То, наоборотъ, — наступающія войска взбунтовались, перебили офицеровъ и перешли на сторону возставшихъ. Словомъ, рѣшительно ничего нельзя было понять.

Тогда адмиралъ вызвалъ Ораніенбаумъ.

— Попытайтесь связаться съ Петроградомъ. Говорятъ, вышелъ манифестъ. Надо торопиться его объявить...

Около полуночи чей-то взволнованный голосъ

доложилъ: — Взбунтовались артиллерійскіе полки. Идутъ подымать матросовъ. — Телефонъ оборвался.

— Началось! — только сказалъ адмиралъ и, безнадежно махнувъ рукой, опустился въ кресло.

Снова затрещалъ телефонъ.

— Адмиралъ, это вы?! — Говоритъ директоръ гимназіи. Въ городѣ бунтъ. Стрѣльба. Вооруженная толпа направляется къ вамъ. Спасайте себя и своихъ. Предлагаю пріютъ у себя.

Но Надежда Францевна Виренъ мужественно отказалась.

Въ домѣ потушили электричество, оставили одну лампу въ кабинетѣ адмирала. Издалека доносились звуки марсельезы и рокотъ надвигающейся толпы.

Получилось сообщеніе, что матросы осаждаютъ арестный домъ. Адмиралъ немедленно телефонировалъ генералу Панферову освободить арестантовъ, чтобы выпускъ ихъ былъ актомъ законной власти. Желая спасти командира экипажа, генералъ-майора Стронского, нелюбимаго командой, замѣнилъ его помощникомъ.

Телефонъ продолжалъ безпрерывно звонить, принося одну вѣсть тяжелѣе другой.

— Горитъ морской судъ. Чернь громитъ зданіе. Выбрасываетъ имущество. Уничтожаетъ дѣла.

— Грабятъ арсеналъ! Разбираютъ оружіе.

— Горятъ полицейскіе участки. Толпа направляется къ штабу.

Было 4 часа утра.

3. На границѣ смерти.

Увидѣвъ наведенныя на себя винтовки, Тарнавскій закрылъ глаза... Быстрѣе свѣта промелькнула въ памяти короткая лента его жизни. Мать. Отецъ. Баловница-бабушка. Мельчайшія подробности семейнаго уюта. Даже любимый фоксикъ «Малька», вдругъ, вспомнился ему. А теперь эта смерть...

Еще вчера, интересуясь вопросами подводнаго плаванія, онъ, спокойный и увѣренный, прошелъ въ минный унтеръ-офицерскій классъ. Войдя въ одинъ изъ залъ, засталъ человѣкъ 20 матросовъ-подводниковъ за

обсужденіемъ какого-то чертежа. Увидѣвъ входящаго офицера, одинъ изъ нихъ скомандовалъ — «смирно»! — «Вольно»! — отвѣтилъ Тарнавскій и подошелъ къ матросамъ.

— Скажите, ребята, мнѣ нужна справка о нѣкоторыхъ механизмахъ. Кто бы изъ васъ могъ дать мнѣ ее?

Матросы охотно отозвались, достали нужный чертежъ и окружили мичмана, Добрый часъ длилась дружная, оживленная бесѣда...

. . . . . .

Щелкнули затворы... Послышались крики. Тарнавскій открылъ глаза. Какіе-то матросы бѣжали къ нему внизъ по откосу, махая руками и что-то крича. Ошеломленный, онъ стоялъ, ничего не соображая. Матросы кричали ему — вы спасены! — бѣгите отсюда! Онъ слышалъ ихъ, но не понималъ. Словно налитый свинцомъ, продолжалъ стоять среди обезображенныхъ труповъ.

Матросы окружили его.

— ВВБ! — Вы спасены! — наконецъ, понялъ онъ. Но тутъ силы оставили его. Матросы подхватили и вывели изо рва.

— За что?! — Почему? — не понимая, что случилось, и потрясенный происшедшимъ, лепеталъ онъ.

— А помните, вчерась, вы приходили къ намъ въ классъ и разговаривали съ нами. Мы увидѣли тогда, что вы за человѣкъ. — Идемте съ нами. Мы васъ въ обиду не дадимъ.

Окруживъ офицера, матросы повели его. Съ Якорной площади свернули на Павловскую улицу, гдѣ находились казармы 3-го артиллерійскаго полка, миннаго отряда и I-го флотскаго экипажа. Это былъ кровавый путь кронштадтскаго офицерства. Здѣсь, по этому пути, они несли свой крестъ на Якорную Голгофу.

Впереди другая кучка матросовъ вела какого-то прапорщика. Рядомъ, вся въ слезахъ, спотыкаясь и ничего не видя, бѣжала его беременная жена. Прапорщикъ о чемъ-то просилъ матросовъ. Тѣ слушали его, даже остановились. Прапорщикъ за руку сталъ прощаться съ ними. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и нѣсколь-

ко шаговъ навстрѣчу бросившейся къ нему женѣ, какъ одинъ изъ матросовъ вскинулъ винтовку и выстрѣлилъ. Прапорщикъ замертво упалъ. Партіи Тарнавскаго пришлось обойти его бездыханный трупъ, надъ которымъ въ безутѣшныхъ рыданіяхъ трепеталъ шелковый голубой платокъ его несчастной вдовы.

Солдаты артиллерійскаго полка, увидѣвъ, что матросы ведутъ офицера, высыпали со двора. — Зачѣмъ ведете его? — Отдайте намъ! — Мы быстро справимся съ этой сволочью — и, схвативъ мичмана, поволокли съ собой. Матросы съ трудомъ отбили его.

Пошли дальше.

Озвѣрѣлая толпа, опьяненная кровью и грабежомъ, преграждала путь у флотскаго экипажа. Сторонкой миновали ее. Встрѣтили трехъ матросовъ, тащившихъ пулеметъ. Какой-то солдатъ изо всей силы отбивалъ его. Это былъ жандармъ. Выхвативъ шашку, сильнымъ ловкимъ ударомъ хватилъ одного по шеѣ. Матросъ съ отрубленной головой покатился на мостовую. Замахнулся на другого, но третій выстрѣломъ изъ револьвера уложилъ его.

Наконецъ, подошли къ казармамъ миннаго отряда. Вошли въ канцелярію. Никого. Рѣшивъ, что дѣло свое сдѣлали — спасли офицера, матросы распрощались и ушли. Тарнавскій остался одинъ. Подошелъ къ окну.

На дворѣ, въ тѣсномъ кольцѣ солдатъ, стоялъ старый полковникъ. Орущая толпа плевала въ него, била прикладами, таскала за бороду и, наглумившись, подняла на штыки . . .

Открылась дверь. Вошелъ бравый боцманматъ. Увидѣвъ офицера, остановился въ изумленіи.

— Что вы тутъ дѣлаете, и кто вы такой?

Узнавъ, въ чемъ дѣло, вызвалъ двухъ матросовъ и приказалъ посадить подъ арестъ. Отвели въ цейхаузъ и заперли на ключъ.

Наступилъ вечеръ. Кромѣшная тьма. Доносятся пьяныя пѣсни . . .

Чьи-то шаги остановились у цейхауза.

— Кто-то тамъ сидитъ. Если офицеръ, нечего его тамъ держать. Нужно прикончить, какъ остальныхъ.

Шаги удалились.

Прошелъ часъ, быть можетъ, два. Нѣсколько человѣкъ остановилось у дверей. Щелкнулъ замокъ.

Дверь распахнулась. Въ свѣтѣ электрическаго фонаря обозначилась банда вооруженныхъ людей...

4. Убійство главнаго командира.

Возбужденная толпа вплотную подошла къ массивному зданію дома главнаго командира. Въ окнахъ ни единаго огонька. Въ мрачномъ блескѣ зеркальныхъ стеколъ отсвѣчивалось зарево горѣвшаго суда.

Въ вестибюлѣ сидѣли ординарцы, и престарѣлый 84-лѣтній городовой Церковный съ колодкой медалей отъ одного плеча къ другому. Со страхомъ наблюдали они надвигающуюся толпу.

Размахивая саблями, ружьями, въ пулеметныхъ лентахъ, толпа бурными потоками окружила домъ. Мѣдь и барабаны нестройной, оглушительной Марсельезой ударили по стекламъ и стѣнамъ домовъ.

Когда толпы еще не было, но когда она уже шла, охваченная своими инстинктами, къ дому главнаго командира, — получилось ошибочное сообщеніе, что она свернула. Вѣроятно, въ обитателяхъ дома это вселило надежду, что опасность, хотя бы на сегодня, миновала, и адмиралъ, рѣшивъ подкрѣпиться для слѣдующаго дня, пошелъ къ себѣ прилечь. Убѣдилъ остальныхъ послѣдовать его примѣру.

Утомленная двумя безсонными ночами, измученная пережитымъ адмиральша, одѣтая, упала на постель и забылась тяжелымъ сномъ.

Когда проснулась, было 5 час. 15 мин. утра. У постели стояли дочь и сестра.

— Я только что слышала голосъ папы. Онъ шелъ съ командами мимо нашего дома.

Вдругъ, изъ залы средняго этажа донеслись бравурные звуки рояля, взрывы смѣха и шумъ многочисленныхъ голосовъ. Понявъ все, адмиральша вскочила съ постели и бросилась внизъ.

По лѣстницѣ съ ружьями на перевѣсъ взбѣгали матросы. Впереди какой-то субъектъ съ саблей наголо, въ фуражкѣ съ козырькомъ и Анненской лентой черезъ плечо.

— Что вы хотите?!

— Не бойтесь, мадамъ, — остановились матросы. — Мы женщинъ не трогаемъ. Мы боремся за свободу и ищемъ оружія.

— Вотъ вамъ револьверъ моего мужа. Но умоляю васъ, не проливайте крови.

Вожакъ старался успокоить женщинъ.

— Не тревожьтесь за судьбу адмирала. Мы арестовываемъ офицеровъ, чтобы избѣжать кровопролитія. Вы сегодня же будете допущены къ нему и принесете ему пищу...

Внизу шелъ повальный грабежъ. Голодная улица накинулась на съѣстное и пожирала его. Все было перевернуто вверхъ дномъ. Особенно пострадалъ кабинетъ. Письменный столъ стоялъ съ вывороченными опустошенными ящиками. По всей комнатѣ валялись клочки бумаги, письма, конверты. На полу лежалъ Георгіевскій крестъ адмирала, его орденъ Бѣлаго Орла, адмиральскіе эполеты. Разбитый несгораемый шкафъ зіялъ пустотой. Деньги, фамильное серебро, драгоцѣнности, царскіе подарки — были разграблены. На истоптанномъ коврѣ лежала оброненная серебряная ложка.

Увидѣвъ весь этотъ разгромъ своего очага, не зная участи главы семьи, несчастныя женщины рѣшили бѣжать.

Но что же сталось съ самимъ адмираломъ?

Когда толпа окружила его домъ, группа вооруженныхъ до зубовъ матросовъ вошла въ вестибюль.

— Гдѣ главный командиръ?

— Спитъ! — отвѣтили ординарцы.

Матросы замялись.

— Спитъ? — Ну и пущай спитъ. — Мы еще сами не знаемъ, для чего нуженъ онъ намъ.

Матросы ушли. Было около 5 час. утра.

Вскорѣ они вернулись.

— Разбудите адмирала! — Скажите, что мы просимъ его выйти къ намъ.

Адмиралъ не спалъ. Онъ зналъ, что придутъ за нимъ и ждалъ этого. Когда запыхавшійся ординарецъ, блѣдный и испуганный, прибѣжалъ съ докладомъ, онъ былъ готовъ. Съ лицомъ, полнымъ рѣшимости, спокойно надѣлъ пальто, фуражку, застегнулъ перчатки и вышелъ на подъѣздъ.

— Здорово, ребята!

Услышавъ знакомый голосъ грознаго главнаго командира, толпа стихла. Матросы, какъ одинъ, отвѣтили по привычкѣ:

— Здравія желаемъ, Ваше Высокопревосходительство!

Адмиралъ спустился къ нимъ. Толпа окружила его и, подпираемая со всѣхъ сторонъ, стало поддаваться отъ дома. Адмиралъ что-то громко говорилъ. Стоявшіе возлѣ него слушали его. Но задніе напирали, и адмиралъ, въ своемъ кольцѣ увлекаемый толпой, все дальше и дальше отходилъ отъ дома, подвигаясь къ Собору. Вдругъ, одинъ за другимъ сверкнули два выстрѣла, и смертельно раненый въ спину адмиралъ упалъ. Это была первая жертва. Первая кровь.

Обезображенный трупъ адмирала, героя Артура, еще недавно спасшаго Кронштадтъ, приволокли къ Якорной площади и сбросили въ тотъ самый ровъ, куда потомъ побросали тѣла остальныхъ офицеровъ, и гдѣ едва не погибъ молодой мичманъ Тарнавскій.

* * *

А вѣдь сколько тысячъ Кронштадтскаго населенія, — этихъ самыхъ рабочихъ, матросовъ и солдатъ, теперь убившихъ и растерзавшихъ его, обязаны своей жизнью адмиралу Вирену.

Дѣло это было такъ. Въ 1916 году, въ Страстной Четвергъ, около 2 час. пополудни, чудовищный взрывъ потрясъ Кронштадтъ. Во всѣхъ домахъ выбило стекла. Въ направленіи брандвахты взвился огромный черно-желтый столбъ.

Адмиралъ немедленно помчался къ мѣсту взрыва.

Злодѣйскимъ умысломъ была взорвана морская лабораторія, находившаяся въ Петровскомъ форту, рядомъ съ погребами бездымнаго пороха и снаряженныхъ сфероконическихъ минъ. Взрывы слѣдовали одинъ за другимъ. Каждую секунду погреба могли детонировать, тогда весь Кронштадтъ взлетѣлъ бы на воздухъ.

Прежде всего нужно было убѣдиться, что входы въ бетонированные погреба закрыты. Но какъ проникнуть туда?! Груды камней, балокъ, разбитыхъ рельсъ, обломки вагонетокъ летали по воздуху, сокру-

шая все на своемъ пути. Желтый, удушливый газъ стлался по мѣстности. Бушевало пожарище. Никто не рѣшался броситься въ этотъ омутъ яда, смерти и огня.

Подкатилъ автомобиль главнаго командира. Соскочивъ на ходу, адмиралъ Виренъ, не задумавшись надъ угрожающей его жизни опасностью, одинъ бросился къ входу въ погреба. Среди дыма мелькнула его фуражка и исчезла за густыми клубами его.

Увидѣвъ, что засовы сброшены, входъ открытъ, и длинные языки пламени лижутъ его и втягиваются внутрь, адмиралъ бросился закрывать дверь, но тяжелый бетонъ не поддавался. Къ счастью, примѣру адмирала послѣдовали еще три офицера. Входъ захлопнули. Взрывъ погреба былъ предотвращенъ.

Весь Кронштадтъ ликовалъ, празднуя свое спасеніе. Во время взрыва паника была такова, что все населеніе бѣжало изъ города.

Когда все успокоилось, — жители города, рабочіе, войска — всѣ восторженно привѣтствовали адмирала Вирена. Его имя было у всѣхъ на устахъ. За этотъ подвигъ онъ былъ представленъ къ ордену Св. Георгія 3-й степени...

А теперь, растерзанный и обезображенный, лежалъ въ грязи Кронштадтскаго рва.

5. Освобожденіе.

Какъ загнанный звѣрь, стоялъ передъ бандой матросовъ несчастный мичманъ, почти еще мальчикъ.

— Идемъ! — Нечего тутъ сидѣть! — обступили его матросы и повели въ 4-й этажъ, въ общіе карцера. Тамъ уже сидѣло человѣкъ 30 офицеровъ — въ большинствѣ молодежь.

Въ 10 часовъ вечера принесли ѣду — борщъ, кашу и хлѣбъ.

Ночью никто не спалъ. Нервы были слишкомъ натянуты. Переговаривались вполголоса...

Десять сутокъ просидѣлъ Тарнавскій въ этомъ карцерѣ. Многихъ за эти дни разстрѣляли. Многихъ куда-то увезли. Приводили новыхъ.

На третій день въ караулъ вступила 5-я рота миннаго отряда, въ которой оказались двое матросовъ изъ участниковъ спасенія Тарнавскаго. Узнавъ мичмана,

предложили переслать вѣсть о немъ въ Гельсингфорсъ, на флотъ. Дали бумаги и карандашъ.

«Дорогая 8-я рота — написалъ Тарнавскій. — Я живъ и здоровъ. Если хотите меня видѣть, сообщаю адресъ: Кронштадтъ, карцеръ миннаго отряда. Вашъ ротный командиръ мичманъ Кравзъ-Тарнавскій».

— Пожалуйста, перешлите это письмо на «Гангутъ»...

Прошло 6 дней. На седьмой, около 2-хъ часовъ дня, съ шумомъ открылась дверь, и двѣнадцать матросовъ съ винтовками, въ походной амуниціи остановились на порогѣ. Но какихъ матросовъ?! Въ погонахъ, по формѣ одѣтые, съ унтеръ-офицерскими нашивками и ленточками съ надписью «Гангутъ».

— ВВБ! — Слава Богу, вы живы и здоровы — радостно воскликнули они, увидѣвъ своего ротнаго командира похудѣвшаго, осунувшагося и безъ погонъ.

— Скорѣй, скорѣй отсюда. Къ намъ — на «Гангутъ». У насъ все спокойно и хорошо.

Радостный, не вѣрящій своему спасенію, стоялъ мичманъ.

Вышли на улицу, 12 человѣкъ **«своихъ»** матросовъ окружили его. На санкахъ покатили въ Ораніенбаумъ. При съѣздѣ на ледъ, Тарнавскій обернулся. Надъ массивами Кронштадта сверкалъ на солнцѣ соборный крестъ. Снялъ фуражку и горячо перекрестился.

Пріѣхали въ Питеръ. Тарнавскій предложилъ двумъ унтеръ-офицерамъ остаться при немъ, а остальнымъ вернуться въ Гельсингфорсъ.

Мичманъ съ двумя унтеръ-офицерами: Перепелицей и Алексѣевымъ поѣхали домой.

Съ бьющимся сердцемъ выскочилъ изъ саней и, мимо разинувшаго ротъ старика швейцара, бросился вверхъ по лѣстницѣ. Съ трудомъ переводя дыханье, позвонилъ.

Что-то кубаремъ подлетѣло къ двери, завизжало. Зацарапало. Бросилось назадъ и опять назадъ.

Послышались поспѣшные шаги. Дверь отворилась. «Малька» рванулся и прыгнулъ на грудь.

Кто-то вскрикнулъ. Что-то упало. Мать, отецъ, бабушка выбѣжали въ переднюю.

Мать упала на грудь сына...

Госуд. публичная
Библиотека

ФЛОТЪ

(русскіе моряки во время Великой войны и революціи).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ II.

Императрица Чернаго моря 3
Въ Походъ 12
Почетная сабля 20
Смѣна командующихъ флотомъ 25
Погоня 35
Операціи у Босфора 42
Въ сумеркахъ тайнъ 46
Седьмое октября 59
Взрывъ 61
Въ ночь подъ Рождество 72
На полюсахъ фронта 78
Адмиралъ Колчакъ 91
Письмо адмирала фонъ Эссена 138
Рижская операція 140
Гибель «Сивуча» 142
Дѣло на банкѣ «Споуенъ» 146
Гибель «Магдебурга» 149
Взрывъ «Паллады» 161
Атака германской эскадры 168
Подвигъ Меркушева 170
Эпилогъ 177
Возстаніе Кронштадта 179

Условія подписки на 1934 годъ:

Безъ приложеній (52 №№ жур.)

	Франція и колоніи	Въ Европѣ	Въ Польшѣ	Внѣевр. стр. и Дал. Вос.
На 12 мѣс.	110 ф.	140 ф.	42 зл.	175 ф.
6 мѣс	60 ф.	75 ф.	23 зл.	100 ф.
3 мѣс	35 ф.	40 ф.	12 зл.	50 ф.
1 мѣс.	12 ф.	15 ф.	4 зл.	или въ долл. по курсу дня

Съ приложеніями (52 №№ жур и 52 книги)

	Франція и колоніи	Въ Европѣ	Въ Польшѣ	Внѣевр. стр. и Дал.
На 12 мѣс.	270 ф	365 ф.	125 зл.	400 фр или въ долл по курсу дня

Подписчики съ приложеніями принимаются только на годъ, т. е. на 52 книги во избѣженія разрозненности комплектовъ и авторовъ

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка

Безъ приложеній (52 №№ жур.)

	Франція и колоніи	Въ Европѣ	Въ Польшѣ	Внѣевр. стр. и Дал. Вос.
При подпискѣ	85 фр.	40 фр.	7 зл.	50 фр.
1 марта	15	20	7	25
1 мая	15	20	7	25
1 іюля	15	20	7	25
1 сен.	15	20	7	25
1 нояб.	15	20	7	25
				или въ долл. по курсу дня.
	110 фр.	140 фр.	42 зл.	175 фр.

Съ приложеніями (52 №№ жур. и 52 книги)

	Франція и колоніи	Въ Европѣ	Въ Польшѣ	Внѣевр. стр. и Дал. Вос.
При подпискѣ	70 ф.	115 ф.	25 зл.	100 фр.
1 марта	40	50	20	60
1 мая	40	50	20	60
1 іюля	40	50	20	60
1 сен.	40	50	20	60
1 нояб.	40	50		60
				или въ долл. по курсу дн.
	270 фр.	365 фр.	125 зл.	400 фр.

Въ Польшѣ могутъ вносить ежемѣс. безъ приложеній по 3,5 зл., и съ приложеніями по 10 зл. 40 др.

Подписчики съ приложеніями, внесшіе плату за весь 1934 г. сразу впередъ, получатъ особую премію — 2 книги (по преміуру 1933 г.).

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала и по почтѣ чекомъ, почтовымъ мандатомъ или взносомъ на

Chèques postaux 671-81 à Paris

„La Russie Illustrée" 24, RUE CLÉMENT-MAROT, PARIS (8e)

Въ Парижѣ подпис

(Для перевода ден
камъ

Австрія
J. PERSKY — Mechitharistengasse, 4, Wien VII

Англія
„RODNOVE SLOVO" — Coptic street 32, London W. C. 1.

Болгарія
N. ALEXEEFF — Boîte postale 188, Sofia

Германія
„GRAD KITESCH" — Kleiststr. 21. Berlin W 62

Греція
GIANOPOULO — Rue Papepistimion 85, Athènes
R. CHIMCHI — 19, rue Taimiski, Salonique.

Дальній Востокъ
M. ZAITSEFF — 82, Kitaiskaya str., Harbin.

Египетъ
BIBLIOTHEQUE RUSSE — 2, rue Bank el Wataui, Le Caire.

Италія
S. PEVSNER. — Via Vincenzo Manti 1, Milano

Латвія
ED. PETZHOLZ — Skunu iela 16, Riga.
„LETA" — L. Smits iela 3, Riga.

Также мож

Въ Польшѣ P. K. O.
Въ Латвіи Pasta Tekoš
Въ Югославіи Postan
Въ Эстоніи Posti Jook

Supplément litterai

СПЕЦІАЛЬНАЯ ПОДПИСКА СЪ ДВУХГОДИЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ
(за 1933 и 1934 годы)

Для желающихъ получить теперь также I-ыя серіи полныхъ собраній сочиненій Достоевскаго, Толстого, Гоголя, Некрасова и др. (48 книгъ), выданныхъ въ 1933 г.,

открыта спеціальная подписка на 52 №№ журнала и 100 книгъ двухгодичныхъ приложеній.

Библіотеки **ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ** состоящей изъ:

34 кн.	=	полнаго собр. сочиненій **Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО**
34 кн.	=	полнаго собр. сочиненій. **Л. Н. ТОЛСТОГО**
10 кн.	=	полнаго собр. сочиненій **Н. В. ГОГОЛЯ**
3 кн.	=	полнаго собр. сочиненій **Н. А. НЕКРАСОВА**
2 кн.	=	„Записки Охотника“ **И. С. ТУРГЕНЕВА**
3 кн.	=	вперв. по русски „ВОСПОМИНАНІЯ“ Вел. Кн. Александра Михайловича
2 кн.	=	„Крушеніе Великой Имперіи“ **Миссъ БЬЮКЕНЕНЪ**
4 кн.	=	для дѣтей **А. С. ПУШКИНА**
		„ **МАЙНЪ РИДА**
		„ **САШИ ЧЕРНАГО**
		„ **КОНЕКЪ ГОРБУНОКЪ**
2 кн.	=	Морскіе разсказы „ФЛОТЪ“ **А. П. ЛУКИНА** Капитана 2-го ранга.
2 кн.	=	сборн. по исторіи анти-больш. движ. „**БЫЛОЕ**“ Подъ редакціей В. Л. БУРЦЕВА
3 кн.	=	произведенія сов. авторовъ **Мих. ЗОЩЕНКО, Бор. ПИЛЬНЯКА и Вяч. ШИШКОВА**
1 кн.	=	Очерки „БУРСЫ“ **Н. ПОМЯЛОВСКАГО**

Всѣ 100 книгъ на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, свыше 20.000 страницъ

УСЛОВІЯ СПЕЦІАЛЬНОЙ ПОДПИСКИ:

52 №№ журнала за 1934 г. и 100 книгъ

	Франція и колоніи	Европа	Польша	Америка и Прибрежныя страны
На 12 мѣс.	430 фр.	585 фр.	208 злот.	630 фр. или въ долл. по курсу дня

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА

При подпискѣ	130 фр.	185 фр.	58 зл.	180 фр.
1-го Марта	60 „	80 „	30 „	90 „
1-го Мая	60 „	80 „	30 „	90 „
1-го Іюля	60 „	80 „	30 „	90 „
1-го Сентября	60 „	80 „	30 „	90 „
1-го ноября	60 „	80 „	30 „	90 „
	430 фр.	585 фр.	208 зл.	630 фр. или въ долл. по курсу дня

Подписчики получатъ немедленно 48 книгъ и еженедѣльно, по одной книгѣ въ теченіе 1934 г.

Въ Польшѣ подписчики могутъ при подпискѣ внести 58 зл. и ежемѣсячно начиная съ 1 февраля по 13 зл. 60 гр. (11 мѣсяцевъ).

Подписчики, внесшіе сразу плату за весь годъ впередъ, получатъ особую премію 5 книгъ.

Адресъ редакціи см. на оборотѣ.